

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА**

кафедра народонаселения

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ:

КАИР +10

**Научная серия: Международная миграция
населения: Россия и современный мир**

Выпуск 12

**Москва
МАКС Пресс
2004**

УДК 325
ББК 60.7
М43

*Серия «Международная миграция населения:
Россия и современный мир»*

Выпуск 12

Редакционная коллегия:

В.А. Ионцев (главный редактор),
И.В. Ивахнюк (ответственный секретарь), **Г.Е. Ананьева**,
А.Н. Каменский, **Е.С. Красинец**, **И.А. Малаха**,
А.Г. Магомедова, **В.Н. Петров**, **А.П. Судоплатов**,
Л.Л. Рыбаковский, **Г.В. Кумсков** (Кыргызстан),
А.У. Хомра (Украина)

Международная миграция населения: Каир + 10:
M43 Научная серия: Международная миграция населения:
Россия и современный мир / Гл. ред. В.А. Ионцев. —
М.: МАКС-Пресс, 2004. — Вып. 12. — 192 с.

ISBN 5–317–01145–0

Двенадцатый выпуск серии представляет взгляды ученых на то, насколько 20-летняя Программа действий в области народонаселения, провозглашенная на Всемирной Конференции по народонаселению и развитию в 1994 г. в Каире, сохраняет свою актуальность спустя 10 лет в той своей части, которая касается международной миграции и в какой мере она может быть ориентиром при разработке национальной и международной стратегии управления миграционными процессами. Публикуемые в сборнике материалы могут не отображать точку зрения редакции. Авторы несут ответственность за их достоверность.

С электронной версией настоящего и предыдущих выпусков серии можно ознакомиться на веб-сайте кафедры народонаселения экономического факультета МГУ (www.demostudy.ru).

ББК 60.7

Компьютерный набор, обработка текста и подготовка макета:
Иван Алешковский

ISBN 5–317–01145–0

© В.А. Ионцев и др., 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Владимир Ионцев</i>).....	4
Владимир Ионцев, Андрей Каменский Международная миграция населения в России: уроки Каира	7
Давид Коулман Европа на перекрестке дорог: должны ли население Европы и ее рабочая сила зависеть от новой иммиграции?	20
Ирина Прибыткова Современные миграционные исследования: в поисках новых теорий и концепций.....	39
Людмила Понкратова Международная миграция населения на Дальнем Востоке России: трансформация потоков и основные тенденции.....	50
Светлана Грибова Миграция как элемент механизма интеграции восточных регионов России с экономикой КНР.....	67
Сергей Рязанцев Вынужденная миграция в России: десять лет после Каира.....	76
Елена Тюрюканова Трудовая миграция из стран СНГ и новые практики эксплуатации труда	85
Сведения об авторах	105
Краткая информация о Фонде ООН по народонаселению (ЮНФПА)	106
Информация о серии	107

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во второй половине прошедшего столетия демографические проблемы, включая и их миграционную составляющую, приобретают поистине глобальный характер. Осознанию, что решение всех этих проблем возможно лишь при совместных усилиях всего мирового сообщества, в значительной мере способствовало создание в 1969 г. в рамках ООН специального Фонда ООН для деятельности в области народонаселения (ЮНФПА) и проведение под его эгидой трех Всемирных конференций по проблемам народонаселения. Фонд уже в начале своей деятельности разработал программу ООН в области народонаселения, охватывающую более 100 стран и включающую около 1400 проектов, в том числе и по вопросам миграции.

С помощью ЮНФПА была осуществлена поддержка международных и национальных учебных заведений по подготовке кадров в области народонаселения, организованы специальные курсы ООН для специалистов по демографии из развивающихся стран на базе ряда университетов. Подобные курсы работали с 1975 г. по 1992 г. на базе Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ. В 2002 г. при поддержке представительства ЮНФПА в Москве была проведена в МГУ очень важная для развития демографического образования в России международная конференция «Демографическое образование в XXI веке в странах СНГ, Балтии и Восточной Европы».

Особая роль принадлежит ЮНФПА в организации и проведении Всемирных конференций ООН по народонаселению, состоявшихся в 1974 г. в Бухаресте, в 1984 г. в Мехико и в 1994 г. в Каире, на которых были рассмотрены острые проблемы народонаселения, приняты важнейшие программные документы в этой области.

Важное отличие этих конференций от других научных и практических форумов, в частности, предыдущих конференций по проблемам народонаселения (в 1954 г. в Риме и в 1965 г. в Белграде), на которых эксперты выступали только от своего собственного имени, состояло в том, что они проходили на высоком правительственном уровне. Отсюда значимость принятых на них документов.

Одним из основных таких документов стал Всемирный план действий в области народонаселения, принятый в г. Бухаресте в 1974 г. сроком на 20 лет. В 1984 г. в г. Мехико состоялась вторая подобная конференция по народонаселению, в которой участвовали правительства 147 стран против 136 стран, принявших участие на Конференции 1974 г. На Конференции были подведены десятилетние итоги Всемирного плана действий в области народонаселения и принята Декларация по проблемам населения и развития, в которой была подтверждена важность принципов и целей принятого десять лет назад Плана действий и сделаны рекомендации по дальнейшему его выполнению.

В 1994 г. в г. Каире была проведена третья Всемирная конференция ООН по народонаселению и развитию, в которой приняли участие уже

179 государств. В отличие от предыдущих конференций, на Каирском форуме, наряду с работой правительственных делегаций, прошли параллельные заседания 1500 неправительственных организаций из 133 стран, внесших значительный вклад в подготовку итогового документа конференции — новой 20-летней Программы действий в области народонаселения и развития, состоящей из 16 глав, касающихся практически всех злободневных проблем в области народонаселения, в том числе и непосредственно вопросов миграции — главы IX (внутренняя миграция и урбанизация) и X (международная миграция).

В 2004 г. предполагалось проведение следующего Всемирного форума ООН по народонаселению, но в силу, видимо, финансовых затруднений было принято решение не организовывать Всемирную конференцию ООН, но провести региональные конференции, посвященные 10-летию Каирской конференции, на которых, в частности, рассмотреть, как выполняется принятая в Каире Программа действий в области народонаселения в тех или иных регионах и странах мира. Одним из первых подобных мероприятий стал Европейский Форум по народонаселению (12–14 января 2004 г., Женева), на котором при поддержке представительства ЮНФПА в России участвовала и небольшая группа российских ученых и общественных деятелей. Единственный вопрос, по мнению автора¹, не получивший на Форуме практически никакого внимания, был связан с главой XI (Народонаселение, развитие и образование). А между тем, для России вопросы развития демографического образования, включая и миграцию, вопросы подготовки высококвалифицированных демографических кадров являются чрезвычайно важными для решения проблем демографического кризиса в стране.

3–4 ноября 2004 г. в Москве пройдет национальная конференция «Настоящее и будущее народонаселения России», посвященная 10-летию Каирской конференции. Данный 12-й выпуск нашей серии подготовлен при финансовой поддержке российского представительства ЮНФПА специально под эту конференцию. В нем представлены разные точки зрения о принятой в 1994 г. Программе действий в области народонаселения, в отдельных статьях анализируются успехи и недостатки по достижению поставленных в ней целей как в области международной миграции, так и в области получения достоверной информации и улучшения демографического образования (гл. XI) и в области научных исследований и разработок (гл. XII). Именно последнему посвящена статья известного ученого из Украины, профессора И.М. Прибытковой, которая, в частности, ставит интересный вопрос о «природе постсоветских миграций».

¹ Автор принимал участие как в самой Каирской конференции, так и в первой региональной конференции, посвященной началу осуществления «Программы действий...», которая состоялась в том же Каире в 1996 г. и на которой прозвучали довольно серьезные критические высказывания со стороны представителей развивающихся стран по отдельным положениям «Программы действий...». На Европейском Форуме автор выступил с кратким сообщением о роли миграции в демографическом развитии России.

Особое внимание привлекает статья одного из ведущих английских демографов, профессора Оксфордского университета Д. Коулмана², который не только подвергает критике возможность достижения отдельных целей, поставленных на Каирской конференции в области миграции, но и затрагивает важную проблему долгосрочных последствий (не всегда положительных) массовой миграции в развитые страны Европы, ставит под сомнение способность этой миграции «возместить потребность в рабочей силе» в Европе. Заметим при этом, что в статье есть и спорные, дискуссионные положения. Например, трудно согласиться с выводом о только положительном воздействии закрытия в США в середине 1960-х гг. специальной программы по привлечению в сельское хозяйство мексиканских работников, что в конечном счете привело к появлению многомиллионной мексиканской нелегальной иммиграции в США.

Интересна статья д.э.н. С.В. Рязанцева, посвященная проблемам вынужденной миграции в России. Проблемы этой формы миграционного движения нашли широкое отражение в Программе действий, и можно согласиться с выводом автора о том, что «Россия выполнила лишь небольшую часть из общего списка рекомендаций» Каирской конференции.

Статьи Л.А. Понкратовой и С.Н. Грибовой, представляющих восточные регионы страны, касаются актуальных для России вопросов взаимовыгодных отношений с Китаем в области привлечения китайских мигрантов, имеющих уже большую историю и приобретающих в настоящее время особое значение.

Статья Е.В. Тюрюкановой, основанная на конкретных исследованиях, затрагивает очень болезненную тему новых форм эксплуатации трудящихся-мигрантов, которые в наибольшей степени касаются мигрантов, нелегально работающих в странах-въезда. К сожалению, в силу очень сжатых сроков по подготовке данного выпуска редакционная коллегия не имела возможности перевести эту статью на английский язык. Перевод других статей на английский язык был осуществлен самими авторами и редакционной коллегией была проведена лишь небольшая правка.

Статья В.А. Ионцева и А.Н. Каменского посвящена основным современным тенденциям международной миграции в свете главных уроков Каирской конференции и основывается не только на анализе «Программы действий...», но и на других материалах и личных воспоминаниях авторов, непосредственно принимавших участие в работе этой конференции.

*Владимир Ионцев,
главный редактор серии*

² Профессор Д. Коулмен выступил с основным докладом на пленарном заседании Женевского Форума по народонаселению (2004 г.), посвященного демографическому развитию Европы. С докладом можно ознакомиться на сайте Форума.

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ

В РОССИИ: УРОКИ КАИРА¹

Международные миграционные потоки, образовавшие в настоящее время своеобразную «нацию мигрантов», по численности входящую в тройку самых многочисленных государств, охватили в последнее десятилетие (1994–2004 гг.), по существу, все страны мира, став поистине глобальным явлением, в котором, как в зеркале, отражаются все достижения и проблемы современного мирового сообщества, многие из которых нашли яркое отражение на Каирской конференции ООН в 1994 г.

Не случайно многие специалисты считают, что вопросы по международной миграции на Каирской конференции ООН 1994 года по проблемам народонаселения и развития имели особо острую дискуссию. На наш взгляд, принципиально новым моментом в главе X Проекта главного документа «Программы действий...» (Programme of Action of the United Nations International Conference on Population and Development 1994), обсуждавшегося на Конференции по народонаселению и развитию, является то, что впервые важнейшей компонентой демографического развития развитых стран мира, а также положительным процессом была признана международная миграция «взаимовыгодная как для принимающих, так и для посылающих стран» (Доклад ..., 1994, С. 47) в отличие от типичных трактовок прошлого, дающих, как правило, тезис о том, что трудоимпортирующие страны выигрывают в одностороннем порядке от этого процесса. Второе — призыв ко всем правительствам к сотрудничеству в области прежде всего статистики международной миграции с неправительственными организациями. Третий важный момент заключался в проблеме «воссоединения семей зарегистрированных мигрантов». Кроме того, возникла острая дискуссия по реэмиграции. Этот вопрос, по-видимому, и вызвал дополнительное раздражение США, ведущих явно выраженную ассимиляционную миграционную политику в отличие от возвратной миграционной политики, используемой Западной Европой и нефтедобывающими арабскими странами.

Таким образом, роль Каирской конференции ООН (1994 г.) по народонаселению и развитию заключалась в том, что впервые официальные делегации практически всех стран признали в итоговом документе

¹ Авторы в составе российской делегации непосредственно участвовали в работе Всемирной конференции ООН по народонаселению и развитию (5–13 сентября 1994 г., г. Каир, Египет), на которой была принята 20-летняя Программа действий в области народонаселения и развития, 10 глава которой посвящена международной миграции. Как участники конференции, хотели бы обратить внимание на тот факт, что вопросы международной миграции вызвали наиболее ожесточенную полемику среди стран-участниц конференции, став своеобразным «камнем преткновения» между богатым Севером и бедным Югом.

(«Программа действий...»), что и эмиграция и иммиграция могут дать существенные выгоды и посылающим и принимающим странам, т.е. признали фактически участие в международном миграционном обмене взаимовыгодной формой международных отношений.

Каирская конференция в своих документах придавала особое значение вопросам образования и информации в области народонаселения, в том числе, в области миграции (глава XI Программы действий...). На самом низовом уровне расширение потоков более актуальной и целенаправленной информации способствует принятию осознанных и ответственных решений, касающихся здоровья, сексуального и репродуктивного поведения, семейной жизни и структур производства и потребления. При этом было подчеркнuto, что «большой объём и более высокое качество информации о причинах и результатах миграции могут создать более благоприятную обстановку для рассмотрения и принятия обществом ответных мер в связи с проблемами в области миграции» (Доклад..., 1994, С. 54).

Они могут помочь обеспечить участие подавляющего большинства населения планеты в проводимом на местном, национальном и глобальном уровнях обсуждения демографических изменений и вопросов, связанных с устойчивым развитием людских ресурсов, экономическим и социальным неравенством, важностью наделения женщин более широкими правами, охраной репродуктивного здоровья и планированием семьи, здравоохранением, старением населения, быстрыми темпами урбанизации и миграцией.

Просвещение, ориентированное на конкретные возрастные группы, особенно подростков, по вопросам, рассматриваемым в Программе действий Каирской конференции, должно начинаться на уровне семьи и общины и продолжаться на всех уровнях и по всем каналам формального и неформального образования с учетом прав и обязанностей родителей и потребностей подростков. Там, где такое образование уже осуществляется, необходимо пересмотреть, обновить и расширить учебные планы и материалы в целях обеспечения надлежащего охвата важных вопросов, касающихся народонаселения, и противодействия связанных с ними мифов и ложных представлений, которые широко распространились в 1990-е гг. в России, особенно в области миграции (Ионцев, Ивахнюк, 2002, С. 53–56). Если такое образование не осуществляется, то необходимо разработать соответствующие учебные планы и материалы. Для того чтобы обеспечить признание, эффективность и целенаправленность проектов на общинном уровне, последние должны быть основаны на результатах социально-культурных исследований и предусматривать активное участие родителей, семей, женщин, молодежи, пожилых людей и общинных лидеров, мигрантов.

Правительствам следует уделять первоочередное внимание профессиональной подготовке и закреплению на своих местах специалистов по вопросам информации, образования и коммуникации, особенно учителей

и всех других лиц, участвующих в планировании, осуществлении, контроле и оценке программ в области информации, образования и коммуникаций. Необходимо ввести профессиональную подготовку специалистов, которые могут внести важный вклад в разработку концепции и методологии просвещения по вопросам народонаселения, включая и вопросы миграции. В этой связи необходимо создать и укрепить системы профессиональной подготовки, специализирующиеся на подготовке специалистов, которые могут осуществлять эффективное сотрудничество с правительствами и неправительственными организациями, действующими в этой области. Кроме того, необходимо расширить сотрудничество между научными и другими кругами в целях укрепления концептуальной и методологической работы и исследований в этой области.

Для укрепления солидарности и постоянного оказания помощи в целях развития всем странам необходимо непрерывно получать информацию по вопросам народонаселения и развития. Странам в случае необходимости следует создать информационные механизмы, с тем, чтобы содействовать систематизированному сбору, анализу, распространению и использованию информации, связанной с вопросами народонаселения и миграции, по которой особенно ощущается недостаток достоверной информации.

Нельзя не сказать об организации Конференции и о пропорциональном составе делегаций и их функциях.

На Каирской конференции все делегации стран делились на две части: официальную и неофициальную (в этом данная Конференция отличалась от двух, предшествующих ей подобных конференций в 1974 и 1984 гг.). В официальную часть входили высокопоставленные чиновники Правительств и Министерств (иностранных дел, труда, планирования, статистики, здравоохранения и др.), а также отдельные эксперты; в неофициальную часть входили представители науки, прессы, общественных организаций (религиозных, политических, научных, учебных, феминистских и др. — всего 1500 организаций). Представители официальной части должны были участвовать в официальных заседаниях, где детально, по частям, обсуждался итоговый Документ Каирской конференции «Программа действий». На таких заседаниях каждый член делегации мог выражать только мнение своего правительства, изложенного в национальном докладе.

Что касается представителей неправительственных организаций, то они могли говорить от своего имени и принимали участие только в неформальных дискуссиях в более чем в 50 секциях (около 10 из них касались миграции).

В докладе Международной конференции по народонаселению и развитию был отмечен ряд принципов. В частности, то, что странам, принимающим зарегистрированных мигрантов, следует обеспечить надлежащее обращение с ними и предоставлять им и их семьям адекватные услуги в области социального обеспечения, а также обеспечить их физическую неприкосновенность и безопасность с учетом специфики усло-

вий и потребностей стран, в частности развивающихся стран, пытаюсь достигать эти цели и соблюдать эти требования в отношении незарегистрированных мигрантов согласно положениям соответствующих конвенций и международных договоров и документов. Странам следует гарантировать всем мигрантам все основные права человека, включенные во Всеобщую декларацию прав человека. Кроме того, было указано, что каждый человек имеет право искать убежища от преследований в других странах и пользоваться этим убежищем. Государства имеют обязанности в отношении беженцев, описанные в Женевской конвенции (1951 г.) о статусе беженцев и Протоколе 1967 года к ней.

Определенные цели Каирской конференции по миграции заключаются в том, чтобы:

- а) рассмотреть коренные причины миграции, особенно причины, вызванные нищетой;
- б) содействовать расширению сотрудничества и диалога между странами происхождения и принимающими странами, с тем, чтобы добиться максимальных выгод от миграции для заинтересованных сторон и повысить вероятность того, что миграция будет оказывать положительное воздействие на развитие как стран происхождения, так и принимающих стран (Доклад..., 1994, С. 47).

Ни одна из вышеперечисленных целей не была в полной мере выполнена и недостаточно концептуально проработана правительственными структурами Российской Федерации, а нынешние их руководители о Программе Каирской конференции, думается, и не слышали.

Между тем, прошедшие после этой конференции десять лет ещё более упрочили обозначенные на ней основные тенденции международной миграции населения, в полной мере характерные и для современной России. И вместе с тем показали, что цели, сформулированные в принятой на конференции Программе действий, в том числе и в области международной миграции, ещё далеки от их достижения. Наглядным тому подтверждением могут быть цели в отношении нелегальных и вынужденных мигрантов.

Каковы же эти тенденции, как они соотносятся с Программой действий Каирской конференции, насколько политика России в области миграции за прошедшие десять лет соответствовала 10-й главе этой Программы?

Можно выделить, по существу, следующие основные тенденции, которые приняли устойчивый характер и определяют все стороны развития современного общества: 1) глобализация международной миграции; 2) качественные изменения в мировых миграционных потоках; 3) определяющее значение экономической, прежде всего трудовой, миграции; 4) значительный рост нелегальной иммиграции; 5) рост масштабов и расширение географии вынужденной миграции; 6) увеличение значимости международной миграции в демографическом развитии развитых стран мира; 7) «феминизация» международной миграции; 8) двойственный характер миграционной политики на национальном, международном региональном и мировом уровнях.

Рассмотрим вкратце роль и место России в некоторых из этих тенденций, исходя из целей, поставленных в этой области на Каирской конференции в 1994 году.

Глобализация международной миграции обусловливается, во-первых, вовлечением в орбиту мировых миграций практически всех стран мира (особенно после включения в мировое миграционное движение огромного, прежде изолированного от остального мира, региона, охватывающего государства бывшего СССР, Восточной и Центральной Европы), а с другой стороны — беспрецедентными масштабами международной миграции. Так, на начало 2004 г. в мире насчитывалось не менее 175 млн. классических мигрантов, включая около 21 млн. беженцев, которые подпадают под юрисдикцию УВКБ ООН, что более чем в 3 раза превышает численность «классических» мигрантов в 1950-е гг. (заметим, что на Каирской конференции их численность оценивалась в 125 млн. человек, т.е. чуть менее чем за 10 последних лет происходит увеличение на 50 млн.!). Если к ним прибавить 120–180 млн. трудящихся-мигрантов (включая членов их семей), около 50 млн. нелегальных мигрантов, более 10 млн. сезонных и приграничных рабочих, не менее 35 млн. вынужденных мигрантов (экологических беженцев, палестинских беженцев и др.) и наконец более 600 млн. эпизодических мигрантов, включая экономических туристов, то общая численность международных мигрантов к 2004 году достигала 1 млрд. человек (!) (Ионцев, 2003, С. 53), что несомненно ставит перед мировым сообществом, как собственно и перед каждым отдельным государством, важные цели эффективного регулирования этих миграционных потоков. Лишь в этом случае «миграция будет оказывать положительное воздействие на развитие как стран происхождения, так и принимающих стран» (одна из важнейших целей, поставленных в Программе Каирской конференции (Доклад..., С. 47). К сожалению, несмотря на огромные усилия ООН, достижение данной цели остается пока далеко нереализованным.

Россия в этом процессе глобализации международной миграции заняла одно из ведущих (в количественном смысле) мест в мире, что, в частности, видно на диаграмме 1.

В диаграмме 1, построенной на основании данных ООН, обращает на себя внимание вторая позиция России. По российским данным за 1992–2001 гг. в России официально было зарегистрировано 6,5 млн. чел., въехавших в нее на постоянное место жительства, 1,2 млн. беженцев, а также, по оценкам экспертов, около 2 млн. «мигрантов без статуса»², плюс более 3 млн. «неучтенных» (включая нелегальных иммигрантов) мигрантов, которых, в частности, и «выявила», прошедшая в октябре 2002 г. перепись населения (см. табл. 1).

² «Мигранты без статуса» в России — это не нелегальные иммигранты. Эта категория мигрантов возникла как результат «прозрачных» границ между бывшими советскими республиками, когда люди, приезжавшие в Россию в начале 1990-х гг., оставались там жить и работать, однако, из-за несовершенства законодательства не могут до сих пор получить российское гражданство.

Источник: International Migration 2002. New York, UN, 2002.

Если говорить о «качественной» стороне вопроса, то можно утверждать, что Россия практически не решила полностью ни одну из задач в области международной миграции, поставленных на Каирской конференции: в стране за 10 лет так и не была выработана государственная стратегия по регулированию миграционных потоков и сотрудничеству в этой области с другими государствами, как нет и концепции миграционной политики, учитывающей как интересы страны в целом, так и ее отдельных регионов.

Определяющее значение экономической, прежде всего трудовой, миграции имеет характер наиболее длительной и устойчивой тенденции международной миграции, которая получила значительный стимул развития со становлением капиталистических отношений и превращением рабочей силы в товар.

Не случайно, В. Бенинг — известный специалист в области трудовой миграции — пишет в предисловии (Стокер, 1996), что «сегодня она является одним из наиболее существенных аспектов интенсивной глобализации мировой экономики, который заметно влияет на экономику и рабочую силу более чем в 100 странах».

С точки зрения глобализации мирового хозяйства наиболее важным является становление мирового рынка труда, который находит выражение в экспорте и импорте иностранной рабочей силы, достигших в настоящее время небывалых масштабов. Достаточно сказать, что, по оценкам МОМ, в 2003 г. численность трудящихся-мигрантов оценивалась в

60 млн. чел. (вместе с членами семей эта цифра возрастает как минимум до 120 млн.!) против 3,2 млн. в 1960 г.

Таблица 1. Компоненты изменения численности населения России в 1897–2003 гг.

Периоды, годы	Численность населения на конец периода (года), тыс. чел.	Общий прирост (убыль), тыс. чел.	в том числе	
			Естественный прирост, тыс.	Миграционный прирост, тыс. **)
1897*	67473	-	-	-
1897-1916	91000	23527	24392	-865
1917-1926	93600	2600	5100	-2500
1927-1940	111359	17759	16960	799
1941-1945	97547	-13812	-9953	-3859
1946-1950	102945	5398	6505	-1107
1951-1955	112266	9321	9991	-670
1956-1960	120766	8500	9283	-783
1961-1965	127189	6423	6944	-521
1966-1970	130704	3515	4107	-592
1971-1975	134690	3986	4180	-195
1976-1980	139028	4338	3731	607
1981-1985	143835	4807	3938	869
1986-1991	148704	4869	3759	1110
1917-1991	148704	57704	64545	-6841***
1992	148750	46	-207	253
1993	148452	-298	-738	440
1994	148393	-59	-869	810
1995	148063	-330	-833	503
1996	147591	-472	-816	344
1997	147191	-400	-750	350
1998	146771	-420	-705	285
1999	146003	-768	-923	155
2000	145263	-740	-954	214
2001	144392	-871	-943	72
2002	143534	-858	-935	77
2003****	142682	-852	-887	35
1992-2003	142682	-6022	-9560	3538

Примечание: * На начало года; **С учетом сальдо миграции со странами дальнего зарубежья, которое в 1927-1940 гг. и 1951-1987 гг. было относительно небольшим (например, в 1986 г. оно равнялось – 2,3 тыс. человек, против –20,4 в 1989 г., –102,5 тыс. в 1990 г.). Наиболее значимым оно было в 1917-1925 гг., когда более 2,5 млн. человек эмигрировало в Западную Европу, США и др. страны дальнего зарубежья; *** из них почти 3,6 млн. человек приходится на дальнее зарубежье; **** На 1 января 2004 г. по данным Госкомстата РФ (с учетом прошедшей переписи населения в 2002 г.) численность постоянного населения России составила 144,1 млн. чел.

Источник: Население СССР 1973. М., 1975. С.14, 70; Население России за 100 лет (1897–1997). М., 1998. С. 32–34, 84–85; Российский статистический ежегодник 1999. М. 1999. С. 76, 101; Численность и миграция населения в РФ в 2003 году. Госкомстат РФ. М.: 2004.

В глобальных потоках трудовой миграции Россия выступает и как принимающая страна, и как страна-донор. В течение последнего десятилетия в Россию въехали более 1,8 млн. легальных трудовых мигрантов, в то время как около 1 млн. россиян работают в других странах. Кроме того, в 1990-х гг. Россия была источником миллионов «челночных» мигрантов, которые по своей сути являются не чем иным как международными экономическими мигрантами.

Неуклонный рост нелегальной иммиграции тесно связан с процессом глобализации. Хотя среди нелегальных иммигрантов можно встретить и лиц, ищущих убежище, и различного рода террористов и других злоумышленников, вместе с тем, по своей сути нелегальная иммиграция имеет ярко выраженный трудовой характер.

При этом мигранты могут въехать в другую страну как легально (в качестве туристов, по приглашениям и т.п.), так и нелегально (по поддельным документам, незаконно пересекая границу и т.д.). Но и в том и другом случае цель одна — нелегально трудоустроиться. Оценить реальные масштабы нелегальной иммиграции практически невозможно. Различные косвенные методы позволяют дать лишь приблизительные оценки, которые могут значительно расходиться. Так, в США число нелегальных иммигрантов оценивается от 2 до 15 млн., в Европе от 1,3 до 5 млн., в Японии от 300 тыс. до 1 млн. человек, в России — от 400 тыс. до 7 млн. чел., а в отдельных случаях и до 15 млн.

Рост нелегальной иммиграции объясняется различными факторами. Например, если говорить о России и государствах ближнего зарубежья, то это более прочное экономическое положение России, чем других странах СНГ, «прозрачные» российские границы, существование обширных ниш теневой занятости, отсутствие сформировавшегося национального рынка труда и др. И все же самая главная причина увеличения масштабов нелегальной миграции состоит в том, что трудящиеся-мигранты, работающие нелегально, представляют для предпринимателей самую дешевую и бесправную рабочую силу, что является огромным стимулом к найму таких рабочих, несмотря на принятые в последние годы во многих странах иммиграции законы, запрещающие использование нелегального труда.

Таким образом, проблема незаконной миграции не будет и не может быть решена до тех пор, пока на рынках труда стран назначения продолжают существовать ниши для незаконного трудоустройства, сохраняется заинтересованность работодателей (и государства!) в существовании дешевой и бесправной иностранной рабочей силы, обеспечивающей снижение издержек производства, конкурентоспособность товаров, «экономия» на сфере социальной защиты. С другой стороны, экономическая ситуация в странах исхода незаконных мигрантов остается постоянно действующим выталкивающим фактором.

Нелегальная иммиграция в России с конца 1980-х гг. и особенно в 1990-е гг. приобретает все большие масштабы. И если в начале она представляла из себя в основном транзитный характер (т.е. Россию рассматривали как некий «перевалочный пункт» в Западную Европу, США и другие развитые страны), то в последние годы наряду с увеличением ее масштабов она все больше меняет свою структуру. Доминирующей становится нелегальная миграция отчетливо трудового характера, и связано это, в первую очередь, со странами ближнего зарубежья.

Увеличение значимости международной миграции населения в демографическом развитии многих стран мира является, прежде всего, результатом растущего разрыва в демографическом потенциале групп развитых и развивающихся стран. Это, в свою очередь, связано с разными стадиями демографического перехода, на которых они находятся. На фоне почти повсеместного сокращения темпов роста населения в мире, это сокращение в развивающихся регионах мира лишь намечается, а в развитых странах, практически во всех из них, имеет место депопуляция. И как отмечалось на Каирской конференции, «в последние годы в основных принимающих развитых странах отмечался чистый миграционный приток населения примерно в 1,4 млн. человек в год, около двух третей из числа которых составляют мигранты из развитых стран» (Доклад..., 1994, С. 47). В Европе, например, в 1990-е гг. почти 88% общего прироста населения приходится на чистую миграцию (против 36% в 1960-е гг. и 48% в 1970-е гг.). Во многих странах Европы (Германии, Италии, России и др.), где наблюдается естественная убыль, рост населения осуществляется исключительно за счет положительного сальдо миграцию.

При этом важно, что международная миграция обеспечивает не только увеличение общей численности населения, но и положительно влияет на их половозрастную структуру, несет в себе высокие репродуктивные установки.

Вопрос о том, сможет ли «замещающая миграция», новый проект ООН, решить проблемы, связанные со старением населения в развитых странах, является предметом научной дискуссии. Прогнозы говорят о том, что для того, чтобы странам, например, Европейского Союза «компенсировать» сокращение населения в трудоспособных возрастах, они должны ежегодно «импортировать» в общей сложности 12,7 млн. иммигрантов до 2050 г.!

Не менее важным с демографической точки зрения является то, что в международной миграции участвует все больше женщин. Феминизация процесса станет, по мнению С. Кастла, одной из ведущих тенденций в ближайшие 20 лет (Castle, 1998) Уже к концу 1990-х гг. доля женщин среди мигрантов в большинстве развитых государств составляла более 50% (в целом по миру — 49%). Особенно велика доля женщин в миграционных трудовых потоках (более 60%) из Филиппин, Индонезии, Перу, стран Восточной Европы и др.

Необходимость гендерного анализа обуславливается, в частности, распространением таких негативных явлений, как «вывоз и продажа мигрантов» («smuggling of migrants») и «незаконный провоз мигрантов» (trafficking in migrants), имеющих прежде всего женское лицо.

Особое значение в 1990-х гг. международная миграция населения приобретает в России, переживающей серьезный демографический кризис, став, по существу, единственной компонентой, сглаживающей негативную демографическую ситуацию (см. табл.1). Миграционный прирост за 1992–2003 гг. (около 3,5 млн. чел.) сумел лишь на 36%

уменьшить естественную убыль, которая за эти годы составила 9,5 млн. чел. И в отличие от многих развитых стран мира, в которых миграция не только компенсирует естественные потери, связанные с депопуляцией, но и является важной компонентой общего роста населения, в России для выхода из демографического кризиса (более объемное понятие, чем депопуляция) уповать только на миграционный приток, на то, что только миграция может вывести Россию из демографического кризиса, крайне ошибочно. Этот очередной миф дезориентирующий руководство страны (Ионцев В.А., 2002).

Двойственный характер миграционной политики является во многом результатом всех вышеперечисленных закономерностей. С одной стороны, во многих странах мира имеет место принятие все более жестких мер в отношении мигрантов, что обусловлено соображениями как политической, так и экономической безопасности. С другой стороны, активно идут интеграционные процессы, предусматривающие в рамках создающихся и расширяющихся союзов типа Европейского Союза, североамериканского союза НАФТА, арабского общего рынка и др. свободу перемещения рабочей силы граждан стран-участниц через внутренние государственные границы этих союзов. Идет формирование как мирового, так и отдельных международных региональных рынков труда, без чего, видимо, невозможно уже дальнейшее поступательное развитие мирового сообщества и его отдельных составляющих.

Двойственный характер миграционной политики отчетливо проявляется и на международном уровне (как результат противоречий между интересами международного сообщества и национальными интересами отдельных государств), и на региональном уровне (как существование противодействующих тенденций либерализации миграционных режимов внутри интеграционных региональных союзов и ужесточения их миграционной политики по отношению к «третьим» странам), и на национальном уровне (как противоречие между демографическими и экономическими интересами, с одной стороны, и соображениями политической и социальной безопасности, с другой).

Россия в этом контексте могла бы послужить хорошим примером в качестве некоего объединяющего центра на миграционном пространстве государств бывшего СССР, тем более что ее экономические и демографические интересы насущно требуют притока мигрантов. Формирование единого рынка труда в рамках СНГ могло бы быть логическим решением, учитывая общность языка, близость системы профессионального образования, культурных и трудовых традиций. Однако эта естественная, казалось бы, тенденция наталкивается с одной стороны, на националистические идеи построения этнически гомогенных государств в Закавказье, Средней Азии и даже в Украине, а с другой — на отсутствие продуманной концепции поощрительной миграционной политики в России, что предопределяет непоследовательность проводимых в этой сфере мероприятий, расхождение декларативных за-

явлений и практических действий. Провозглашается целесообразность формирования единого рынка труда в рамках СНГ, а на практике возводятся все новые препятствия в передвижении между государствами-членами. В результате в последние 5 лет число иностранной рабочей силы, привлекаемой на работу в Россию из стран дальнего зарубежья (Китай, Турции, Югославии), устойчиво превышает число легально работающих в России трудовых мигрантов из стран бывшего СССР. В то же время масштабные потоки нелегальных мигрантов из стран ближнего зарубежья в Россию на деле показывают, что потенциал трудовой миграции в регионе огромен. Обеспечение легитимного поля этой миграции и рациональное использование имеющейся у мигрантов квалификации может быть достигнуто только с помощью разумной, стратегически выверенной миграционной политики, которая не допустила бы «триумфа националистического атавизма над логикой экономического развития» (Demeny, 2002, p. 73). Отсутствие такой политики— главное упущение руководства России за прошедшие 10 лет.

Хотелось бы обратить внимание ещё на один момент, связанный с тем, что в специальном периодическом издании ООН по демографической политике (Global Police Database) в 1990-е годы появляется новый информационный раздел о государственной политике стран мира в области международной миграции. Разработанная нами к Каирской конференции типология государственной политики на базе информации, сообщаемой и публикуемой ООН, позволила нам классифицировать миграционную политику практически всех стран мира по нескольким типам государственной иммиграционной (или эмиграционной политики), Анализ частоты таких типов и ориентация по типам политики тех или иных групп стран дает возможность для нового системного взгляда на процесс формирования миграционной политики.

Изучение эмиграционной политики основных стран рабочей силы, обнаруживает несколько подходов к её формированию. Одним из наиболее распространенных подходов является либеральный. Этот тип миграционной политики формируется следующим образом: «эмиграция удовлетворительная, государственное вмешательство не требуется». Этого типа политики придерживается большинство стран мира (более 46%). Среди стран-экспортеров рабочей силы этот подход характерен для таких стран, как Австралия, Иордания, Италия, Португалия, Марокко, Филиппины. В основном экспорт рабочей силы не является главной статьей валютного дохода. Другим видом подхода является политика мягкой поддержки экспорта рабочей силы. Эти страны формулируют свою эмиграционную политику так: «эмиграция удовлетворительная, требуется государственное вмешательство с целью её сохранения». К таким странам относятся: Турция, Индия, Бангладеш, т.е. страны, для которых экспорт рабочей силы имеет весьма существенное влияние. Рассмотрим такие две страны, для которых экспорт рабочей силы является самым важным. Это Йемен и Пакистан. Йемен, в платёжном балан-

се которого экспорт рабочей силы — основная статья доходов, превышающая все остальные, придерживается политики усиленного стимулирования экспорта: «эмиграция удовлетворительная, требуется государственное вмешательство с целью ее усиления». Что касается Пакистана, то это одна из стран, имеющих в настоящее время высокие в мире доходы от экспорта рабочей силы, чего она добилась в последнее десятилетие. Политика этой страны носит характер явной стимуляции экспорта рабочей силы и выражается формулой: «эмиграция слишком низкая, требуется государственное вмешательство для её усиления».

Посткоммунистические страны придерживаются политики сдерживания экспорта рабочей силы, либо скрытого — как Польша, формулирующая свою политику так: «эмиграция слишком высокая, но государственное вмешательство не требуется», либо открытого, как Сербия, формулирующая свою позицию так: «эмиграция слишком высокая, и требуется государственное вмешательство для её уменьшения». При этом надо учесть, что Польша относится к числу новых и, и быстро укрепляющихся на рынке экспортеров рабочей силы, тогда как бывшая Югославия, занимавшая в середине 1980-х гг. первое место по доходам от экспорта рабочей силы ныне значительно уступила свои позиции. Таким образом, мы видим, что у основной группы стран-экспортеров рабочей силы тип миграционной политики определяется их положением на рынке рабочей силы — в настоящем и прошлом.

Что касается государственной иммиграционной политики стран мира, то она несколько отличается от эмиграционной политики большей сдержанностью. Так, ни одна страна в мире не признала свою иммиграцию слишком низкой до такой степени, что не требует государственного вмешательства. Ранее только Россия придерживалась «запретительной» политики в отношении экспорта и импорта рабочей силы. Затем подобной политики стали придерживаться только Микронезия и Ливан.

В целом состоянием иммиграции в своих странах удовлетворены 60,6% государств. К ним примыкают страны, которые хотя и не считают иммиграцию удовлетворительной, но не находят нужным осуществлять государственное вмешательство, тем самым увеличивая группу стран с либеральным отношением к иммиграции.

Довольно велико число стран, считающих иммиграцию слишком высокой и государственное вмешательство с целью ее понижения необходимым, — почти 18%.

Лишь небольшое число стран хочет усилить иммиграцию — 4,8% при этом половина из них считает ее слишком низкой, а вторая удовлетворительной.

Группа основных мировых импортеров рабочей силы разбивается на две подгруппы: первая подгруппа ведет ассимиляцию иммиграционного процесса. В то же время сложившийся международный правовой механизм регулирования миграции рабочей силы, в основном разработанный Международной организацией труда, строится на базе защиты

интересов трудящихся-мигрантов. Механизм же обеспечения эффективного участия в международном трудовом обмене государств-экспортеров и импортеров рабочей силы в настоящее время разработан значительно слабее и нуждается в дальнейшем развитии.

При этом необходимо иметь в виду, что миграционная политика даже крупнейших стран мира может быть сильно зависима от тех или иных политических событий и катаклизмов. Так, события 11 сентября 2001 г. в США уже привели к ужесточению иммиграционной политики как самих США, так и других стран, в том числе и России.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что Россия практически не решила полностью ни одну из задач в области международной миграции, поставленных на Каирской конференции: в стране за 10 лет так и не была выработана государственная стратегия по регулированию миграционных потоков и сотрудничеству в этой области с другими государствами, как нет и концепции миграционной политики, учитывающей как интересы страны в целом, так и ее отдельных регионов, как и не решены задачи в области образования и обучения (глава XI Программы действий), что для России имеет огромное значение.

Литература

1. Ионцев В.А., Ивахнюк И.В. (2002) Россия в мировых миграционных потоках: особенности и тенденции последнего десятилетия (1992–2001 гг.) // Мир в зеркале международной миграции. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Выпуск 10. М.: МАКС Пресс.
2. Ионцев В.А. (2003) Международная миграция населения // В кн.: Управление миграционными процессами. М.: ГУУ.
3. Каменский А.Н. (2002) Международная трудовая миграция и участие в ней России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д.э.н. М.
4. Нелегальная иммиграция (2002) // Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Выпуск 9. М.: МАКС Пресс.
5. ООН (1994) Доклад Международной конференции по народонаселению и развитию. Каир, 5–13 сентября 1994 года. Нью-Йорк, ООН.
6. Рязанцев С.В. (2001) Вынужденная миграция в Европе: современные тенденции и проблемы управления // В сб.: Вынужденная миграция. Серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Выпуск 6. М.: МАКС-Пресс.
7. Стокер П. (1996) Работа иностранцев: Обзор международной миграции рабочей силы М.: Academia
8. Castles S., Miller M. (1998). The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. London.
9. Demeny, Paul (2002) Prospects for International Migration: Globalization and its Discontents // Journal of Population Research, Vol. 19, №1.
10. UN (1994) Programme of Action of the United Nations International Conference on Population and Development. 19 September 1994. N.Y., UN.

ЕВРОПА НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ДОРОГ: ДОЛЖНЫ ЛИ НАСЕЛЕНИЕ ЕВРОПЫ И ЕЕ РАБОЧАЯ СИЛА ЗАВИСЕТЬ ОТ НОВОЙ ИММИГРАЦИИ?

Введение

В течение последних 15 лет — впервые за последние столетия — Европа сталкивается с естественной убылью населения. В Европейском Союзе в целом естественный рост, вероятно, закончится в течение ближайшего десятилетия, причем раньше этот процесс затронет страны Восточной Европы. Общее сокращение европейского населения может начаться после примерно 2020 г., а сокращение численности населения в трудоспособных возрастах — уже до 2010 г.

Миграция уже носит массовый характер: чистая иммиграция в государства ЕС составляет более 600 тыс. чел. в год; численность лиц, ежегодно прибывающих в поисках убежища, достигает 450 тыс. чел. В ряде европейских стран миграция стала доминирующим или единственным фактором роста населения. Вероятно, она будет наиболее важным фактором роста населения и в будущем. Следует ли еще более поощрять иммиграцию для того, чтобы обеспечить демографическое и экономические «спасение» Европы?

Проблема низкой рождаемости

Рождаемость находится ниже уровня простого воспроизводства почти повсеместно на «Западе» (кроме США, Новой Зеландии). Но лишь в очень небольшом числе стран она снижается, а в некоторых растет (США, Франция, Нидерланды, Новая Зеландия). Для большинства стран прогнозируется ее дальнейший рост, однако, не до уровня простого воспроизводства. Более высокая рождаемость не может «решить» проблему старения населения, однако, при условии более высокой рождаемости обществу проще адаптироваться к неизбежному старению. Суммарный коэффициент рождаемости 2,08, необходимый для простого воспроизводства, должен в конечном счете поддерживать неизменной численность населения и коэффициент поддержки на уровне 3¹. Для того, чтобы «законсервировать» нынешний европейский коэффициент поддержки, необходимо, чтобы суммарный коэффициент рождаемости был примерно 3,5, — это повысило бы коэффициент естественного прироста до 1,8%, что практически невозможно. Степень воздействия на показатель рождаемости посредством мер демографической политики яв-

¹ Коэффициент демографической поддержки пожилого населения (potential support ratio, PSR) — отношение численности населения в трудоспособном возрасте (условно 15–64 или 20–59 лет) к численности населения старше трудоспособного возраста (обычно старше 60 или 65 лет).

ляется спорным вопросом; многие исследования указывают лишь на незначительный позитивный эффект (Gauthier, 2002). Важно, однако, что большинство женщин в Европе постоянно заявляют о том, что они хотели бы иметь по крайней мере двоих детей; в то же время большинство женщин в Европе двоих детей не имеют. Это неудовлетворенная потребность в детях непосредственно сказывается на системе социального обеспечения, не говоря уже о важных демографических последствиях. Решение этой проблемы потребует — оставляя в стороне финансовые вопросы — радикального пересмотра общественного и культурного отношения к свободам и равенству в контексте «женщина дома — женщина на работе» (McDonald, 2002). Добиться этого будет непросто.

От чего нужно спасать Европу?

Прежде всего следует четко поставить вопросы. Действительно ли необходимо нас спасать? Для каких, собственно, проблем миграция является решением? Является ли нулевой прирост населения или его убыль бесспорно нежелательным явлением?

Кто боится сокращения населения?

До XVIII столетия в некоторых европейских странах между периодами роста населения наблюдалось сокращение или стабилизация его численности. Позже рост населения стал нормой, и мы считали само собой разумеющимся этот продолжающийся позитивный прирост и присущие ему характеристики. Теперь эра роста заканчивается. Как ожидается, к середине XXI века сокращение численности населения станет общей тенденцией для Европы, а к концу века для мира в целом.

Считается, что сокращение населения несет в себе проблемы, однако, можно возразить, что меньшее по численности, но стабильное население, если этого удастся достичь, имеет преимущества. Могут быть преодолены проблемы, связанные с перенаселением и защитой окружающей среды. Отпадет необходимость в бесконечном распространении инфраструктуры, особенно в расширении городской застройки, которое неизбежно в условиях роста населения. Ограниченные трудовые ресурсы приведут к сокращению безработицы и бедности и к уменьшению неравенства вследствие роста заработной платы, а также может способствовать обновлению капитала и росту производительности труда по мере роста заработной платы. В сфере международной торговли и экономических союзов границы рынков и безопасности станут условными. Экономисты обычно обращают внимание на размер валового внутреннего продукта (ВВП), который естественно может быть меньше в богатой стране с меньшей численностью населения. Что действительно имеет значение для характеристики благосостояния людей, так это показатель ВВП на душу населения. В Западной Европе не выявлено статистической зависимости между уровнем жизни и численностью населения или темпом прироста населения в отдельных странах. Швейцария является отличным примером тому.

В Великобритании Королевская комиссия по народонаселению (1949) и позже Совет по народонаселению (1973) уже указывали на то, что прекращение роста численности населения смягчит проблемы импорта продовольствия и платежного баланса. Парламентский Комитет по науке и технологии (1971) выступал яростным противником дальнейшего роста населения. Нидерланды долгое время считали себя перенаселенной страной; до 1950-х гг., как и в Великобритании, там поощрялась эмиграция, которая была призвана смягчить давление населения. Это остается одной из основных причин современной политики, направленной на ограничение иммиграции. Даже в Соединенных Штатах Америки отчет Комиссии по росту населения и американскому будущему (1972) прекращение роста численности населения США (но не сокращение!) рассматривалось как благоприятный сценарий. Обычно перспектива сокращения численности населения особенно приветствуется в контексте защиты окружающей среды. Для таких стран как США в качестве «оптимума» населения предлагается треть или меньше от существующей численности населения страны, исходя из соображений обеспечения устойчивого состояния окружающей среды.

Миграция, старение населения и сокращение численности

Если отвлечься от этих аргументов, то что собственно миграция может реально сделать для населения? Идея о том, что миграция может «решить» проблемы, связанные со старением населения, может быть легко оспорена как демографически безграмотная. Сохранение существующего уровня PSR потребовало бы очень высокого уровня иммиграции, что привело бы к недопустимо высоким темпам прироста населения. Это очевидно доказано в Докладе ООН по замещающей миграции 2000 г. и позже в работах Лутца и его коллег. Для того, чтобы поддерживать существующий коэффициент поддержки в странах ЕС, потребуется столь большой объем ежегодной иммиграции, что население ЕС к 2050 г. должно будет увеличиться до численности Китая и Индии вместе взятых. Пример Республики Кореи доводит эту идею до абсурда: для того, чтобы с помощью миграции поддерживать нынешний коэффициент поддержки, к 2050 г. там потребуется 6,2 млрд. иммигрантов (что равно общей численности населения мира в 2002 г.). Иными словами, для того, чтобы «спасти» Корею, мы все должны будем отправиться туда (Coleman, 2002).

Трудовые ресурсы

Теоретически для поддержания численности трудовых ресурсов или общей численности населения посредством иммиграции требуется меньшее число иммигрантов, чем то (нереальное) число иммигрантов, которое требуется для сохранения коэффициента поддержки. Однако, как показано в Докладе ООН и многочисленных национальных исследованиях, для некоторых стран и эта цель может потребовать очень боль-

шого по численности миграционного притока. Например, для того, чтобы поддержать нынешнюю численность населения Германии, ей необходим среднегодовой приток мигрантов более 300 тыс., что означает суммарный приток почти 17 млн. к 2050 г. Напомним, что это средняя цифра; прогнозирование миграции является очень трудной задачей — иммиграцию очень легко стимулировать и очень трудно остановить, даже в период экономического спада. Как заметил Фил Мартин, «на свете существует очень мало явлений более постоянных, чем временный трудовой мигрант». Важно также понимать, что большая часть иммигрантов, въехавших в последние десятилетия в Западную Европу и Великобританию, прибыли с целью трудоустройства, и нет причин полагать, что ситуация изменится в будущем. Большинство составят члены семей или новые супруги, которых придется содержать. Большая часть иммиграции в будущем будет происходить из стран третьего мира. В Западной Европе нет излишнего населения (хотя большое число жителей не участвует в рабочей силе). Низкие показатели рождаемости в Восточной Европе уже менее чем через десять лет существенно сократят приток населения в трудоспособный возраст. Единственный вариант — массовая миграция из стран третьего мира — принесет в Европу множество людей с низкой профессиональной подготовкой, недостаточным знанием европейских языков, высоким уровнем скрытой зависимости и, по крайней мере, на начальном этапе — бедности.

В долгосрочной перспективе, если Европа хочет поддерживать общую численность своего населения или численность населения в трудоспособных возрастах, ей придется обеспечивать демографический рост самостоятельно. При существующих показателях рождаемости, не обеспечивающих и простое воспроизводство, демографическая теория доказывает, что миграция, необходимая для поддержания постоянной численности населения, приведет со временем к полному замещению коренного населения мигрантами. Население, пытающееся путем импорта людей поддержать свою численность и компенсировать низкую рождаемость, будет в конечном счете замещено приезжими. Культура такого общества будет также соответственно замещена, если новые иммигранты не проявят желания адаптироваться к местным традициям, ценностям и привычкам — не так, как это демонстрируют представители стран третьего мира, проживающие в Европе сегодня. Автоматически поддерживая плотность населения на своей территории с помощью людей отличных и разнообразных географических и этнических корней, общество не может «спасти» себя.

Ставя под сомнение необходимость иммиграции

Следует также, опираясь на более тонкий анализ, поставить под сомнение способность массовой миграции возместить потребность в рабочей силе. В последние десятилетия изменения, касающиеся уровня участия населения в рабочей силе, снижающиеся у мужчин и

повышающиеся у женщин, производительности труда и возрастов вступления в трудовую деятельность и выхода из нее, оказали гораздо большее воздействие на реальную численность трудовых ресурсов, чем миграция, и, похоже, так и будет продолжаться. Объем выпуска продукции, который собственно лишь и имеет значение, определяется также уровнем квалификации работников, трудовыми отношениями и технологиями. Сальдо трудовой миграции нестабильно и подчас составляет отрицательную величину (в отдельные годы в течение 1990-х гг. большее число людей выезжало из Великобритании, чем въезжало в нее с целью трудоустройства). В таких странах как Швейцария или Люксембург доля иностранного населения в рабочей силе очень высока; в других европейских странах она более скромна.

Существующие механизмы привлечения иностранной рабочей силы через предоставление разрешений на работу позволяют, как представляется, обеспечить потребность в работниках тех или иных профессий, не открывая при этом ворот для массовой свободной трудовой миграции. Неудовлетворенный спрос может возникать в определенных отраслях и возрастать при структурной перестройке экономики, например, при бурном росте сектора информационных технологий (ИТ), где спрос на рабочую силу в определенный период рос быстрее, чем могло предоставить предложение на внутреннем рынке труда и возможности национальной системы образования. В некоторых странах, таких как Великобритания, государственный сектор экономики, который хронически испытывает дефицит финансирования и где государственная система подготовки кадров неэффективна, оказывается в зависимости, к примеру, от иностранного медицинского персонала, как в случае с Британской Национальной службой здравоохранения. Потребность в иностранных работниках может быть очень изменчива. Например, широко обсуждавшийся кризис с персоналом для сферы ИТ в Великобритании, когда, по заявлению правительства сотни тысяч ИТ специалистов необходимо было импортировать, чтобы обеспечить существующий спрос, оказался на самом деле столь легко преодолимым, что уже к концу 2002 г. профессии, связанные с ИТ, были вычеркнуты из правительственного списка дефицитных специальностей.

Действительный рекорд иммиграции

Действительно ли прежние рекордные показатели иммиграции дают нам надежду на то, что иммиграция может «спасти» нашу экономику в будущем? Немногие сомневаются в преимуществах, которые несет работодателям и, наверное, экономике в целом возможность нанимать высококвалифицированных работников для заполнения вакансий, если их относительно немного, их приезд носит временный характер и они более или менее равномерно количественно распределены между (развитыми) странами. Многочисленные исследования сальдо экономических последствий иммиграции в континентальную Европу, особенно проведенные в

1960-х гг. — период гастарбайтеров, когда большинство иммигрантов были рабочими, приходили к однозначно положительным выводам. Однако, многие из этих «временных» рабочих не уехали, даже оставшись безработными, а в дальнейшем к ним присоединились члены их семей. В долгосрочном плане эпоха гастарбайтеров, которой успешно удалось избежать Японии, задержала переход к автоматизации производства в Европе и таким образом снизила ее конкурентоспособность. Кроме того, европейские страны получили «в наследство» от той эпохи многочисленные общины иностранного населения, отличающиеся теперь уже, по видимому, непреодолимой безработицей и слабой интеграцией.

С течением времени характер экономической потребности в иммиграции изменился. Выводы об экономических преимуществах миграции стали более осторожными, а в некоторых случаях негативными. Ключевые отрасли экономики теперь нуждаются в квалифицированных рабочих. Мигранты из неевропейских стран, как правило, не обладают нужной квалификацией, за исключением специалистов-медиков и ИТ. После 1970-х гг. большинство легальных мигрантов в Великобританию и в Европу в целом, а также в США прибывали в качестве членов семей, студентов или новых супругов членов все возрастающих иммигрантских общин, а позже — как лица, обращающиеся за убежищем. Лишь незначительная часть иммигрантов въезжали с целью трудоустройства: в 2000 г. таких было значительно меньше 20% из числа въехавших в Данию, США, Францию, Норвегию или Швецию (OECD 2002, Chart 1.2), хотя конечно это не означает, что прочие иммигранты не занимали рабочие места. Во Франции в 1999 г. 78% миграционного притока составляла семейная миграция. Уровень квалификации таких работников, особенно если они приезжают не из европейских стран, обычно очень низок. Безработица среди иностранного населения в Европе примерно вдвое выше, чем среди коренного населения, а уровень участия в рабочей силе, особенно среди женщин, обычно существенно ниже.

Трудно точно подсчитать преимущества или потери, связанные с иммиграцией. Например, Национальный исследовательский совет США (Smith and Edmonston, 1997) пришел к выводу, что общий «вклад» иммиграции (легальной и нелегальной) в экономику США составляет от 1 миллиарда до 10 миллиардов долларов в год, при том что прирост американской экономики составлял 400 миллиардов в год. Таким образом, на иммиграцию приходится минимум 0,25% ежегодного экономического прироста и максимум 2,5%. Более определенно можно сказать о том, что иммиграция добавляет 0,5% к общему годовому приросту населения США, так что на нее приходится 60% этого прироста. Если принять нижнюю оценку «экономической эффективности» иммиграции, то в 1990х гг. благодаря ей средний американский житель становился беднее, а не богаче.

Исследования в США и Европе часто подтверждают, что иммиграция несет в себе ущерб для низкооплачиваемых слоев населения. Борд-

жас, Фриман и Кац приходят к следующему выводу: «Иммиграция оказала очевидное неблагоприятное воздействие на экономическое положение наименее квалифицированных американцев (тех, кто не закончил среднюю школу, и тех, кто составляет нижние 20% в шкале заработной платы)» (Borjas, Freeman and Katz, 1997). Позже Борджас указывал на то, что те, кто иммигрировал в США в более поздние годы, внесли в американскую экономику гораздо меньший вклад, чем те, кто въезжал в предыдущие десятилетия, частично в результате снижающегося уровня образования и квалификации, и их присутствие обернулось потерями для наиболее бедных американских слоев (Borjas, 1999).

Те же тенденции подтверждают исследования по ряду европейских стран, где чистый экономический результат иммиграции заключается в перераспределении ресурсов от коренных жителей и богатых иммигрантов. В Великобритании, например, на местном уровне увеличение доли иммигрантов в графстве или районе на 1% ведет к росту безработицы от 0,2 до 0,6 пунктов (Dustmann, Fabbri, Preston and Wadsworth, 2003). В Дании подтверждено, что если иммигранты из богатых стран являются «экономически выгодными», то иммигранты из бедных стран оказываются бременем для принимающего общества (Schultz-Nielsen, 2001). В Швеции чистый экономический эффект от недавней иммиграции был отрицательным; в числовом выражении он выражался в ежегодных чистых выплатах иммигрантам в размере от 1 до 2% ВВП (Ekberg, 1999). Объяснение заключается в том, что более поздние иммигранты обладают гораздо меньшими средствами и гораздо более терпимо относятся к возможности остаться безработными и незанятыми. Разные страны по-разному относятся к этому. В Швеции, например, существует хорошо развитая система социального обеспечения, а многие иммигранты являются бедными и неквалифицированными людьми, прибывающими в поисках убежища. Однако даже при применении узких экономических критериев общий вывод заключается в том, что недавняя иммиграция в лучшем случае имеет очень незначительные позитивные последствия, но скорее всего эти последствия негативны.

Иммиграция, экономическая деформация и зависимость

Прежде чем и дальше увеличивать масштабы иммиграции следует более критически оценить аргументы в пользу нехватки рабочей силы. Не стоит безоговорочно принимать жалобы работодателей, которые, быть может, просто не желают платить должные заработные платы или вкладывать деньги в обучение персонала или трудосберегающие технологии, которые призваны повысить производительность. Только работодатели и экономисты убеждены в преимуществах того, что иммиграция несет с собой сдерживание уровня заработной платы. Повышение заработной платы стимулирует автоматизацию простых видов труда или проведение реформ, рационализирующих рынок труда: разумно задаться вопросом, действительно ли Европа нуждается в миллионе чиновников

или официантов. От тех производств, где производительность не может быть повышена с помощью внедрения новых технологий, следует отказаться или перевести их за границу для того, чтобы использовать местную рабочую силу, если это возможно (ряд функций, естественно, не могут быть экспортированы). Если же работодатели имеют возможность избегать таких решений, импортируя работников-иммигрантов, которые, по крайней мере, на первых порах готовы к более низкому уровню жизни, — в таком случае оплата и статус этих рабочих мест будут снижаться и далее. Местные работники будут избегать этих видов работ, поскольку они получают репутацию «иммигрантских». Нигде так, как в сфере миграции, требования работодателей не встречают столь некачественной поддержки со стороны либеральных комментаторов, которые обычно гораздо более осторожны в оценке последствий, которые несет в себе неуправляемый капитализм.

Таким образом, доступность труда мигрантов приводит к деформации экономики и росту ее зависимости, в то время как ограничение доступности некачественного труда работает на пользу экономике.

В 1960-х гг. в США, несмотря на протесты работодателей, программа привлечения мексиканских аграрных гастарбайтеров была ограничена. Это привело к заметному росту производительности труда в Калифорнии благодаря механизации сбора и переработки фруктов, а также к увеличению уровня индивидуальной оплаты труда, численности профсоюза и занятости местных рабочих (Martin and Olmstead, 1985).

Другим примером деформации экономики является Британская Национальная система здравоохранения — одна из наиболее плохо финансируемых систем здравоохранения на Западе. Привлечение иностранной рабочей силы позволяло сохранять недостаточное бюджетное финансирование, и в конце концов привлечение медиков из-за рубежа превратилось в необходимое условие существования этой отрасли, поскольку инвестиции в подготовку кадров остаются неадекватными спросу на специалистов. Заработная плата занятых в медицинской отрасли остается низкой, а условия труда плохими. Уровень медицинских услуг, оказываемых населению, кроме неотложной помощи, является постоянным объектом жалоб. Плохие условия труда не позволяют удерживать британский персонал, и даже иностранный персонал не желает долго терпеть эти проблемы. Более 100 тыс. британских медицинских сестер не работают по специальности, и, несмотря на привлечение значительного числа медицинских сестер из-за рубежа, число иностранных медсестер, работающих в Британской Национальной системе здравоохранения, остается постоянным в течение нескольких лет (Dobson et al., 2001), поскольку многие увольняются и уходят на другую работу на лучших условиях.

Рост и сокращение трудовых ресурсов: различные сценарии для Европы

Угроза сокращения численности населения в трудоспособных возрастах, конечно, реальна, но она сильно преувеличена. То сокращение, которое проецируется на будущее, часто трактуется как уже якобы про-

исходящее в настоящее время. Кроме того, едва ли можно говорить об этой тенденции как «общеевропейской», в то время как существует множество различий между отдельными европейскими странами в плане демографических тенденций и характеристик рынка труда. Во-первых, во многих государствах Европы численность населения в трудоспособных возрастах продолжает возрастать — отчасти вследствие существующего уровня иммиграции, отчасти благодаря естественному приросту. Так, в Великобритании последние прогнозы правительственного Департамента страховой статистики показывают, что население номинальных трудовых возрастов (15–64 лет) возрастет с 38,4 млн. чел. в 2001 г. до 39,4 млн. в 2016 г. и несколько сократится к 2051 г. — до 38,3 млн. чел. Получается, что нужно заглянуть вперед на 50 (!) лет, чтобы увидеть сокращение лишь на 100 тыс. чел.

В тех странах, где низкая рождаемость наблюдается уже в течение нескольких лет — таких как Италия, Испания, Греция — численность потенциальных трудовых ресурсов действительно начнет снижаться довольно скоро, но вряд ли это можно сказать о тех странах, где рождаемость относительно более высокая — таких как Норвегия или Нидерланды. Прогнозы ООН, представленные на рис. 1, отражают эти различия в численности населения, вступающего в трудовой возраст (20–24 лет): показатели для стран Северной и Западной Европы остаются относительно постоянными, в то время как в других регионах снижаются в долгосрочной перспективе. А ведь в этих прогнозах не учтен рост показателей рождаемости, отмечаемый в Дании, в Нидерландах и особенно во Франции в самые последние годы!

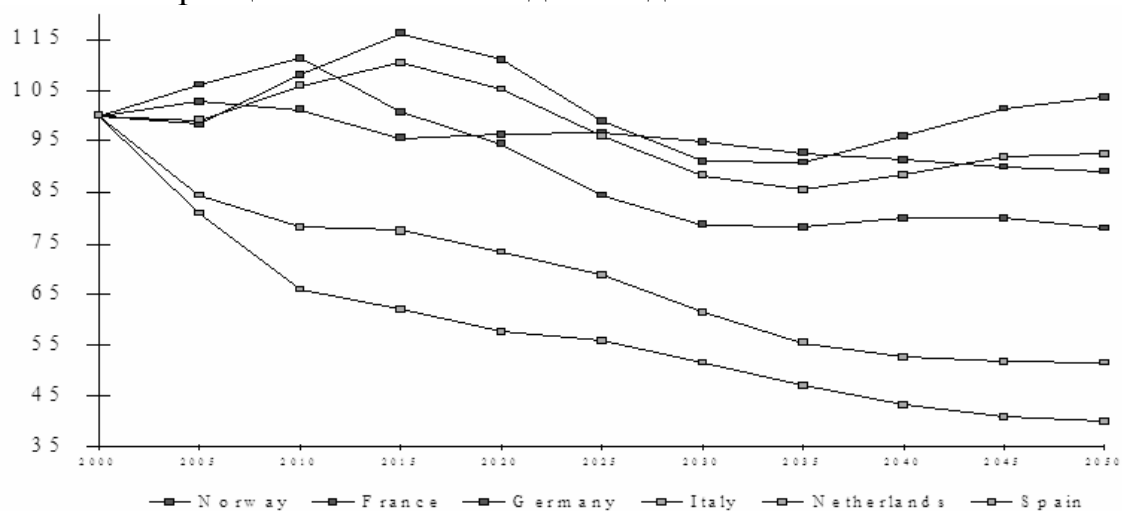

Рис. 1. Численность населения в возрастной группе 20–24 лет в некоторых европейских странах по прогноз ООН

В том случае, если рождаемость будет оставаться ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства, тогда общая численность населения и население трудоспособных возрастов во всех этих странах уменьшится со временем при отсутствии миграции. Однако многое может случиться за 25 лет.

Потенциал европейской рабочей силы

Однако, как уже было отмечено выше, реальная численность рабочей силы определяется не только демографическими показателями, но также уровнем участия населения в общественном производстве и возрастом вступления в трудовую деятельность и выхода из нее. Например, прогноз численности населения европейских стран, представленный Евростатом, в сочетании с прогнозом уровня экономической активности населения показывает, что ни в одной стране Европы, за исключением Италии, численность реальной рабочей силы (т.е. работающих людей, а не номинального населения в трудоспособном возрасте) не будет в 2025 г. меньше, чем сейчас (Feld, 2000). Потенциал европейской рабочей силы на самом деле значителен, и он может быть мобилизован посредством проведения соответствующих реформ. В странах ЕС в целом наблюдается самый низкий уровень участия населения в общественном производстве среди крупнейших экономических объединений государств — всего лишь 64% населения в возрасте 15–64 лет является экономически активным. При этом различия между странами значительны: в Испании, например, в общественном производстве занято чуть больше половины населения в возрасте 15–64 лет (см. табл. 1).

Таблица 1. Показатели экономической активности и занятости населения в европейских странах, 1999 г.

	Уровень экономической активности, %	Уровень занятости, %
Германия	71,2	64,8
Великобритания	75,1	70,4
Испания	62,1	52,3
Италия	59,6	52,5
Нидерланды	73,6	70,9
Франция	68,8	60,4

Источник: Council of Europe, 2001; Eurostat 2000 Labour Force Survey, OECD.

Если, к примеру, во всех 15 странах Европейского Союза² уровень участия населения в общественном производстве повысится до того, который наблюдался, скажем, в Дании в 1999 г., тогда общая численность работающего населения ЕС возрастет на 36,6 млн. человек, или 23,2% — то есть составит примерно то же число, которое прогнозируется как возможный дефицит к 2050 г. Конечно, это тот резерв, который может быть использован лишь единожды — уровень участия населения в общественном производстве не может достигнуть 100%. Кроме того, легко представить себе те препятствия, которые стоят на пути достижения этого гипотетического результата. Однако этот расчет четко указывает на необходимость сконцентрировать усилия на реформировании общего европейского рынка труда, систем социального обеспечения и раннего выхода на пенсию, которые в их нынешнем виде не отличаются гибкостью и не обеспечивают устойчивого развития региона, вместо того что-

² С 1.05.2004 года число-членов Европейского Союза увеличилось до 25 членов (Ред.).

бы вести пустые разговоры о демографии. Экономический рост прежде всего зависит от непрерывного роста производительности труда и конкурентоспособности — того, в чем Великобритания как раз и отстает. Даже Министерство труда США пришло к заключению, что иммиграция может тормозить экономический прогресс (Dept of Labor, 1989), и этот вывод был недавно вновь озвучен Аланом Гринспеном.

В странах Южной Европы самый высокий уровень безработицы сочетается с самыми низкими показателями экономической активности населения, высоким уровнем нелегальной иммиграции, а также жестким протекционизмом рынка труда и контролем рынка арендуемой недвижимости. Кроме того, выход на пенсию, как правило, очень ранний, бюрократический аппарат излишне многочислен и неэффективен, срок обучения в вузах кажется бесконечным. В этих странах особенно заметно преобладание «семейной культуры» и гендерного неравенства, которые сдерживают участие женщин в общественном производстве и одновременно поддерживают показатели рождаемости на очень низком уровне — все это несет в себе угрозу для будущей численности трудовых ресурсов. Очевидно, что гораздо проще допустить приток иммигрантов, чем стимулировать «активизацию» внутренних трудовых ресурсов посредством проведения непростых реформ, как в области закона, так и в области культурных традиций (что может противоречить интересам крупных корпораций. Впрочем, эти реформы все равно жизненно необходимы, если ЕС действительно хочет осуществить свою цель превратиться в «самое эффективное в мире экономическое объединение».

Изменение границ рабочего возраста

В долгосрочной перспективе наиболее реальным инструментом «решения» проблемы старения населения является изменение границ рабочего возраста. Увеличение возраста выхода на пенсию до 72–74 лет могло бы обеспечить сохранение нынешнего соотношения между работающим и неработающим населением вплоть до 2050 г. (UN, 2001). Полного «решения» этой проблемы быть не может; и это-то может показаться слишком высокой ценой. Однако некоторое движение в этом направлении желательно и необходимо. Продолжительность предстоящей жизни при рождении в настоящее время превышает 80 лет, а в возрасте 65 лет она составляет почти 20 лет. Нельзя большую часть жизни не работать и тратить то, что заработано в течение меньшей части жизни, и при этом ожидать сохранения высокого стандарта потребления. Количество лет активной жизни должно увеличиваться. На самом же деле сейчас средний возраст мужчин при выходе на пенсию составляет около 60 лет, а не номинальные 65 лет. *Статус кво* можно было бы поддержать, вернувшись к реальному возрасту выхода на пенсию 1960-х гг.

Возможна ли согласованная европейская миграционная политика?

В Докладе Европейской Комиссии 2000 г. «Об иммиграционной политике Сообщества», который рекомендует разработку единой имми-

грационной политики, предполагается, что в странах ЕС имеет место схожая демографическая ситуация, схожая потребность в рабочей силе и схожие проблемы, связанные с изменением возрастной структуры населения и старением. Это не так. После 1980-х гг. в Европе доминирует не столько сходство демографических характеристик, сколько их несходство. Думается, не существует ни возможности, ни необходимости в единой «европейской» политике в отношении (трудовой) миграции сверх той, что уже осуществляется отдельными странами-членами ЕС, а также в разработке каких-либо новых механизмов ее осуществления. Существующие значительные различия между государствами ЕС в экономическом, в демографическом развитии, в ситуациях на национальных рынках труда делают трудной оценку некой общей потребности в дополнительных ресурсах или единой политики в отношении трудовой миграции. Разнообразие демографических ситуаций естественно требует различных интерпретаций. Средний размер семьи в европейских странах разнится от 1,2 до 1,9; изменение численности населения к 2020 г. может составить от прироста в 4 млн. (Великобритания и Франция) до сокращения в 3 млн. чел. (Италия и Германия), при том что уровень демографической поддержки в 2020 г. будет составлять от 2,9 (Германия и Италия) до 3,5 (Великобритания и Дания) по сравнению с сегодняшним 4,2.

Демографические последствия иммиграции

Для многих европейских стран иммиграция чревата существенными изменениями между нынешним и будущим населением в смысле его численности и этнического состава. Это происходит как вследствие чистого притока иммигрантов, так и высоких темпов естественного прироста иммигрантского населения. В настоящее время в Западной Европе около 10% населения — это родившиеся за рубежом, что ненамного меньше, чем в США, а доля населения иностранного происхождения еще выше. В 2000 г. примерно у 20% родившихся в Европе матери были иммигрантами или гражданами иностранных государств.

Таблица 2. Изменение численности населения иностранного происхождения между 2000 г. и 2050 г. по среднему варианту прогноза и прогнозу с нулевой иммиграцией (% от общей численности населения)

	Германия		США		Нидерланды	Дания	
	средний сценарий	сценарий нулевой миграции	средний сценарий	сценарий нулевой миграции	основной сценарий	основной сценарий	сценарий нулевой миграции
2000	9,9	9,9	15,3	14,5	17,5		6,7
2005					19,5		6,9
2010			19,0	16,1	21,5		6,9
2015					23,1		7,0
2020			22,4	17,3	24,9		6,9
2030	18,2	12,3	25,9	19,1	27,7		
2040			29,5	20,5	30,3		
2050	23,6	15,3	33,2	22,1	32,8		

Источник: Данные национальной статистики.

При сохранении существующих темпов иммиграции к 2050 г. в ряде европейских стран доля населения иностранного происхождения (исчисленная различными методами) достигнет, по прогнозу, 30% от общей численности населения (таблица 2). Подходы в разных странах различны: если в Нидерландах традиционно относят к населению иностранного происхождения только иммигрантов и их детей, то в США, Германии и Дании в эту категорию входят все потомки иммигрантов. Сравнение со сценарием с нулевой иммиграцией высвечивает особую важность иммиграции в этих изменениях.

Международная миграция и Конференция ООН по народонаселению и развитию, Каир, 1994 г.

Каирская Программа действий (United Nations 1995, Chapter 10) рассматривает миграцию в контексте следующих основных проблем: миграция и развитие, законные и незаконные мигранты, беженцы и лица, ищущие убежище. Многие положения не вызывают возражений и критических замечаний, что часто бывает, когда единый документ составляется большим числом людей, представляющих различные группы интересов и различные правительственные и неправительственные организации. Например, мы все можем согласиться с тем, что «организованная международная миграция может иметь положительное воздействие как на страны происхождения, так и на страны назначения». В то же время возможна и противоположная ситуация — когда международная миграция, даже будучи организованной, ослабляет экономику принимающих стран, а денежные переводы мигрантов деформируют развитие экономики стран выезда, — однако такая ситуация не упомянута, несмотря на то, что это происходит все чаще (Angrist and Enger 2003, Chami et al. 2003). В таком контексте призыв к правительствам стран «направить усилия на преодоление коренных причин миграции для того, чтобы обеспечить всем людям возможность оставаться в их стране» прозвучал, быть может, несколько неожиданно, но был встречен с одобрением.

Преобладание политических соображений над научными, которое незримо господствовало на Каирской Конференции, отчетливо проявилось в рекомендациях, касающихся законных мигрантов, особенно там, где разговор заходит о правах человека: проявлять к мигрантам «такое же отношение, как к гражданам страны» и обеспечивать им «те же социальные, экономические и юридические права, что и гражданам страны», а также призыв во всем правительствам «признавать особую важность политики воссоединения семей и обеспечивать ее интеграцию в национальное законодательство с целью защиты единения семей законных мигрантов...». Эти филантропические призывы, похоже упускают из виду важность института гражданства и связанные с ним привилегии. Они плохо сочетаются с более ранней рекомендацией о поощрении *временной* миграции. Если все формы миграции будут сопряжены с правом на воссоединение с другими членами семьи в принимающих странах, ми-

грация из бедных стран ни в коем случае не будет временной. Право «ввозить» супруг(ов) из стран происхождения также фактически подрывает цели интеграции, провозглашаемые Программой: выбор в пользу супруг(ов) со своей родиной часто диктуется стремлением избежать приобщения к прогрессивным, нетрадиционным ценностям западного общества. Тот факт, что во многих иммигрантских общинах устойчиво продолжается практика «импортирования» супруг(ов) из стран происхождения, уже сейчас формирует значительный по численности постоянный миграционный поток в европейские страны, способствуя созданию этнических гетто и разрушая идеологию интеграции.

Забота о «правах человека» в Программе проявляется несбалансированно и односторонне: вне поля зрения остаются права коренного населения на сохранение их образа жизни и защиту от нежелательной иммиграции (см. Ruhs and Chang, 2004). Однако стойкое внутреннее сопротивление в европейских странах остается важным фактором, не исчезающим, несмотря на призывы подавлять проявления «расизма и ксенофобии». Избиратели во Франции, Германии, Австрии, Дании и Нидерландах средствами демократического процесса выражают свою неудовлетворенность высоким уровнем иммиграции. В ряде стран иммиграционные правила, например, в плане воссоединения семей или заключения браков, были существенно ужесточены. Особая забота о правах иммигрантов, выдвинутая на первый план Каирскими рекомендациями, не будет иметь практического смысла, если в то же время будут игнорироваться права «всех прочих» граждан на сохранение своего собственного образа жизни, своей национальной идентичности и привилегий гражданства.

Общие цели Программы относительно незаконных (нелегальных) иммигрантов, беженцев, лиц, ищущих убежища, и перемещенных лиц, вероятно, в целом получают одобрение. Однако и здесь некоторые «неудобные» моменты опущены, а одни великодушные пожелания противоречат другим. Так, одной из наиболее важных причин миграции в поисках убежища является заложенное в Женевской Конвенции и дополнительных международных документах неограниченное условиями обещание убежища как такового. Это обещание предполагает возможность получения права на постоянное проживание, гражданство и интеграцию в экономическую жизнь принимающей страны, ее систему социального обеспечения и здравоохранения в случае удовлетворения ходатайства. В большинстве западных стран лишь незначительное число ходатайств о предоставлении убежища удовлетворяются, в то время как большинству заявителей предоставляется временный статус. На самом деле большая часть этих ходатайств является жульничеством, представляющим собой одну из форм многомиллиардного мультинационального бизнеса на нелегальной миграции (Salt, 2001); в большинстве стран лица, не получившие удовлетворения своих заявлений о предоставлении убежища, так и остаются в странах, где они подавали ходатайства. Это

будет продолжаться до тех пор, пока не будут пересмотрены Женевская Конвенция и соответствующие международные соглашения с тем, чтобы они в большей степени соответствовали реалиям XXI века и чтобы вновь развивать систему защиты беженцев вместо системы поселения на постоянное жительство, в которую она фактически превратилась. Такого рода пересмотр даже не обсуждается.

Программа призывает правительства стран «направить усилия на преодоление коренных причин, вызывающих потоки беженцев и перемещенных лиц, предпринимая соответствующие меры для разрешения конфликтов, поддержания мира, уважения прав человека, а также уважения независимости, территориальной целостности и суверенитета государств». Все эти цели, взятые по отдельности, замечательны. Однако «преодоление коренных причин возникновения потоков беженцев» может, по сути, означать, например, введение санкций или военное вмешательство (как это было недавно в Судане), что совершенно несовместимо с «уважением независимости, территориальной целостности и суверенитета государств». В целом похоже, что государства предпочитают продолжать действовать в духе «права каждого государства самому решать, кто может въезжать на его территорию и находиться там, и на каких условиях». Точки зрения отдельных государств, выраженные их правительствами в зависимости от различной степени миграционного давления, внутренних проблем и мнения избирателей, сильно различаются между собой и могут существенно меняться со временем в зависимости от результатов выборов.

Таким образом, хотя с основными заключениями и рекомендациями Каирской Конференции по международной миграции можно согласиться, тем не менее нельзя не сказать о том, что они не могут служить четким и последовательным руководством для разработки миграционной политики. Отчасти это связано с тем, что они утопичны и избегают или игнорируют многие острые проблемы, связанные с миграцией. Они носят слишком общий характер, что не соответствует многообразию существующих национальных особенностей и интересов. Рекомендации обращают первостепенное внимание на необходимость защиты прав иммигрантов. Однако права коренного населения ни разу даже не упоминаются. В международных дискуссиях такого рода весьма часто происходит так, что научные взгляды и эмпирический анализ оказываются в подчинении высоких моральных принципов. Общественное мнение в принимающих странах развитого мира часто находится в противоречии с приоритетным акцентированием прав мигрантов (обычно исходя из наилучших побуждений), и оно заслуживает того, чтобы к нему прислушивались, а не обвиняли в «расизме» и «ксенофобии».

Заключение

Старение населения является неизбежным, хотя в конечном итоге возрастная структура приведет к стабилизации основных показателей

естественного движения населения. Следствием старения являются более низкие темпы экономического роста, чем те, которые были бы при отсутствии процесса старения населения. Однако прекращение роста населения и даже некоторое сокращение его численности могут принести известные преимущества. С помощью иммиграции нельзя решить проблему старения населения, но при очень высоком иммиграционном приросте можно предотвратить будущее сокращение общей численности населения и численности трудоспособных возрастов. В то же время определение «рационального» числа иммигрантов очень затруднительно. Неизбежно, что большинство иммигрантов придут из бедных стран третьего мира и неевропейской культуры. Продолжительная иммиграция в те страны, где показатели рождаемости находятся ниже уровня, необходимого даже для простого воспроизводства, причем в масштабе, требуемом для поддержания численности населения, неизбежно ведет к замещению коренного населения пришлым. Даже уже существующие показатели иммиграции отчетливо «работают» в этом направлении.

Для проблемы старения населения нет демографических «решений». Даже возвращение к суммарному коэффициенту рождаемости, достаточному для простого воспроизводства — 2,1 ребенка, повысит в долгосрочной перспективе показатель демографической поддержки лишь до 2,9. Однако любое увеличение рождаемости могло бы весьма облегчить адаптацию к неизбежному процессу старения населения без увеличения его численности. В странах с очень низкой рождаемостью некоторое увеличение коэффициентов рождаемости представляется необходимым для осуществления мер не-демографической политики для того, чтобы обеспечить устойчивое будущее. В других странах, особенно во Франции и Северной и Западной Европе, существующие показатели рождаемости гарантируют более определенное будущее. Теоретически возможно повысить коэффициенты демографической нагрузки путем мобилизации значительных демографических резервов Европы в среднесрочной, но не в долгосрочной перспективе.

Миграция квалифицированных кадров (через систему разрешений на работу и т.п.) не вызывает особого противодействия и может принести очевидные преимущества. Однако большая часть иммиграции не имеет отношения к трудоустройству, так что общий экономический эффект от иммиграции очень неоднозначен. Уровень безработицы среди иммигрантов обычно выше, чем в среднем по стране, как в первом, так и во втором поколениях, а уровень участия в общественном производстве обычно ниже среднего, особенно среди женщин. В долгосрочной перспективе применение труда иммигрантов может деформировать экономику; оно превращается в своего рода «зависимость», способствуя сохранению малоэффективных предприятий, существующих за счет низкооплачиваемого труда, и давая возможность работодателям неоправданно завышать свои требования.

Иммиграцию нельзя рассматривать как «легкий» краткосрочный способ избежать политически непростых реформ, которые только и мо-

гут решить проблемы, стоящие перед европейскими странами в долгосрочной перспективе, а именно: низкий официальный возраст выхода на пенсию, неоправданно ранний фактический выход на пенсию, очень длинный период обучения в вузах, низкий уровень участия женщин и иммигрантов в общественном производстве, многочисленная непродуктивная бюрократия, негибкое трудовое законодательство, которое препятствует рациональному использованию рабочей силы. Эти факторы провоцируют существование черного рынка иммигрантского труда и приводят к «парадоксальному» сосуществованию высокой безработицы и высокой иммиграции, скажем, в Испании или Италии. Эти проблемы будут решены, если западные страны вновь станут самовоспроизводящимися и самоподдерживающимися. Что особенно важно, так это то, чтобы европейские страны радикально изменили свои системы социального обеспечения и культурные ориентиры для обеспечения равенства и возможностей трудоустройства для женщин. Образно говоря, позаботьтесь об интересах женщин, а общество позаботится о себе само.

Перевод с английского И.В. Ивахнюк

Литература

1. Angrist, J. D. and A. D. Kugler (2003) Protective or Counter-Productive? Labour Market Institutions and the Effect of Immigration on EU Natives // *Economic Journal*, vol. 113, no. 488, June.
2. Borjas, G. J. (1999) *Heaven's Door: Immigration Policy and the American Economy*. Princeton, Princeton University Press.
3. Borjas, G. J., R. Freeman, et al. (1997) How Much Do Immigration and Trade Affect Labour Market Outcomes // *Brookings Papers on Economic Activity* 1: 1–90.
4. Chami, R., C. Fullenkamp and S. Jahjah (2003), Are Immigrant Remittance Flows a Source of Capital for Development? // *IMF Working Paper*, WP/03/189.
5. Coleman, D.A. (2001) Why Europe does not need a European immigration policy. Memorandum and Oral Evidence submitted to the House of Lords Select Committee on the European Union // In: House of Lords, Session 2000-01, 13th Report. A Community Immigration Policy. Report with evidence. HL Paper 64. London, The Stationery Office. P. 19–36.
6. Coleman, D.A. (2002) Replacement Migration, or why everyone is going to have to live in Korea: a fable for our times from the United Nations // *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, 357, p. 583–598.
7. Commission on Population Growth and the American Future (1972). Report: Population and the American Future, with 7 volumes of Research Papers. Washington DC, US GPO.
8. Dobson, J., Koser, K., McLaughlan, G. and J. Salt (2001) International Migration and the United Kingdom: Recent patterns and trends // Home Office Research, Development and Statistics Directorate Occasional Paper No 75. London, Home Office.

9. Dustmann, C., F. Fabbri, et al. (2003) The local labour market effects of immigration in the UK // Home Office Online Report 06/03.
10. Ekberg, J. (1999) Immigration and the Public Sector: Income Effects for the Native Population in Sweden // *Journal of Population Economics* 12, p. 278–297.
11. European Commission (2000). On a Community Immigration Policy. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament. COM(2000) 757 Final. Brussels, Commission of the European Communities.
12. Feld, S. (2000) Active Population Growth and Immigration Hypotheses in Western Europe // *European Journal of Population* 16, p. 3– 40.
13. Gauthier, A. H. (2002) Family Policies in Industrialised Countries; is there convergence? // *Population, English edition* 57(3), p. 447– 475.
14. Lutz, W. and S. Scherbov (2002) Can Immigration Compensate for Europe’s Low Fertility? // July 2002 Vienna, Vienna Institute of Demography Research Papers IR-02-052.
15. McDonald, P. (2002) Sustaining Fertility through Public Policy: the range of options // *Population, English edition* 57(3), p. 417–446.
16. Martin, P. L. and A. L. Olmstead (1985) The Agricultural Mechanisation Controversy // *Science* 227(4687), p. 601–606.
17. Martin, P. L. and M. S. Teitelbaum (2001) The Mirage of Mexican Guest Workers // *Foreign Affairs* 80(6).
18. OECD (2002) Trends in International Migration. SOPEMI 2002. Paris, OECD.
19. Population Panel (1973). Report Cmnd. 5258. London, HMSO.
20. Royal Commission on Population (1949). Report Cmd. 7695. London, HMSO.
21. Ruhs, M. and H. J. Chang (2004) Ethics of Labor Immigration Policy // *International Organisation* 58, p. 69–102.
22. Salt, J. (2001) The Business of International Migration. *International Migration into the 21st Century // Essays in honour of Reginald Appleyard.* M. A. B. Siddique. Cheltenham, Edward Elgar, p. 86–108.
23. Schultz-Nielsen, M. L. (2001). The Integration of non-Western immigrants in a Scandinavian labour market: the Danish experience. Copenhagen, Statistics Denmark.
24. Select Committee on Science and Technology (1971). First Report: Population of the United Kingdom. London, HMSO.
25. Smith, J. P. and B. Edmonston, Eds. (1997). *The New Americans. Economic, Demographic and Fiscal Effects of Immigration.* Washington DC, National Academy Press.
26. United Nations (1995). Report on the International Conference on Population and Development (ICPD Cairo 1994). New York, United Nations.
27. United Nations (2000) Replacement Migration: Is it a Solution to Declining and Ageing Populations? New York, United Nations.

28. United Nations (2001) World Population Prospects, 2000 revision, Volume 2. New York, United Nations.
29. United Nations (2001) United Nations Expert Group Meeting on Policy Responses to Population Ageing and Population Decline, New York 16–18 October. New York, United Nations.
30. US Dept of Labor (1989) The Effects of Immigration on the US Economy and Labor Market. Washington, D.C., USGPO.
31. Wadensjö, E. (1999) Economic Effects of Immigration. Immigration to Denmark: International and national perspectives. D. A. Coleman, Wadensjö, E., Jensen, B. and S. Pedersen. Aarhus, Aarhus University Press, p. 290–328.

СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: В ПОИСКАХ НОВЫХ ТЕОРИЙ И КОНЦЕПЦИЙ

Введение

В Программе Действий, принятой Международной Конференцией по вопросам народонаселения и развития в сентябре 1994 года в Каире, говорится о необходимости проведения научных исследований для более глубокого понимания причин и следствий внутренней и международной миграции и мобильности населения в быстро меняющемся современном мире (Глава XII, п. 12.25). Здесь же содержится утверждение о том, что несмотря на достигнутый в последние 20 лет прогресс в сфере методологии и технологии сбора и анализа данных, качество информационной базы, ее полнота и непрерывный характер по-прежнему остаются неудовлетворительными. Наименее надежной и неадекватной является система измерения параметров миграции, в особенности на региональном и международном уровнях. (Глава XII, п. 12.1).

И хотя число исследовательских работ по проблемам миграции постоянно увеличивается, а их тематический диапазон расширяется, потребность в создании теоретико-методологических основ и системы методических приемов и правил изучения современных миграционных процессов, остается, как и прежде, актуальной задачей.

События последнего десятилетия со всей очевидностью показали неготовность нашей науки к решению теоретических и прикладных задач в области стремительно развивающихся миграционных процессов, которые с распадом СССР приобрели принципиально новое содержание, характер и качество. Изменились миграционные приоритеты перемещающихся контингентов, произошла трансформация направлений, структуры и интенсивности миграционных потоков.

Разработанные в СССР в последние несколько десятилетий теоретические концепции, методологические принципы и методические подходы, составляющие арсенал необходимых исследователю знаний, оказались тем не менее сегодня не вполне достаточными для объяснения и прогнозирования современных миграционных процессов. И тогда со всей очевидностью встала задача переосмысления нашего теоретического наследия и создания конструктивной и работающей метатеории.

В этой статье автор предпринимает попытку обобщить некоторые теоретические положения и методологические принципы изучения миграционных процессов, выработанные несколькими поколениями исследователей, ранее работавших и работающих ныне в этой области.

Необходимые теоретические предпосылки изучения современных миграционных процессов

Миграции населения принадлежат к сложным системным объектам исследования. Их сложность, многоаспектность и социологический ха-

рактар предполагают необходимость комплексного, всестороннего изучения. Исследовательская стратегия, положенная в основу комплексного подхода, зиждется на следующих методологических принципах. Она включает в себя формулирование общей теоретической концепции, разработку сквозных понятий и категорий, обеспечивающих единство подхода к объекту исследования.

На их базе осуществляется изучение отдельных сторон и связей миграционных процессов. При этом теоретико-концептуальный аппарат формируется на основе постулатов, понятий и категорий дисциплин, включенных в исследовательский процесс. Из этих же наук заимствуются, в основном, специфические методы исследования и содержательные результаты. Теоретическая концепция должна быть увязана с эмпирическими разработками. Междисциплинарность и теоретических, и прикладных исследований — одно из наиболее важных сегодня методологических требований (Заславская, 1980, С. 11).

Развитие теории миграционных процессов тесно связано с формированием соответствующего понятийного аппарата и терминологического словаря.

Понятийный аппарат отражает эволюцию теоретических представлений о предмете и содержании теории миграционных процессов. Ключевыми в системе понятий, которые используют исследователи современных миграционных процессов, являются: *потенциальная миграция, миграционная установка, миграционная мотивация, миграционное поведение, факторы и стимулы миграции, миграционная ситуация, миграционная подвижность, миграционный поток, адаптация, обустройство, приживаемость, миграционная политика* и ряд других.

Потенциальная миграция — психологическое состояние готовности к отъезду из данного населенного пункта (страны). Характеризуется принятым, но еще нереализованным решением о переезде. Измеряется показателями структуры миграционных установок: удельным весом (в процентах) лиц, принявших, но еще не осуществивших решение об отъезде, и относительными размерами всех остальных контингентов населения, не заявивших намерений о переезде. Потенциальная миграция является одной из важных характеристик миграционной подвижности индивидов.

Миграционная установка — психический регулятор поведения, предрасположенность личности, определяющая согласованность действий, которые обусловлены позитивным или негативным отношением к перемене места и условий жизни. Миграционная установка отражает готовность к определенному результату миграционного поведения. Побудительным компонентом миграционной установки является миграционная мотивация.

Миграционная мотивация (миграционные мотивы) — психическое состояние личности, которое побуждает ее к достижению личных целей экономического, социального и психологического характера посредством перемены места жительства. Раскрывает качественную сторону по-

требности индивида в смене места проживания, условий труда, реализации определенных жизненных планов.

Миграционное поведение — совокупность действий и отношений, детерминирующих переселения индивидов либо отказ от них. В рамках изучения миграционного поведения исследуются социально-психологические аспекты индивидуального, группового и массового отношения людей к перемене места их жительства.

Миграционная подвижность — интенсивность перемещения индивидов с целью перемены места жительства. Измеряется частотой перемещения людей (мигрантов) через границы тех или иных территорий с переменой места жительства навсегда либо на более или менее продолжительное время.

Факторы миграции — совокупность экономических, социальных, этнических, политических, правовых, экологических и других условий, в которых протекает миграционный процесс и которые оказывают заметное влияние на его объем, интенсивность, направления и другие параметры.

Стимулы миграции — определяемые экономическими, социальными, политическими, этническими, экологическими и другими условиями обстоятельства, которые, затрагивая интересы потенциальных мигрантов, становятся субъективно значимыми побудительными силами. В качестве внешнего побуждения-стимула всегда выступает определенное изменение обстоятельств или внешних условий жизнедеятельности; в качестве внутреннего — реакция индивида на изменения этих внешних обстоятельств. Связь между стимулами и мотивами опосредована структурой личности и потребностями потенциальных мигрантов, их жизненным опытом и мироощущением. Осознаваемые мотивы миграции отражают влияние соответствующих внешних стимулов, хотя и не идентичны последним.

Приживаемость — характеристика конечной стадии миграционного процесса. Рассматривается одновременно и как процесс, и как результат приспособления переселенцев к новым условиям жизни и удовлетворение их жизненно насущных потребностей в местах вселения. Понятие приживаемости тесно связано с двумя другими понятиями — *адаптации* и *обустройства*, отражающими взаимодействие субъективного и объективного. При этом *адаптация* знаменует собой приспособление субъекта к объективным условиям жизнедеятельности в местах вселения, а *обустройство* — перестройку этих условий в соответствии с потребностями субъекта (новосела). Единство этих двух процессов предопределяет результативность приживаемости.

В качестве критерия уровня приживаемости могут быть использованы показатели миграционной подвижности населения — соотношение между численностью новоселов в данном районе и местными жителями — старожилами; распределение новоселов в зависимости от времени вселения, а также доля оставшихся к данному моменту из числа приезжих определенного года. Приживаемость может также характеризоваться средним числом лет, прожитых новоселами в местах вселения. Эти пока-

затели могут быть рассчитаны для лиц определенного пола, возраста, этнической принадлежности и т. п.

Адаптация — социально-психологический и психофизиологический процесс приспособления личности либо социальной группы к новым условиям социальной среды в местах вселения. Важнейшей составляющей адаптации является согласование самооценок, ожиданий и притязаний индивидов с их возможностями, а также с реалиями новой жизни в местах вселения. Процесс адаптации осуществляется одновременно на физиологическом, биологическом, психологическом и собственно социальном уровнях. Адаптация к новым условиям и образу жизни не исчерпывает полностью феномен перехода новоселов в состав постоянного населения в местах вселения. В отдельных случаях она завершается быстро, но, как правило, — это довольно продолжительный процесс, который может быть усложнен трудностями обустройства новоселов. Очень часто процесс приспособления материальных условий жизни в местах вселения к потребностям самих переселенцев оказывается наиболее важным для их приживаемости.

Обустройство — это процесс достижения новоселами уровня благосостояния старожилов. В случае их организованного переселения государство предоставляет кредиты, безвозмездную денежную помощь, возмещает затраты на переезд и перевозку имущества. Помощь государства может включать также предоставление жилья, приобретение скота, др. Как правило, для обустройства необходимо время, по продолжительности большее либо меньшее, чем время, необходимое для адаптации, без которой приживаемость новоселов также недостижима, как и без обустройства. И в дореволюционной литературе, и в литературе 1920-х годов, также как и в современной литературе, называется время, необходимое для перехода новоселов в категорию постоянного населения. В среднем оно составляет 8–10 лет, в течение которых уровень благосостояния новоселов достигает уровня жизни старожилов в местах вселения.

Интеграция (реинтеграция) — процесс размывания и в конечном счете исчезновения каких-либо видимых отличий, разделяющих переселенцев и старожилов, в особенности в том, что касается их социально-экономического и правового статуса. Это также процесс организации (восстановления) защиты граждан со стороны государства и распространение на них принципа верховенства закона. Более конкретно это означает отсутствие социального и политического насилия, установление эффективных судебно-правовых процедур, введение плюралистических форм управления и справедливое распределение ресурсов. Процесс реинтеграции, таким образом, позволяет бывшим перемещенным лицам и членам их семей все шире пользоваться правом на физическую, социальную, правовую и материальную безопасность. Понятие интеграции (*реинтеграции*) широко используется в практике Управления Верховного Комиссара ООН. Термин «реинтеграция» применяется, когда речь идет о репатриации людей, ранее проживавших в стране и покинувших

ее не по своей воле (беженцы, депортированные народы; лица, перемещенные внутри страны, пр.).

Миграционная ситуация — состояние миграционных процессов: направления, размеры, динамика и структура миграционных потоков, и совокупность определяющих их развитие экономических, политических, демографических, социально-психологических, этнических и экологических факторов в пространственно-временном измерении.

Миграционный поток — совокупность единичных миграционных перемещений, объединенных общностью направлений, которые определяются районами выбытия и прибытия мигрантов в течение определенного календарного интервала времени.

Миграционная когорта — совокупность мигрантов, объединяемая общим календарным периодом миграций в определенный населенный пункт или район. Ее выделяют на основе данных переписей населения о продолжительности проживания мигрантов в местах вселения. Следует различать численность *фактических* и численность *доживших* в данном месте миграционных когорт, поскольку фактические когорты уменьшаются в связи с дальнейшей миграцией и смертностью мигрантов. Действие этих факторов возрастает с увеличением продолжительности проживания.

Прогноз миграционных событий — научно обоснованное предвидение основных параметров миграционной подвижности населения и перспективной миграционной ситуации.

Миграционная политика — осуществляемая государством совокупность мер, направленных на регулирование интенсивности, структуры и направлений миграционных потоков в целом и миграционной подвижности населения в частности.

Качество жизни — оценка совокупности условий физического, умственного и социального благополучия, как они понимаются отдельным индивидом и отдельной группой населения. Главным для качества жизни индивида является соответствие ситуационных характеристик (потребностей и возможностей) ожиданиям индивида, его способностям и нуждам, как их понимает сам индивид. Потребностям человека могут быть приданы различные веса: основные потребности индивида связаны с выживанием, за ними следуют социальные потребности, связанные с безопасностью и общением; и, наконец, этот ряд замыкают потребности индивида, связанные с *его* «Я» и касающиеся самоутверждения личности. Обеспечив удовлетворение самых насущных потребностей, человек рассчитывает на определенный уровень безопасности, свободы, равенства, социальной идентификации, товарищества, информации, участия в общественной жизни, управления и распределения ресурсов. Качество жизни является значимым регулятором миграционной подвижности населения.

Концепция пространственной самоорганизации населения

Миграционные потоки, которые мы наблюдаем и фиксируем как феномен повседневной жизни, — лишь внешняя сторона миграционных

процессов. Однако в каждом явлении в качестве основы непременно присутствует его сущность. Многообразие и переплетение функций, которые выполняют миграционные процессы, не позволяют вместить их сущность в рамки единого всеобъемлющего определения. В качестве исходного пункта в теоретическом осмыслении сущности миграционных процессов мы предлагаем рассматривать концепцию пространственной самоорганизации населения, которая была разработана автором еще в 1980-х годах и многократно подтверждена эмпирическими данными.

Территориальные перемещения населения осуществляются в некоем социально-пространственном континууме, каждая точка которого характеризуется некоторым набором жизненных благ: возможностей трудоустройства, приобретения жилья, получения образования, содержательного досуга, общения, отдыха; различными экологическими характеристиками, уровнем политической стабильности и личной безопасности, гарантиями осуществления прав человека. Совокупность всех этих точек (регионов) и образует *пространство возможностей* или *пространство стимулов*, в пределах которого принцип «человек ищет где лучше» срабатывает с неумолимостью закона.

Пространство возможностей динамично, разнообразно, характеризуется различными уровнями концентрации деятельности человека. В нем развернуты, а потому подлежат выбору возможности деятельности индивидов в самых разнообразных сферах. Формирование предпочтений у населения к различным участкам территории отражает экономически, социально и психологически обусловленные реакции жителей на определенную совокупность свойств среды их обитания. А перемещения населения в пространстве возможностей есть самоорганизующийся процесс общественного поведения индивидов, направляемый системой предпочтений. Пространственная самоорганизация населения находит выражение в избирательном отношении к территории их обитания: их концентрации в одних районах и рассредоточении в других в результате перемещений населения в пространстве.

Размеры численности населения (либо его плотность, либо его динамика) — интегральные показатели, отражающие совокупное действие многих, реально притягивающих людей в тот или иной регион факторов. И поэтому численность населения, либо его плотность, либо его динамика могут рассматриваться как *индикаторы привлекательности* этих районов для определенных социальных и этнических групп населения. Сегодня на пространственную самоорганизацию населения существенное влияние оказывают экономический, политический, этнический и конфессиональный факторы.

Таким образом, избирательное отношение людей к территории их обитания может служить критерием *качества жизни* в том или ином районе в пределах пространства возможностей, с одной стороны; а с другой — существенным признаком для выделения *латентных групп населения* с присущей им социальной организацией, поведением и целями.

Феномен пространственной самоорганизации населения находит отражение в предложенной С. А. Стоуффером модели столкновения возможностей. Эта модель опирается на логику человека, стремящегося увеличить свой трудовой доход, улучшить условия труда, быта и отдыха, обеспечить личную безопасность и будущее детей.

Дискуссия о природе постсоветских миграций

Широко распространено мнение о том, что в структуре современных миграций, получивших развитие в странах СНГ и Балтии после распада СССР, доминировала эмиграция, имеющая этническую окраску. Это не вполне точное утверждение. Любая эмиграция всегда этнична, поскольку всякий человек, уезжающий из страны навсегда, принадлежит к той или иной национальной общности и идентифицирует себя с ней.

Перефразируя старую советскую идеологему «национальный по форме, социалистический по содержанию» (например, культура, литература, архитектура и т. п.), мы можем сказать о любой эмиграции с просторов распавшейся империи, что она является этнической по форме и постсоветской по содержанию. У всех эмиграций, из какой бы страны СНГ они не происходили, существуют общие корни: сузившееся до критических размеров пространство возможностей — возможности достойно жить и умереть, возможности дать детям образование на родном языке, возможности получить гражданство, возможности работать по избранной профессии, возможности молиться своему Богу, возможности защитить свои права человека, возможности реализовать свое право на мирную жизнь.

Данные государственной и ведомственной статистики, также как и результаты социологических опросов свидетельствуют о том, что после распада СССР в странах СНГ и Балтии происходил разъезд населения по национальным квартирам: русские уезжали в Россию, украинцы — в Украину, беларусы — в Беларусь и т. д. Наиболее значимым оказался отток русскоязычного населения из стран Центральной Азии, Закавказья, Балтии. Все эти потоки объединяет общая родовая черта, характерная для всех постсоветских миграционных процессов. Речь идет об утрате групповой идентичности реальными и потенциальными русскоязычными эмигрантами.

До распада СССР русские, украинцы и белорусы принадлежали к господствующей группе в номинально суверенных союзных республиках, в то время как коренные их жители, за исключением местной правящей элиты, были членами маргинальной, подчиненной группы.

Распад СССР обозначил крах коммунистической идеологии, обеспечивавшей долгие годы надежный базис для социального и этнического неравенства этих двух групп. События 19 августа 1991 г. положили начало скоротечной инверсии — перераспределению властных функций между ними и радикальной перестройке социально-групповой организации обществ в этих странах. Объединенные идеей национальной незави-

симости и суверенности, прежние маргинальные группы приобрели, наконец, в своей собственной стране статус господствующих, а бывшие господствующие группы, как только рухнула основа их, казалось бы, незблемой ранее консолидации, оказались вынужденными оставить прежние ключевые социальные позиции и пуститься в поиски утраченной идентичности в других странах.

СССР был не только тоталитарной державой, он был еще и колониальной системой, унаследованной от Российской Империи. По мнению В.О. Ключевского, «вся история России есть история страны, которая колонизируется»; «Колонизация страны — основной урок русской истории», а «периоды русской истории — главные моменты колонизации». Не случайно же в 1922 г. в Советской России, в Москве, был открыт Государственный научно-исследовательский колонизационный институт, в котором изучалось переселенческое движение и разрабатывалась переселенческая политика. С началом коллективизации в 1930 г. Институт был закрыт, а исследования прекращены. Далее прерогатива проведения политики переселений была отдана на откуп НКВД.

Если рассматривать массовый отток русскоязычного населения из бывших центрально-азиатских, закавказских и прибалтийских республик СССР, в контексте распада колониальной системы, то этот процесс разительно напоминает исход «черноногих» французов из Алжира, многочисленной армии чиновников и их семей из британской администрации в Индии и многие другие примеры, которыми изобилует мировая история второй половины XX века.

Принципы регулирования миграционных процессов: постановка задачи

Стохастический характер миграционных процессов в значительной степени ограничивает выбор и набор инструментов, с помощью которых осуществляется регулирование территориальных перемещений населения.

Миграции — это самоорганизующийся процесс общественного поведения индивидов, который направляется системой предпочтений, а целенаправленная самоорганизующаяся деятельность мигрантов определяется не только размерами трудового дохода, но и другими факторами жизнедеятельности. Совокупность мигрантов, образующих миграционный поток, характеризуется наличием общей групповой функцией предпочтения, поскольку они принадлежат к одному типу жизнедеятельности. Как все самоорганизующиеся социальные процессы, участники которых оптимизируют свою деятельность в соответствии с собственными (имманентными) интересами, миграции поддаются регулированию извне лишь косвенным образом.

Выбор потенциальным мигрантом предпочтительного для себя варианта из множества других есть результат его взаимодействия с пространством возможностей (стимулов). Иными словами, отношение предпочтения определяется некоторой совокупностью свойств этого пространства.

Фиксация количественных характеристик этих свойств (параметров) и составляет содержание косвенных управляющих воздействий. Варьируя значения этих параметров, можно ориентировать формирование предпочтений в направлении, соответствующем цели управления.

В качестве регуляторов миграционных потоков следует рассматривать те факторы (характеристики набора жизненных благ в различных точках пространства возможностей), параметры которых могут непосредственно планироваться и изменяться путем директивных установлений.

Факторы — регуляторы могут иметь либо административный, либо социально-экономический, этно-политический или природно-защитный характер. К первым относятся административные и правовые условия перемены места жительства: регистрация (прописка), гражданство, условия найма на работу, разрешение на въезд в страну (виза) и т.п. Значение этих мер имеет влиятельный, однако не исчерпывающий характер. В гораздо большей степени влияют сегодня на принятие решения о переезде и выбор нового места жительства экономические, экологические, этнические и политические факторы. Распад СССР и сопровождающие его вооруженные конфликты, этнические противостояния, системный экономический кризис и растущая безработица оказали неизмеримо большее влияние на направления и интенсивность миграционных потоков в странах СНГ и Балтии. Именно эти факторы определяют сегодня масштабы и характер современных миграционных процессов, именно управлению ими принадлежит решающая роль в регулировании направлений, структуры и интенсивности миграционных потоков. Однако их использование в качестве регуляторов крайне затруднено отсутствием необходимых денежных средств, несовершенством законодательной базы, молодостью и неопытностью миграционных служб в стране и рядом других обстоятельств.

Тем не менее это не может изменить сам принцип регулирования миграционных потоков. Только изменяя внешние условия жизни мигрантов, можно регулировать процесс их пространственной самоорганизации и его интенсивность таким образом, чтобы обеспечить необходимые направления потоков миграции с оптимальной структурой при минимуме экономических и социальных потерь.

При прогнозировании миграционных потоков целесообразно опираться на использование математического моделирования. Наиболее перспективными являются диахронные модели, учитывающие фактор самоорганизации населения. Применение дескриптивных моделей позволяет описать и объяснить наблюдаемые количественные закономерности миграционных потоков и форму взаимодействия факторов, оказывающих влияние на характер их развития. Для выработки управляющих решений целесообразно использовать нормативные модели, позволяющие выбрать и рекомендовать наиболее эффективные с точки зрения оптимальности варианты развития миграционных потоков.

Проблему регулирования миграционных потоков невозможно решить единым хозяйственным либо административным маневром. Необ-

ходима система мер, главными из которых являются экономические и политико-правовые.

Заключение

Успешное развитие теоретических представлений о миграции связано, в первую очередь, с разработкой единой стратегии и тактики междисциплинарных исследований этого многоаспектного процесса, что позволило бы интегрировать исследовательские усилия в целях создания более плодотворных концепций и более эффективных методологий.

Представители различных отраслей знания, изучающих миграционные процессы, как правило, опираются на сложившиеся исследовательские традиции и специальные исследовательские техники, используют собственные научные языки со строгими значениями их терминов, опираясь на точно фиксированные «цеховые» понятия, сформировавшиеся в той или иной науке.

От умения и желания исследователей понимать и усваивать научные подходы, методы, понятия и язык смежных отраслей знания, их готовности обмениваться идеями во многом зависит появление и жизнеспособность новых гипотез и направлений научного поиска в области миграций, создание действенного аналитического инструментария для исследования сложных миграционных проблем, лежащих на стыке экономического, демографического, социологического, политологического, социально-психологического и других анализов.

Литература

1. Демографический понятийный словарь (2003) / Под редакцией Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП.
2. Зайончковская Ж.А. (1972) / Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). М.
3. Ключевский В.О. (1956) Сочинения. Т. 1. М.
4. Методология и методика системного изучения советской деревни (1980) / Под ред. Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной. Новосибирск: Наука.
5. Миграция сельского населения (1970) / Под редакцией Т. И. Заславской. М.: Мысль.
6. Моисеенко В.И. (1985) Территориальное движение населения: Характеристика и проблемы управления. М.
7. Народонаселение. Энциклопедический словарь (1994). М.
8. Переведенцев В.И. (1965). Современная миграция населения Западной Сибири. Новосибирск
9. Переведенцев В.И. (1966). Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск.
10. Переведенцев В.И. (1975). Методы изучения миграции населения. М.: Наука.
11. Покшишевский В.В. (1973) Миграции населения как общественное явление и задачи статистического их изучения. //Статистика миграции населения. М.: Статистика. С. 7–34.

12. Положение беженцев в мире: 1997-1988. Перемещенные лица - гуманитарная проблема. (1997) М.: ЗАО «Интердиалект».
13. Прибыткова І. М (1997) Основи демографії. Київ.: «АртЕк».
14. Прибыткова І. (1997) Влияние института гражданства на процессы возвращения и обустройства ранее депортированных народов и лиц в Крыму. Киев: Компания ВАИТЭ.
15. Прибыткова І. (1999) Правовые и гуманитарные проблемы реинтеграции ранее депортированных в Крыму. Киев: Компания ВАИТЭ.
16. Прибыткова І (1999) Эмиграционный потенциал ранее депортированных крымских татар в Республике Узбекистан // Социологические исследования. № 10. С. 95–104.
17. Прибыткова І. (2004) Міграційний потенціал населення України // Громадська думка. № 1. С. 13–22.
18. Рыбаковский Л.Л. (1973). Региональный анализ миграций. М.: Статистика.
19. Рыбаковский Л.Л. (1987). Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука.
20. Рыбаковский Л.Л. (2001). Миграция населения. Вып. 5: Стадии миграционного процесса. Приложение к журналу «Миграция в России». М.
21. Рыбаковский Л. Л. (2003). Миграции населения (вопросы теории). М.: Институт социально-политических исследований.
22. Струмилин С.Г. (1922). Наши трудовые ресурсы и перспективы // Хозяйственное строительство. Вып. 2. М.
23. Таборисская И. М. (1979). Маятниковая миграция населения (теория, методология, практика). М.: Статистика.
24. Хомра А. У. (1979). Миграция населения: Вопросы теории, методики исследования. Киев: Наукова думка.
25. Хорев Б. С. Чапек В. Н. (1978) Проблемы изучения миграции населения. М.: Мысль.
26. Lennart Levi, Lars Andersson. (1974) Population, Environment and Quality of life. Stockholm.
27. Stouffer S.A. (1940) Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // American Sociological Review, Vol. 5, December.

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ:

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОТОКОВ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

В этом году исполнилось 10 лет со дня проведения международной конференции по народонаселению и развитию, в которой была озвучена Программа международного сотрудничества и действий в области народонаселения. Особое место в ней уделено воздействию международной миграции и ее форм на экономическое развитие как стран происхождения мигрантов, так и принимающих стран, а так же сотрудничеству в области формирования миграционной политики, регулирования въезда и выезда, обмена информации, интеграции мигрантов в принимающее общество. Россия, поддерживая Программу действий, при формировании механизма регулирования международных миграций исходит из сочетания стратегических задач принятой Программы, а также российских, субрегиональных и региональных интересов.

Масштабы российской территории, протяженность ее границ во многом определяют особенности международных миграций в регионах, а также динамику и структуру миграционных потоков. Характерной чертой международных миграций на Дальнем Востоке России является высокая доля в миграционном обмене стран Северо-Восточной Азии (в первую очередь, Китая и КНДР). Это прежде всего определяется: географической близостью стран Северо-Восточной Азии со значительным демографическим и миграционным потенциалом; наличием в регионе одной из самых протяженных границ с Китаем (динамично развивающимся как в экономическом, так и демографическом плане); геополитическим положением Дальнего Востока, удобным для транзитного перемещения; высоким уровнем незанятого населения в приграничных районах Северо-Восточного Китая, в т. ч. провинции Хэйлунцзян; внешнеэкономической стратегией Китая, направленной на поддержку экспорта рабочей силы и преобладанием экономических мотивов в международных миграциях в приграничных регионах Дальнего Востока. Все эти факторы обусловили своеобразие миграционных потоков в регионе.

Прежде чем дать характеристику особенностям миграционных процессов, следует кратко остановиться на динамике численности населения Дальнего Востока в последние годы. Учитывая, что Дальний Восток России относится к территории наиболее позднего хозяйственного освоения и заселения, для него на протяжении почти всего XX века были характерны более высокие темпы прироста населения, чем в среднем по России. Существенную роль в динамике населения играл миграционный прирост, однако, с 1986 года роль его в динамике численности населения стала второстепенной, а с конца 1980-х годов даже отрицательной. В 1991 году произошла перестройка демографических процессов, впервые миграци-

онный отток превысил естественный прирост населения, а с 1993 года миграционная убыль, наряду с естественной определяют дальнейшее уменьшение населения на Дальнем Востоке. За межпереписной период с 1989 года по 2002 год население Дальнего Востока России сократилось на 1263 тыс. чел. (15,9 %) и составило по данным переписи 2002 года 6687,7 тыс. человек (Труд и занятость в Амурской области, 2003).

В последнем десятилетии XX века максимальный вклад в общую миграционную убыль региона дал 1992 год (год распада СССР), когда был отмечен самый большой отток в страны ближнего зарубежья, что во многом было связано с формированием их государственности и необходимостью оформления гражданства лиц, прибывших на заработки на Дальний Восток. Затем на фоне общего снижения мобильности населения миграционная убыль стала сокращаться, достигнув в 1995 году минимального значения, однако, с 1996 года снова наметилась тенденция к росту, которая продолжалась до 1999 года. С 2000 года миграционный отток с Дальнего Востока сокращается, но миграционное сальдо остается отрицательным, достигнув к 2002 году величины -27,8 тыс. человек. против -69,9 тыс. чел. в 1999 году (Госкомстат, 2003).

Таким образом, несмотря на наметившееся снижение миграционной убыли, решающую роль в изменении численности населения на Дальнем Востоке определял миграционный отток, который обеспечивал в 1999 году 76 % общей убыли населения, а в 2002 году его доля сократилась до 57,3%. Это можно характеризовать как положительную тенденцию.

Рассматривая на данном демографическом фоне особенности международных миграций в регионе, необходимо определить основные подходы, которые в дальнейшем будут использоваться в тексте. В проводимом анализе, автор исходила из расширенного определения международных миграций, которое дал в своей работе В.А. Ионцев (Ионцев, 1999).

Это связано, прежде всего, с особенностями географического положения региона и сложившимися реалиями, которые, с одной стороны, позволяют использовать туристические каналы для достаточно частого пересечения границы иностранными гражданами и значительную часть времени находится на российской территории, занимаясь, например нелегальной трудовой деятельностью. С другой стороны, расширение контактов позволяет получать служебные визы для коммерческой деятельности, что также способствует длительному проживанию на приграничной территории Дальнего Востока, «обрастать связями» и вести хозяйственную деятельность.

В этой связи в данной работе анализ международной миграции проводится по трем наиболее представительным потокам: безвозвратной миграции (включая эмиграцию и иммиграцию), международной временной миграции (с различными целями и сроками пребывания, включая туризм) и миграции рабочей силы.

Безвозвратная миграция

Миграция всегда была существенным компонентом изменения численности населения Дальнего Востока. Однако роль международных

миграций в смене местожительства была невелика. Если для России в целом обмен со странами ближнего зарубежья в 1990-е годы имел положительную составляющую, компенсирующую естественную убыль населения, то для Дальнего Востока данные миграции не смогли даже переломить общую миграционную убыль. Вместе с тем международный миграционный оборот в регионе имеет в последние годы тенденцию к снижению: он сократился в 2002 году по сравнению с 1995 годом в обмене со странами ближнего зарубежья в 8,6 раза, а со странами дальнего зарубежья в 5,6 раза (по сравнению с 1999 годом в 8,2 раза). В связи с этим и доля международных мигрантов среди прибывших в регион также сократилась и составила в 2002 году 3,5% (в 1995 году — 16,3%), а среди выбывших — 3,1% (в 1995 — 10,3%).

Таблица 1. Международные миграции на Дальнем Востоке России (чел.)

	1995	1999	2000	2001	2002
Прибыло (всего),	41820	16347	11962	5615	4639
в том числе из стран:					
ближнего зарубежья	37427	11827	10927	5242	4255
дальнего зарубежья	4385	4520	1035	373	384
Выбыло (всего),	35265	24357	11170	6701	5013
в том числе в страны:					
ближнего зарубежья	29532	14017	7679	4940	3569
дальнего зарубежья	5733	10340	3491	1761	1444
Сальдо миграции,	6547	-8010	792	-1086	-1050
в том числе в страны:					
ближнего зарубежья	7895	-2190	3248	302	686
дальнего зарубежья	-1348	-5820	-2456	-1388	-1050

Составлено: по данным Госкомстата РФ

Следует отметить, что максимальное отрицательное сальдо по международным миграциям сложилось в послекризисном 1999 году, в основном за счет сокращения прибывших из стран ближнего зарубежья и существенного роста выбывших в страны дальнего зарубежья (см. табл.1). Если в обмене со странами ближнего зарубежья миграционное сальдо оставалось положительным (за исключением 1999 года), то в обмене со странами дальнего зарубежья оно было отрицательным на протяжении всего периода с 1995 года по 2002 год.

Остановимся кратко на двух составляющих безвозвратной миграции: эмиграции и иммиграции.

Как уже отмечалось выше, максимальная миграционная убыль населения на Дальнем Востоке была отмечена в 1992 году после распада СССР в основном за счет эмиграции в страны ближнего зарубежья. Именно данная эмиграция была определяющей в тот период времени в сокращении численности населения на Дальнем Востоке. В последующие годы по мере экономической стабилизации эти потоки сокращались.

Главной причиной миграций в страны ближнего зарубежья явилось возвращение на историческую родину. Известно, что Дальний Восток осваивали различные народы бывшего СССР. К примеру, в строительстве БАМа участвовали все республики, большая часть железнодорож-

ных станций была построена в национальном стиле строительными бригадами бывшего СССР, которые дислоцировались в бамовских поселках. Они создавали семьи, строили квартиры, некоторые из них осели здесь надолго. Можно сказать, что для многих стран СНГ возвращение этих людей было в форме реэмиграции. Поэтому основной поток мигрантов в 1995 году был направлен на Украину (64,7% от всех выбывших), 11,9% — в Белоруссию, 9,9% в Казахстан и 4,3% в Молдову. К 2002 году основными странами-реципиентами остались Украина и Белоруссия, доля остальных же стала незначительной.

Что касается эмиграции в страны дальнего зарубежья, то миграция с Дальнего Востока носит несколько иной характер и отличается от общероссийских тенденций.

Во-первых, более низкой долей эмигрантов в страны дальнего зарубежья в общей эмиграции (из региона в 2002 г. — 28,8 %, из России — 50,4 %).

Во-вторых, преобладанием в структуре принимающих стран Германии (40,3%), Израиля (30,5%) и США (12,6%). При этом доля Германии в эмиграции с Дальнего Востока почти в 2 раза меньше, а Израиля в 5 раз больше, чем в эмиграции из России. Это объясняется прежде всего тем, что на Дальнем Востоке проживали немецкие и еврейские семьи, а также семьи смешанных браков. Их этническая принадлежность позволяла и позволяет эмигрировать в данные страны.

В-третьих, доля бизнес-эмигрантов остается пока невысокой, преобладающей все-таки остается этническая миграция.

В-четвертых, получившая распространение в последние годы временная миграция, чаще связанная с учебой (через годовые стажировки, магистерские программы) способствует росту намерений и поиску возможностей для того, чтобы остаться в странах пребывания, прежде всего в США, Германии и Австралии.

Иммиграция в регионы Дальнего Востока из стран ближнего зарубежья наряду с общероссийскими моментами имеет так же специфические черты:

- массовая миграция в Россию из стран ближнего зарубежья, имевшая место с 1992 года и позволившая компенсировать естественную убыль населения в стране не сыграла существенной роли в поддержании численности населения в регионе и только частично сократила общую миграционную убыль (особенно в 1995 году);
- количество мигрантов, прибывших в регион из этих стран в 2002 году по сравнению с 1995 годом сократилось в 8,8 раза (в Россию в 4,7 раза). Доля беженцев и переселенцев была незначительной на протяжении всего периода и почти сведена к нулю в последние годы. Это свидетельствует о слабой привлекательности региона и информированности населения, отсутствии действенной государственной миграционной политики. Это подтверждают и результаты обследования, проведенные автором в 1999 году;

- по этнической принадлежности в основном это русские, а так же украинцы, которые уже имели предыдущий опыт проживания и трудовой деятельности в период строительства Байкало-Амурской магистрали или родились ранее в этом регионе и имеют родственников;
- в географической структуре по странам выбытия преобладают мигранты из Украины (48%), а также Казахстана, Киргизии и Узбекистана, что в целом соответствует общероссийской специфике.

Иммиграция из стран дальнего зарубежья незначительна и так же имеет тенденцию к снижению. Так за период с 1995 года по 2002 год численность мигрантов в регионы Дальнего Востока сократилась в 11,4 раза, в тоже время количество прибывших в Россию за этот же период увеличилось в 3 раза (хотя несколько уменьшилась по сравнению с 2000 годом). Следует отметить, что большая часть (78,4%) иммиграции на Дальний Восток представлена в форме реэмиграции бывших граждан России из Израиля и небольшой долей из Германии. Основной причиной является возврат на прежнее место жительства, личные и семейные причины. По мнению очевидцев не все смогли воспринять образ жизни, адаптироваться к климатическим условиям, кроме того, у ряда из них возникли проблемы с трудоустройством по специальности, а так же со службой в израильской армии.

Третьей страной поставляющей мигрантов из стран дальнего зарубежья в регион является Китай. Отметим, что доля его в ежегодных прибытиях невелика, но имеется тенденция к росту. Основными принимающими субъектами являются приграничные районы Дальнего Востока, прежде всего Приморский край, Хабаровский край и Амурская область. Главные причины их присутствия на постоянной основе: ведение бизнеса (как правило, это руководители фирм), создание межэтнических браков с русскими (например, в Амурской области за последние семь лет зарегистрирован 41 брак), это объясняется тем, что у китайцев брачный барьер по отношению к русским ниже, чем у российских граждан.

Таким образом, не смотря на сокращение иммиграции из стран дальнего зарубежья, доля Китая в ней растет, что позволяет предположить, что идет процесс роста количества китайских граждан, проживающих на Дальнем Востоке на постоянной основе. По данным УВД, в 2002 году только на территории Амурской области на постоянной основе проживало 100 иностранных граждан, 90 из них граждане из КНР (67 из них уже получили вид на жительство и 23 получили гражданство РФ). Однако более точные результаты, по всей видимости, даст прошедшая в 2002 году Всероссийская перепись населения, не все материалы которой пока опубликованы.

Международная временная миграция (поездки)

Специфической особенностью Дальнего Востока с его протяженной границей с Китаем является преобладание в 1990-х годах туристического обмена региона с этой страной. Этому способствовало подписанное в

1992 году соглашение о безвизовом групповом туристическом обмене, что в свою очередь облегчило пересечение границы и способствовало использованию этого канала для занятия нелегальной трудовой деятельности. Значительные потоки китайцев на Дальний Восток, особенно в Приморский край и Амурскую область, способствовали стремительному развитию приграничной торговли. В 1992–1993 годах масштабы их были таковы, что в российской прессе все больше стал звучать тезис о «желтой опасности». Аналогичного рода публикации по большей мере оценочного характера появились также в зарубежных журналах.

Именно в этот период вскрылась проблема контроля за деятельностью иностранных граждан на территории России. Учитывая сложившуюся неблагоприятную ситуацию в стране в области миграционного обмена, а также увеличение нелегальной миграции, Правительство РФ принимает Постановление №1021 от 08.10.94г. «О мерах по предупреждению и сокращению неконтролируемой внешней миграции», которое было принято во исполнение Указа Президента РФ от 06.12.93г. «О мерах по введению миграционного контроля». В дальнейшем порядок миграционного обмена с другими странами был закреплен в законе «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ». Значительное влияние на динамику перемещений через границу китайских граждан оказал Закон о туризме, принятый в 1996 году на федеральном, а несколько позже на региональном уровне. Учитывая наличие высокого уровня незанятого населения в КНР, туризм стал легальным каналом въезда на территорию РФ для нелегальной занятости.

Все вышеперечисленные документы сыграли определенную роль в регулировании миграционных потоков между Россией и КНР. В то же время вскрылись существенные проблемы, выявились несовершенство и ограниченность современного законодательства.

Принятые документы не учитывали особенности отдельных регионов России. Вследствие приграничного характера на территории Дальнего Востока возникали проблемы, связанные с пребыванием и передвижением иностранных граждан. Это прежде всего касалось китайских граждан-туристов, которые въехали по поддельным паспортам и не выехали в установленные сроки. Так, по данным только УВД Амурской области за период с 1996 года по 2002 год с территории России в установленные сроки не выехало 919 граждан КНР. Особенно «богатыми» по «невыездникам» были 1995 и 1996 годы.

В конце 1990-х годов обе страны на межгосударственном уровне предприняли шаги по регулированию международных туристических потоков, о чем свидетельствует подписание 29 февраля 2000 года нового «Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках». В соглашении было оговорено, что туристической группой может быть группа не менее 5 человек, а осуществлять безвизовый групповой туризм имеют право туристические организации,

имеющие лицензию на международную туристическую деятельность и занимающиеся такой деятельностью не менее трех лет. Данное соглашение способствовало повышению ответственности туристических фирм и позволило в какой-то мере отсеять наиболее не добросовестные из них.

Направленность и объемы международных потоков в приграничных регионах Дальнего Востока также определяются спецификой географического положения территорий, большой протяженностью границ с Китаем, а также ориентацией китайских граждан на получение доходов от реализации дешевых товаров народного потребления в России. По количеству принятых иностранных граждан в последние годы из стран дальнего зарубежья в Дальневосточном федеральном округе лидировала Амурская область, которая по прибытиям в 2002 году опередила Приморский край (второй по численности приема иностранных граждан) в 1,4 раза. Лидирующие позиции Амурской области связаны прежде всего с расположением городов Хэйхэ (округ Хэйхэ) и Благовещенска (Амурская область) на границе по обе стороны реки Амур. По данным пограничной статистики, 99,9% посетивших Амурскую область в 2002 году — граждане КНР.

Таблица 2. Структура мигрантов-китайских граждан по целям поездок в Россию

Цели поездок	В Россию						В Амурскую область					
	2000		2001		2002		2000		2001		2002	
	тыс. чел.	в %	тыс. чел.	в %	тыс. чел.	в %	тыс. чел.	в %	тыс. чел.	в %	тыс. чел.	в %
служебная	239,8	48,6	164,9	35,3	126,3	17,4	72,4	43,4	66,5	49,1	48,9	43,8
туризм	172,2	34,9	164,8	35,7	267,0	36,8	74,58	44,69	51,2	37,6	45,8	41,0
обслуж. персонал	49,5	10,4	50,8	11,0	65,7	9,1	19,9	11,9	17,7	13,1	16,6	14,9
частная	29,6	6,0	78,2	17,0	262,1	36,1	0,02	0,01	0,2	0,2	0,3	0,3
прочие	2,8	0,5	2,5	0,5	4,0	0,6	–	–	–	–	–	–
всего	493,8	100	461,2	100	725,8	100	166,9	100	135,6	100	111,6	100

Рассчитано по: Численность и миграция населения РФ в 2001 году. М.: Госкомстат РФ, 2002; Численность и миграция населения РФ в 2002 году. М.: Госкомстат РФ, 2002; данным КПП «Благовещенск» федеральной службы.

Для сравнения соотнесем объемы всех поездок китайских мигрантов в Россию с теми, которые осуществляются через границу Амурской области (табл. 2). Результаты оказались, на наш взгляд, достаточно интересными. Так, в 2000 году через границу Амурской области въехало в Россию 163,5 тыс. человек, это 33% всех китайских граждан, прибывших в нашу страну, причем с целью туризма — 43%, а со служебной целью — 30% всех въехавших. Однако в 2002 году ситуация несколько изменилась: доля области во въезде сократилась до 15,3%, в том числе с туристическими целями — до 17,1%, а со служебными целями увеличилась до 38,7%. Это связано прежде всего с тем, что прибытия в регионы Дальнего Востока стабилизировались на определенном уровне, а дина-

мика прибытий в целом в Россию в 2002 году резко возросла. В основном рост в России произошёл за счёт поездок с частными целями, а в Амурской области доля их ничтожно мала. Во многом это связано с приграничным положением, а также с большей простотой пересечения через другие заявленные цели поездок.

По данным миграционной службы по Амурской области и других органов, осуществляющих контроль за пребыванием иностранных граждан и движением иностранной рабочей силы в 2000 году, только 5% граждан КНР, прибывших по каналу безвизового обмена, знакомились с туристскими ресурсами. Это подтверждают проведенные автором в 2000 и 2002 годах опросы китайских граждан, занимающихся коммерческой деятельностью (в том числе торговлей), которые ответили, что въехали в область в составе туристической группы (39,3% и 34% соответственно) и по служебной визе, в том числе учебной (35,7% и 40%) (Понкратова, 2000). Дополнительным источником, косвенно подтверждающим использование туристического канала для занятий коммерческой деятельностью, является структура экспорта услуг Амурской области в 2002 году, где 53,6% приходилось на услуги по аренде мест на рынках и 16,2% на услуги гостиниц (включая общежития). Ни один регион Дальнего Востока не имеет таких высоких показателей в экспорте данных услуг.

Кроме того, в Китае была провозглашена новая внешнеэкономическая стратегия под девизом «Идти вовне» (Гельбрас, 2002), в рамках которой поддерживается и реализуется на практике «народная торговля» как способ продвижения китайской продукции путем использования туристического канала. Создание торговых баз вдоль российско-китайской границы и поэтапное продвижение товаров вглубь нашей страны подтверждается утверждением в Китае районов приграничного экономического сотрудничества с передачей ряда льгот в таких населенных пунктах как Манчжурия, Хэйхе, Суйфэньхе, Хуньчунь. Кроме того в последнее время продвигается создание новой китайско-российской торговой зоны Дуннин (КНР) — Полтавка (РФ), в обсуждении которой принимал участие автор этой статьи в июне 2001 года в г. Харбине. Главная цель ее создания — «стоя в Дунине, опираясь на Хэйлуцзян, служа всей стране, обращаясь к миру ... прорвать главное звено, поэтапно развивать встречную торговлю, превратить ее в мост на большом переходе в международную экономику» (Исследовательский отчет ..., 2000). Это высказывание подтверждает вышеназванную стратегию.

О масштабах такого рода торговли можно судить по публикации газеты «Дальневосточный торгово-экономический вестник», издаваемой в городе Харбине (КНР). Газета сообщала, что в приграничные регионы Дальнего Востока (Приморский край, Хабаровский край и Амурскую область) провинция Хэйлуцзян вывозит товаров в среднем на сумму 1,5 млрд. долларов в год (The Far East trade herald, 2000). По данным Народного правительства Хэйхэ, в 1999 году через пограничный переход Хэйхэ — Благовещенск по линии «народной торговли» из Китая вывезено

товаров на 203 млн. долларов (Чуаньсюн, 2001). В то же время по данным Благовещенской таможни, сумма официального импорта за этот период составила 11,2 млн. долларов.

Особо следует остановиться на миграциях через таможенную границу в районе г. Благовещенска российских граждан с различными целями. Их динамику можно характеризовать как стабильную в пределах 250 тысяч в год с некоторыми подъемами и падениями. Последние изменения в динамике и особенно в структуре связаны с подписанием нового соглашения между Россией и КНР о безвизовом обмене, введением в России новых правил провоза товаров физическими лицами, с наличием договоренности об упрощенном пересечении российско-китайской границы в зону приграничной народной торговли «Хуши» в районе острова Большой Хэйхе (расширена с 2004 года до границ города Хэйхэ), исключением из категории собственно туристов граждан, посещающих Китай без ночевки.

В этой связи в структуре поездок россиян резко сократилась доля туристов с 66,1% в 2000 году до 17% в 2003 и возросла доля «служащих» с 13% до 65% соответственно. Во вторую группу попали и те, кто пересекают границу без виз и вне туристических групп, имея при себе загранпаспорта в рамках упрощенного режима. Таким образом, в структуре потока произошло перераспределение по целям поездок без существенного сокращения численности. По нашему мнению, это связано со сложившейся в регионе особой формой челночного бизнеса, которая, несмотря на попытки государства его ограничить, трансформируется, но продолжает жить.

Анализ развития этого бизнеса с 1992 года по настоящее время показал, что в формировании и развитии челночной (маятниковой) миграции можно выделить три этапа. *Первый* — с начала внешнеэкономической либерализации до 1996 года. Он характеризовался формированием и развитием самостоятельных российского и китайского сегмента челночной миграции физических лиц с целью покупки товара в Китае и продаже его в России. *Второй* — со второй половины 1990-х годов до конца XX века. Для этого периода характерно сокращение китайского сегмента челночной миграции и быстрый рост российского сегмента за счет челноков («кирпичей»), выполняющих функции транспортировки товара для китайских торговцев за определенное вознаграждение в зависимости от веса и типа перевозимого товара. *Третий* — с конца XX века по настоящее время. В этот период происходит оформление чисто российского сегмента челночной миграции, который неоднороден по выполняемым функциям и целям. По экспертным оценкам, 10% челночников — это физические лица, которые на свои средства, приобретают товар, транспортируют его и продают на территории России, 10% челночников выполняют функции транспортировки товара по упрощенной системе провоза товаров для российского предпринимателя (по существующей договоренности с китайскими оптовиками или фирмами произ-

водителями по продаже товара более высокого качества). Однако 80% челночных мигрантов задействованы в транспортировке товаров для китайских торговцев. Фактически можно говорить о формировании трансграничного народного рынка, в котором сложилась постадийная специализация: *производство* — китайские производители (небольшие государственные предприятия, кустарное производство); *покупка и продвижение товара* — китайские продавцы-оптовики; *транспортировка товара* — российские челноки (среди которых своя специализация: «кирпичи» — руководители, т.е. основные получатели дохода от этого вида деятельности, и «фонари» — основная рабочая сила: на одного «кирпича» работают как правило до 20–30 «фонарей», перевозят по 50 кг с фиксированным доходом за одну поездку); *реализация товара* — китайские частные предприниматели, наемные китайские торговцы и небольшая часть наемных российских торговцев. Выручка от реализации товара на втором этапе становления челночной миграции в основном вывозилась нелегально, как правило челноками. В последние несколько лет в связи с изменением валютного законодательства, которое стало более либерально к нерезидентам, у которых фактически нет преград по репатриации проконвертированных рублевых денежных средств путем формального проведения неторговых операций. В связи с этим у китайских граждан появилась возможность сдавать рублевую выручку в кассу коммерческих банков с последующей конвертацией в валюту — доллар и переводом ее в Китай (в Амурской области 10 кредитных учреждений имеют корреспондентские счета с китайскими банками). По данным главного управления Центробанка по Амурской области, только в 2002 году платежи в КНР в 14 раз превышали поступления от импортных операций, попадающих под систему валютно-банковского контроля, и почти столько же прошло по депозитным счетам нерезидентов из Китая. Все это свидетельствует о масштабах приграничной торговли за счет челночной миграции.

Таким образом, стратегия развития «народной торговли» реализуется на практике. Главная проблема сегодня заключается в том, что при этом значительная часть товара минует таможенную очистку, является неучтенной в стоимостном выражении, продается в теневом секторе экономики, а значит, бюджет не дополучает налоговых поступлений. Кроме того, полученная выручка используется для покупки в России недвижимости и сырьевых товаров, прежде всего леса, с последующей поставкой в Китай через «серые» схемы.

Миграция рабочей силы

Своеобразная ситуация на Дальнем Востоке складывается в экспорте рабочей силы. Основными поставщиками в страны дальнего зарубежья являются субъекты, имеющие опыт отправки за рубеж с конца 1980-х годов, а также выход к морю и разнообразные формы международного сотрудничества. Прежде всего это Приморский и Хабаровский край (доля

же других территорий невелика), где численность российских граждан трудоустроенных за границей в 2002 году составила 7,6 и 3,2 тыс. чел. соответственно, при этом темпы прироста трудоустройства даже выше, чем в сфере привлечения иностранной рабочей силы в регион.

Принимающими странами для граждан из Приморского края стали Камбоджа (37% выехавших), Нидерланды (10,9%), Греция (9%), Кипр (8,5%) и США (6,6%) Республика Корея (4,6%), а для жителей Хабаровского края — Япония (37,5%), Республика Корея (34,4%) и Камбоджа (12,5%). В квалификационной структуре граждан трудоустроенных из Приморского края 64,8% приходилось на рабочих (в основном занятых в сфере обеспечения морского транспорта), 25,6% на специалистов и 9,1% на различных руководителей, а из Хабаровского края значительная часть выехавших представлена специалистами, преимущественно в области культуры (25%) и рабочими (25%). При этом около 42% хабаровчан не работали на момент выезда, а значит смогли решить проблему трудоустройства.

Одной из динамично развивающихся форм сотрудничества между странами является привлечение иностранной рабочей силы. Основы государственной политики в РФ по привлечению и использованию рабочей силы были заложены в «Положении о привлечении и использовании в РФ иностранной рабочей силы», принятом в 1993 году. Однако за последние годы существенно изменились динамика и структура импорта рабочей силы, получило распространение нелегальное ее использование. Все это обусловило дальнейшую разработку правового поля государственного регулирования миграции рабочей силы, подписание межгосударственных соглашений с заинтересованными странами. В этой связи в 2002 году принимается ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», Постановление Правительства РФ «О квотах на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное проживание в Российской Федерации». Кроме того, использование иностранной рабочей силы регламентируется теперь новым Трудовым Кодексом и Кодексом РФ об административных нарушениях. Особо значимым для сотрудничества России и Китая в трудовой сфере имеет подписанное в 2000 году «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о временной трудовой деятельности граждан Российской Федерации в Китайской Народной Республике и граждан Китайской Народной Республики в Российской Федерации».

Дальний Восток России всегда был труднедостаточным регионом. Кроме того, продолжающееся сокращение численности населения вряд ли будет в ближайшем будущем обеспечивать стабильный рост экономики региона. Рассматривая Дальний Восток на общероссийском фоне привлечения и использования иностранной рабочей силы, отметим что для него, также как и для России в целом характерна тенденция роста, однако темпы прироста существенно выше, чем в России. По данным Госкомстата, в 2002 году на Дальнем Востоке работало 44,3 тыс. человек

(Труд и занятость, 2003), это 12,3% от всей привлекаемой иностранной рабочей силы в Россию (для сравнения доля региона в численности населения страны только — 4,6%). Удельный вес иностранных граждан в общей численности занятого населения составил по Дальневосточному федеральному округу 1,3%, что в 2,6 раза выше, чем в России (0,5%).

Субъекты Дальнего Востока по этому показателю можно условно разделить на три группы. В первую группу вошли территории, в которых удельный вес иностранных граждан в общей численности занятых находится в пределах среднероссийской величины (Республика Саха (Якутия), Камчатская область), ко второй группе относятся территории, в которых доля иностранных граждан соответствует показателю по Дальневосточному федеральному округу (Сахалинская область, Еврейская автономная область). Третью группу представляют регионы, имеющие долю иностранных граждан в общей численности занятых выше, чем в целом по Дальнему Востоку и в три раза больше, чем в России. Это прежде всего приграничные с Китаем территории юга Дальнего Востока (Приморский край, Хабаровский край и Амурская область), а также Магаданская область.

Учитывая то, что на три приграничных субъекта (Приморский край, Хабаровский край и Амурскую область) приходилось в 2002 году 74% всей численности иностранных работников, привлекаемых на Дальний Восток России, рассмотрим их более подробно.

Как видно из таблицы 3, основными донорами иностранной рабочей силы на региональный рынок труда стали страны дальнего зарубежья, прежде всего те которые непосредственно граничат с регионом (КНР и КНДР). При этом удельный вес этих стран на протяжении последних лет увеличивался во всех трех регионах. На долю КНР и КНДР в 2002 году приходилось 81,3% легально работающих иностранных граждан в Приморском крае, 65,4% в Хабаровском крае и 90,8% в Амурской области. К числу стран ближнего зарубежья, экспортирующих в данные субъекты РФ рабочую силу, прежде всего относится Украина, однако, доля ее в последние годы снижается. Удельный вес других стран ближнего зарубежья незначителен и также имеет тенденцию к снижению.

Анализ привлечения иностранной рабочей силы с начала либерализации внешнеэкономической деятельности показал, что на начальном этапе максимальное количество иностранной рабочей силы привлекалось в Амурскую область и Приморский край. Однако по мере усиления регулирующей роли государства количество их начало сокращаться. Кроме того, наличие соглашения о безвизовом туризме с Китаем в первом варианте с достаточными для трудовой деятельности сроками позволяли работодателям нелегально использовать китайских граждан в различных видах работ. Минимальное количество иностранной рабочей силы привлекалось в приграничные районы в период с 1997 года по 1999: год во многом это связано с кризисной ситуацией в стране в целом. Начиная с 2000 года, ситуация резко меняется, рост в экономике

регионов, активизация малого бизнеса стали определять динамику привлечения иностранной рабочей силы, прежде всего, из Китая.

За период с 1999 г. по 2002 г. численность иностранных работников выросла в Приморском крае на 47,5 %, в Амурской области в 1,5 раза, а в Хабаровском крае в 2,5 раза и составила в 2002 году 14,9 тыс. человек, 6,4 тыс. человек, 8,3 тыс. человек соответственно [12, 13, 14]. При этом весь прирост привлекаемых на работу иностранных граждан был обеспечен за счет роста китайской рабочей силы.

Таблица 3. Структура иностранных граждан привлекаемых на работу в регионы Дальнего Востока по странам выбытия в 2000–2002 годах, в %

	Приморский край			Хабаровский край			Амурская область		
	2000	2001	2002	2000	2001	2002	2000	2001	2002
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе из стран: ближнего зарубежья	10,0	9,7	7,4	24,7	23,8	21,2	15,7	15,3	9,1
Азербайджан	2,1	2,1	1,6	-	-	-	-	-	-
Армения	1,2	1,6	1,3	-	-	-	0,6	0,2	-
Украина	2,1	2,2	1,5	22,2	21,1	18,6	13,4	13,4	7,9
Таджикистан	0,4	0,7	0,8	-	-	-	-	-	0,0
Узбекистан	3,2	1,9	1,3	-	-	-	0,5	0,6	0,7
другие	1,0	1,2	0,9	2,5	2,7	2,6	1,3	1,1	0,5
дальнего зарубежья, из них:	90,0	90,3	92,6	75,3	76,2	78,8	84,3	84,7	90,9
Китай	65,8	65,0	67,3	36,8	37,6	44,5	12,5	15,0	37,2
КНДР	12,5	13,6	14,0	24,6	24,2	20,9	71,8	69,6	53,6
Вьетнам	8,0	8,9	9,0	11,1	11,4	8,5	-	-	0,0
Респ. Корея	2,9	2,4	1,9	-	-	-	-	-	0,0
другие									

Рассчитано по: данным Хабаровского и Амурского облкомстатов и Госкомстата России.

Основными сферами приложения иностранного труда являются заготовка леса, торговля и общественное питание, строительство, с/х, промышленность. Следует отметить, что в лесозаготовительную промышленность привлекаются в основном корейцы. Это стало следствием принятого между правительствами РФ и КНДР Соглашения «О сотрудничестве в области лесного комплекса». В соответствии с ним ежегодно привлекаются иностранные граждане на заготовку леса в ОАО ЛПК «Тындалес». На транспорте и в золотодобывающей промышленности лидируют украинцы, отличающиеся достаточно высокой квалификацией для этого вида работ. В строительстве заняты в основном китайские рабочие (ООО «Хуафу») и корейцы (ООО «Рынрадо ЭТС»). На объекты строительства в г. Благовещенске компанией «Хуафу» за последние три года было привлечено больше китайских рабочих в связи со строительством двух торговых и ресторанно-гостиничного комплексов, а также с расширением строительства компанией «Хуафу» жилых домов. В торговле и общепите работают преимущественно китайцы, а сельскохозяйственные рабочие представлены гражданами как КНДР, так и Китая. В

целом же иностранные граждане, привлекаемые на работу в регионы юга Дальнего Востока, заняты в сферах и отраслях, где велика доля ручного труда, их отличает высокая работоспособность, неприхотливость к условиям труда и быта.

В целом численность официально привлекаемых иностранных граждан на работу в приграничные районы Дальнего Востока пока невелика и не оказывает существенного влияния на рынок труда. Возникающие в регионах проблемы в большей мере связаны с распространением нелегальной занятости китайских граждан, прибывших по коммерческим визам и безвизовому туризму. Как показали исследования, проведенные автором в 2000 и 2002 годах, большая часть (75% опрошенных в 2000 и 74 % в 2002 годах) китайских граждан занятых трудовой деятельностью прибыли в Амурскую область по безвизовому туризму или коммерческой визе. Соответственно 70% и 72% из них занимались торговлей, 16,6% и 13% работали в общественном питании. Наличие теневого сектора экономики, невысокие штрафные санкции способствуют широкому применению данной практики как китайскими, так и российскими работодателями. Так, ООО «Родник», оформившее приглашения в паспортно-визовом отделе УВД Амурской области 59 гражданам КНР для въезда в РФ с коммерческими целями, использовала китайских граждан для очистки ложа затопляемого водохранилища Бурейской ГЭС. Основные нарушения по исполнению законодательства в миграционных правоотношениях, как правило, следующие: несоблюдение правил привлечения иностранной рабочей силы работодателями (38 разрешений аннулировано); оформление приглашений организациями, которые по указанному адресу не находятся; проживание без регистрации по месту жительства; осуществление предпринимательской деятельности (прежде всего в сфере торговли, общественного питания) гражданами КНР без государственной регистрации или специального разрешения; уклонение от налогов иностранных граждан, состоящих на налоговом учете (отсутствие их по месту регистрации); скупка китайскими гражданами через подставных лиц леса, металлолома с последующим экспортом в Китай, производственных и жилых помещений с организацией там малых предприятий и привлечением на них сограждан через безвизовый туризм или коммерческие визы.

Для решения проблем с нелегальной занятостью в приграничных регионах были предприняты определенные шаги по легализации торговой деятельности. Так, в Амурской области Постановлением главы Администрации «Об упорядочении торговой деятельности иностранных граждан на рынках Амурской области» было принято решение о том, что с 1 марта 2002 года торговая деятельность может осуществляться иностранными гражданами только при наличии подтверждения на право трудовой деятельности, утверждены также типовой контракт на организацию торговой деятельности иностранных граждан и типовой трудовой договор. Найдена и приемлемая форма взаимоотношений: работодатель

на китайской стороне, на российской стороне — заказчик, обязующийся предоставить соответствующие условия для торговой деятельности.

Основным результатом принятых решений стал вывод из тени части торговцев, что сразу отразилось на официальной статистике. Так, по данным Управления по делам миграции УВД Амурской области, в 2002 году ведущими сферами занятости китайцев стала торговля и общественное питание (возросла доля до 43%, против 4% в 2000 году), строительство (24%), промышленность (18%), общая коммерческая деятельность по обеспечению рынка (9%), и сельское хозяйство (6%).

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что в последние годы в регулировании международных миграций как на государственном (в том числе на межрегиональном и региональном), а также на межгосударственном уровне идет координация действий и поиск решений, отвечающих, с одной стороны, нормам международного права, а с другой интересам государства.

В заключение хотелось бы остановиться на тех тенденциях, которые будут, на наш взгляд, определять международные миграционные процессы в регионе в ближайшем будущем. К ним следует отнести:

- иммиграция в регион будет сокращаться как из стран ближнего зарубежья, так и из стран дальнего зарубежья (за исключением китайцев, у которых имеется тенденция к росту);
- международные временные миграции (поездки) стабилизировались на данном этапе, но по мере расширения сотрудничества со странами Северо-Восточной Азии также будут возрастать;
- прослеживается устойчивый рост международной трудовой миграции, особенно импорта рабочей силы. При этом темпы прироста импорта из КНР опережают другие страны;
- преобладание во всех видах миграций экономических мотивов, которых будут определяющими и в перспективе;
- в связи с сокращением численности трудоспособного населения за пределами 2006 года возникнет проблема трудоустройства роста экономики региона (по нашим оценкам, по методике Госкомстата и методу экспоненциального роста только в Амурской области к 2015 году его выбытие составит от 68 до 78 тыс. человек);

В этой связи стоит согласиться с мнением Ж. Зайончковской о том, что китайская иммиграция будет определяющей и вряд ли ей найдется альтернатива в ближайшем будущем.

Это подтверждается прежде всего:

- а) значительным демографическим и миграционным потенциалом Китая и его приграничных к России провинций. По данным Государственного статистического бюро КНР, численность только провинции Хэйлуцзян на 1.01.2003 составила 38,13 млн. чел (29,2 млн. чел. — трудоспособное население) (Хэйлуцзян тунцзицзюй, 2004);
- б) продолжающимся ростом трудоспособного населения (к 2015 в трудоспособный возраст войдет 160 млн. человек) (Народонаселение Ки-

тайской Народной Республики, 2003), а его сокращение в связи с постарением населения начнется только за пределами 2020 года (Бергер, 2001; Жэньмин Жибао, 2002). Доля трудоспособного населения в провинции Хэйлунцзян составила в 2002 году 76,6%;

- в) существенным опережением прироста трудоспособного населения над созданием новых рабочих мест. Несмотря на проводимую политику государства по решению этой проблемы, безработица в стране будет расти;
- г) проведение внешнеэкономической политики Китая, направленной на поощрение экспорта рабочей силы, что проявилось в требованиях к России во время переговоров по вступлению ее в ВТО.

Современные реалии таковы, что России придется делать выбор. Стратегическая задача России заключается в соблюдении баланса интересов государства и его регионов в области международного обмена, в обеспечении контроля за иммиграционными процессами с учетом опыта развитых стран.

Литература

1. Бергер Я. (2001) Планирование семьи в Китае: итоги и перспективы // Проблемы Дальнего Востока, № 2. С. 76–91.
2. Жэньмин Жибао (2002) Вступил в силу первый в КНР Закон о демографии и плановом деторождении (www.russian.people.com.cn).
3. Гельбрас В. (2002) Китайская миграция и китайские землячества в России // В сб.: Мир в зеркале международной миграции / Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: МАКС Пресс
4. Ионцев В.А. (1999) Международная миграция населения. М.
5. Исследовательский отчет администрации г. Дуннина КПК Китая о китайско-российском торговом районе «Дуннин – Полтавка» от 05.2000.
6. Ларин В. (2002) Китай и Дальний Восток России в 1990-е годы: проблемы взаимодействия на региональном уровне // Проблемы Дальнего Востока, № 4. С. 74.
7. Ли Чуаньсюн (2001) О торгово-экономическом сотрудничестве провинции Хэйлунцзян КНР с Россией // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск. С. 416–419.
8. Синьхуа (2003) Народонаселение Китайской Народной Республики и его развитие до 2025 г. (<http://russian.xinhuanet.com>).
9. Перспективы Дальневосточного региона (1999): межстрановые взаимодействия / Под ред. Г. Витковской и Д. Тренина. М.: Гендальф.
10. Понкратова Л.А. (2000) Китайская рабочая сила на региональном рынке труда // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Выпуск второй. Благовещенск. С. 362–371.
11. Госкомстат (2003) Регионы России. Социально-экономические показатели 2003. М.: Госкомстат.

12. Труд и занятость в Амурской области (2003). Амурский облкомстат. Благовещенск.
13. Труд и занятость в Хабаровском крае 1992–2002 годы (2003). Хабаровский крайкомстат. Хабаровск.
14. Госкомстат (2003) Труд и занятость в России 2003. Статистический сборник. М.: Госкомстат.
15. Труд и занятость населения в Приморском крае (2003). Приморский крайкомстат. Владивосток.
16. Хэйлунцзян тунцзицзюй (Хэйлунцзянское Статистическое бюро) 黑龙江统计局 2004 (<http://www.hlj.stats.gov.cn>).
17. Госкомстат (1996) Численность и миграция населения РФ в 1995 году. М.: Госкомстат РФ.
18. Госкомстат (2002) Численность и миграция населения РФ в 2001 году. М.: Госкомстат РФ.
19. Госкомстат (2003) Численность и миграция населения РФ в 2002 году. М.: Госкомстат РФ.
20. The Far East trade herald. Harbin, 2000.

МИГРАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА ИНТЕГРАЦИИ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ С ЭКОНОМИКОЙ КНР

Интеграция как процесс взаимодействия носит сложный характер. Формами экономического взаимодействия между странами являются внешняя торговля, инвестиционное сотрудничество, использование иностранной рабочей силы. Но если в отношении торгово-экономических связей, инвестиционного сотрудничества мы чаще ратуем за укрепление, расширение, развитие, то относительно миграции рабочей силы такого единства мнений не наблюдается. Нет единства мнений у предпринимателей, использующих иностранную рабочую силу и у местного населения, у государств-реципиентов и государств-доноров. Если в отношении торгово-экономических и инвестиционных процессов применяем понятие *встраивания*, включения России и ее восточных регионов в экономику соседних стран, то говоря о международной миграции рабочей силы, вернее использовать понятие *освоения* этими странами (более всего КНР) российского экономического пространства. В этом случае не Россия интегрируется в экономику Китая, а Срединное государство «вписывает» свои трудовые ресурсы в экономику ее восточных территорий.

Для восточных регионов китайская иммиграция имеет особое значение. Вдоль восточной границы с Российской Федерацией проживает порядка 300 млн. граждан КНР. Частная внешнеэкономическая деятельность китайцев активно поддерживается китайским государством. В то же время население Дальнего Востока и Забайкалья составляет менее 10 млн. человек. Это демографическое неравновесие вызывает опасение у политиков и ученых, у демографов и социологов. Так, в концепции развития Сибири, подготовленной СО РАН (Государственная концепция развития Сибири..., 2000), со ссылкой на выступление П.А. Столыпина в Государственной Думе¹ высказывается опасение о «мирной, территориальной экономической экспансии, основанной на оседании мигрантов. В итоге на территории восточных районов России может быть постепенно создана мощная товаропроводящая сеть, не принадлежащая Российской Федерации,... это может поставить под угрозу экономическую безопасность России на востоке».

¹ Выступая на заседании Государственной думы (1908 г.) по вопросу строительства Амурской железной дороги П. А. Столыпин заметил, что: «При наличии государства густонаселенного, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной. В нее просочится иностранец, если раньше туда не придет русский, и это просачивание, господа, уже началось. Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками, и когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию».

Распространенное мнение о «ползучей китайской экспансии», об открытом самозахвате земли гражданами КНР, создании китайских деревень и колоний на окраинах промышленных центров (Баринава, 1997; Дятлов, 1999) имеет основанием политические шаги Срединного государства. Действительно, начиная с 2000 г., КНР следует провозглашенной стратегии «идти вовне», проникая во все новые экономические пространства, сопровождая внешнеэкономическое наступление лозунгами торжества китайской нации. Важным направлением политики Пекина является возвращение под суверенитет КНР всех «исконно китайских земель» (МЭиМО, 2003). Это стремление «идти вовне», очевидно, авторы распространяют и на российские территории. Хотя высказывается мнение о том, что эти устремления в большей мере относятся к Монголии.

До 20-х годов XX в. Монголия была частью территории Китая. Сегодня в Автономном районе Внутренней Монголии (КНР) проживает значительная часть монголов и их уровень жизни выше, чем на родине. Монголия мало заселена (1,5 чел/м²) (Страны мира, 2000), располагает богатыми запасами меди, молибдена, плавикового шпата, золота, а также огромными запасами сельскохозяйственных земель, находящимися много южнее сибирских территорий России. Сегодня Китай уже стал основным партнером Монголии (40% всего монгольского внешнеторгового оборота). Имеет место проникновение китайского бизнеса практически во все сферы экономики Монголии, при этом осуществляется значительная поддержка китайского бизнеса со стороны его официальных кругов. Эти аргументы свидетельствуют скорее в пользу китайских интересов в отношении Монголии, нежели российского Дальнего Востока и Забайкалья.

Имеет место и другой, прямо противоположный взгляд на китайскую иммиграцию. «Скоро труд будет самым дефицитным ресурсом в развитии страны. С этим напрямую связано значение китайского фактора. Возможно, это огромная наша удача, что у нас есть сосед, обладающий гигантским трудовым запасом, потому что мы находимся в иной демографической фазе развития. Современная миграционная политика должна исходить из того, что иммиграция вообще и китайская в частности необходимое условие развития России. Она нужна потому, что потенциальные иммигранты из бывшего СССР смогут покрыть трудовой дефицит не более чем на 40 процентов от потребности» (Емельяненко, 2001).

Созвучно этой позиции мнение специалиста по вопросам миграции Ж. Зайончковской. Относительно китайской миграции ее мнение сводится к тому, что «не надо их ограничивать, их надо расселять равномерно, перемежая места их компактного проживания общинами корейцев, вьетнамцев и так далее... это снимет угрозу отторжения частей нашей территории в дальнейшем. Вьетнамцы и корейцы не смогут создать общину на приграничной территории, чтобы потом присоединить ее к своей стране. Это для них бессмысленно — нет общей границы» (Эксперт, 2003).

Думается, что проблема китайской миграции явно политизирована и искусственно заострена (Алексеев, 2000). И возможное демографиче-

ское проникновение китайцев на территорию России — дело далекого будущего. Несомненно и другое: нельзя отрицать фактов оседания китайцев в России. Процессы закрепления китайцев на территории России мало чем отличаются от путей оседания иностранцев других национальностей из азиатского региона и, наверное, от аналогичных явлений в других странах только с учетом законодательной специфики. Сегодня нет реальных данных о количестве китайских мигрантов, осевших в России. Называются цифры от нескольких сот тысяч (Эксперт, 2003, С. 72) до нескольких миллионов. По официальным данным, в 2001 г. в России легально работали около 40 тыс. китайских работников.

Сегодня более остро стоит вопрос экономического подъема восточных территорий страны, включение в экономический оборот ресурсов региона. Мудрость сегодняшней политики - поставить на службу России природно-ресурсный потенциал, сделать эти районы притягательными для россиян, используя возможности международного сотрудничества. Одной из трудностей на этом пути является демографическое неблагополучие восточных российских земель и этот недостаток может восполнить привлечение иностранной рабочей силы.

Обозначив основной вопрос международной миграции в восточных районах нашей страны как элемент интеграционного механизма, конкретизируем его рассмотрение на анализе ситуации в Читинской области.

После подписания в 1992 году межгосударственного соглашения Китайская Народная Республика заняла лидирующие позиции среди стран дальнего зарубежья по численности своих граждан, приезжающих в Забайкалье. На территорию области ежегодно прибывает несколько тысяч граждан стран СНГ. Доля граждан КНР среди мигрантов из дальнего зарубежья составляет 98,7%². О количестве граждан КНР, находящихся на территории Забайкалья можно условно судить по их прохождению через пограничные пункты пропуска (см. табл. 1).

Таблица 1. Структура граждан КНР, въехавших на территорию Читинской области по целям поездок за 1998–2002 гг.

год	По целям поездок						Итого
	служебная	туризм	на ПМЖ	частная	обслуживающий персонал транспортных средств	транзит	
1998	66952	43716	-	3375	6689	33	120765
1999	73632	22964	0	3084	8140	14	107837
2000	122449	35073	-	6192	2340	15	166069
2001	96111	21110	-	66923	4672	14	188830
2002	11456	25327	8	177881	3110	25	217807
2003	10603	25450	-	186466	965	-	223484

² Здесь и далее мы использовали обзорный материал, подготовленный специалистами читинских территориальных органов миграционной службы.

Говоря о международной миграции, следует помнить о различии ее видов. Это миграция населения, которую связывают с переселенческими процессами и которая ведет к освоению территорий, вызывая опасения россиян. Это и миграция рабочей силы как возможность решения вопросов на рынке труда. Миграция рабочей силы может преследовать предпринимательские цели или восполнять рынок труда работниками тех специальностей, которые являются дефицитными. С этих позиций рассмотрим миграционные перемещения между Забайкальем и сопредельными территориями КНР.

Из числа иностранных граждан, прошедших в 2002 г. иммиграционный контроль на участке госграницы, расположенном на территории области, въехало на территорию России по коммерческим и деловым визам 70,9%. Рост по отношению к прошлому году составил 6,5%. Значительная (62%) часть миграционного потока из КНР носит «маятниковый» характер, т.к. большинство китайских граждан не следуют к месту, указанному в визе, а совершают ежедневные поездки из КНР в Россию (п. Забайкальск и обратно) с целью организации доставки товаров. Анализ данных компьютерной системы поста иммиграционного контроля «Забайкальск» показывает, что приглашения для них в основном оформлялись организациями и лицами в других регионах России.

Рассмотрим *структуру китайских мигрантов по целям поездок*. Основную долю составляет туризм, который предполагает торговлю или как сегодня называют этот вид перемещений — шоп-туризм. Как правило, это маятниковая миграция, предполагающая постоянство перемещений с целью осуществления определенного вида деятельности. Такой деятельностью служит «челночная» торговля. Анализ данных компьютерной системы по учету граждан поста иммиграционного контроля Забайкальск показывает, что в среднем каждый китайский гражданин пересекает границу до 15 раз. Отдельные граждане — до 6 раз в неделю. Таким образом, это тот «муравьиный» бизнес, который позволяет наводнять российский рынок китайскими товарами. Подобный канал перемещения товаров идет в рамках преференциального ввоза: как товары физических лиц, не предназначенные для производственных и коммерческих целей, в объеме, не превышающем 50 кг. Товар в этом случае не облагается налогами, таможенной пошлиной и сборами, что и составляет основу этой своеобразной ренты. Доходы, получаемые от реализации этих товаров, суть мотивации маятниковой миграции китайцев по линии АРВМ (Маньчжурия) — Читинская область (Забайкальск).

Динамика посещений китайских граждан по туристическим целям в период 1998–2002 гг. свидетельствует о снижении темпов роста поездок (см. табл. 1). Это, очевидно, результат ужесточения таможенных органов РФ в отношении «муравьиной» технологии поставок товаров.

При этом нельзя не обратить внимание на то, что из года в год российских граждан ездит в Китай значительно больше, нежели китайских в Россию (см. табл. 1, 2). Практически все российские граждане следуют

в пограничный китайский город Маньчжурию. Можно сделать вывод, что для российских граждан «челночный» бизнес представляет не меньший интерес (см. табл. 2).

Таблица 2. Структура граждан РФ, выехавших в КНР, по целям поездок за 1998–2002 гг.

Год	По целям поездок						Итого
	служебная	туризм	на ПМЖ	частная	обслуживающий персонал транспортных средств	транзит	
1998	29217	143394	-	147	11850	-	184608
1999	25789	212729	3	-	13275	-	251796
2000	40331	284246	-	111	5581	-	330269
2001	115464	203528	-	98908	7750	-	425650
2002	60757	88537	2	275035	7514	-	432445
2003	32389	135711	-	307593	8864	-	484557

Думается, что эти «челночные» посещения китайских граждан сродни выездам россиян. Они преследуют предпринимательские цели и не могут вызывать опасения о «китайской экспансии».

Сегодня интересы Забайкалья, как и в целом интересы восточных регионов РФ, совпадают с интересами КНР в вопросах привлечения китайских трудящихся. Причинами более широкого использования иностранной рабочей силы в Читинской области являются:

- неблагоприятная демографическая ситуация в области. В течение последнего десятилетия имеет место миграционный отток населения, на фоне естественной убыли населения. В 2003 г. миграционный отток составил 6533 чел. (5,3‰), а естественная убыль -3653 (2,9‰) (Читинская область в цифрах, 2003);
- дефицит некоторых рабочих профессий. Экономический кризис, связанный с трансформационными изменениями в стране, затронул сферу подготовки рабочих специальностей. В связи со спадом производства многие профессии оказались невостребованными, подготовка кадров по ним не велась, был потерян институт наставничества на предприятиях. Оживление экономики обнаружило недостаток рабочих некоторых профессий, таких к примеру, как овощеводов, строителей, лесозаготовителей, технологов и др;
- возможность привлечения дешевой и квалифицированной рабочей силы из соседнего Китая. 19 августа 1992 г. было принято межправительственное соглашение между Российской Федерацией и КНР «О принципах направления и приема граждан на предприятиях и в организациях России», в котором определен порядок использования китайской рабочей силы в России. Соглашение заполнило организационно-правовой «вакуум» в вопросе использования иностранной (в частности, китайской) рабочей силы в России. 5 мая 2001 года всту-

пило в силу новое соглашение между Правительством РФ и КНР о временной трудовой деятельности граждан РФ в КНР и граждан КНР в РФ, к котором эта деятельность рассматривается как перспективная область российско-китайского сотрудничества. В документе регламентируются вопросы заключения трудовых контрактов между работодателями и иностранными гражданами, порядок въезда работников в принимающее государство, аспекты социального и пенсионного обеспечения иностранных работников и т.д.;

- традиционное привлечение работников на сезонные работы из республик СССР превратило последних к настоящему времени в иностранных рабочих, затруднило их приезд на работу в российские восточные районы. Тем самым в своей значительной части произошла замена рабочих из стран СНГ на географически близкий источник рабочей силы — Китай.

Указанные причины характеризуют динамику привлечения иностранных рабочих в экономику Читинской области. За период с 1999-2003 гг. численность привлекаемых иностранных рабочих увеличилась в 3,5 раза. В 2003 г. официальная численность иностранного контингента рабочих составила 4989 чел. По мнению работников Управления по делам миграции УВД Читинской области³, за сезон реальное число иностранных рабочих составляет от 15 до 20 тыс. чел.

В структуре иностранной рабочей силы, занятой в народном хозяйстве области подавляющую часть составляют граждане КНР, и эта тенденция усиливается. Так, в 2003 г. это число составило более 73,2% (3654 чел.).

Привлекаемая иностранная рабочая сила в 2003 году *по отраслям* распределялась следующим образом: строительство — 35,2%, лесное хозяйство — 28,2%, промышленность — 17,7%, сельское хозяйство — 1,9%, прочие отрасли — 17%. Наибольшее число иностранных рабочих были заняты в сферах строительства и лесного хозяйства. Имеет место тенденция ежегодного уменьшения миграционных трудовых потоков русскоязычного населения из стран ближнего зарубежья и их замещения китайской рабочей силой.

Результаты наблюдений показывают, что граждане КНР начали осваивать территории, ранее не привлекавшие их, а именно: северные и северо-восточные районы Сибири, где даже в условиях экономического спада имеется спрос на дешевую рабочую силу (особенно в строительстве и сельском хозяйстве), на потребительские товары и услуги.

Это тенденция отчетливо проявляется и в районах Читинской области. В 2003 г. иностранная рабочая сила привлекалась и использовалась в 26 районах. Преобладание китайских рабочих в общей численности иностранцев, привлекаемых на работы, объясняется рядом причин. В бригадах, укомплектованных китайцами, практически нет случаев про-

³ Сотрудники Управления совместно с МОМОБ г. Читы и ОПВС УВД Читинской области систематически проводят проверки с целью выявления нарушений иностранными гражданами правил пребывания на территории области.

стоек, прогулов. Наоборот, китайскими рабочими, как правило, превышает нормативный фонд рабочего времени: рабочая неделя составляет 7 дней, продолжительность рабочего дня часто 10–12 часов. В целом отмечается хорошая организация труда, высокая культура производства, трудовая и технологическая дисциплина.

Частные предприниматели привлекают иностранную рабочую силу на основе индивидуальных контрактов, где оговаривается заработная плата в рублях. Как правило, составление контрактов на привлечение китайских рабочих исходит из нормативов работ и расценок, принятых в КНР. Обычно нормы выработки выше, а расценки ниже. Например, норма перегруза штучно-тарного груза на железной дороге для китайских грузчиков составляет 9,45 т. за сутки, а по российским нормативам 4,52. Но для российских предпринимателей, даже если сумма выплат аналогична той, что пришлось бы заплатить российскому рабочему, привлекательность использования китайских рабочих остается в силу высокого качества работ и дисциплинированности китайских специалистов. Имеет место и получение доходов в региональный бюджет. Так, в 2002 г. область получила в бюджет 413 тыс. руб. за привлечение иностранной рабочей силы.

Основная проблема, возникающая в процессе китайской иммиграции в регионы востока России — ее нелегальная составляющая. Многие китайские граждане при въезде в Российскую Федерацию и в период пребывания на ее территории нарушают положения действующих российских законодательных актов и, самостоятельно меняя статус своего пребывания, занимаются незаконной трудовой деятельностью и вследствие этого становятся незаконными мигрантами в России. Учащаются случаи незаконной переправки китайских граждан в Западную Европу через территорию России.

Среди приемов, используемых китайцами для незаконного продления срока своего пребывания на территории Читинской области, можно назвать следующие:

1. уклонение от выезда и регистрации в органах внутренних дел;
2. умышленная утеря документов, получение соответствующей справки в органах внутренних дел о направлении данного гражданина в генеральное консульство КНР в г. Хабаровске для оформления выездных документов и, затем, многократное продление срока действия этой справки по причине «отсутствия средств для выезда в г. Хабаровск»;
3. участие в качестве свидетелей по «бесперспективным» уголовным делам (как правило, кража имущества)
4. подделка документов, заменяющих паспорта (гостиничных карточек, справок об изъятии, утере документов и пр.) которые не имеют никаких степеней защиты;
5. подделка штампов о временной регистрации и выезд в близлежащий регион, где установление подлинности штампа практически невозможно.

Интересно, что в мае–июне 1999 года постом иммиграционного контроля «Забайкальск» в качестве эксперимента осуществлялась про-

цедура отказа в пропуске на территорию РФ иностранным гражданам, нарушившим положения Закона «О въезде в Российскую Федерацию и выезде из Российской Федерации». Всего было не пропущено 24 человека — все граждане КНР. Из них 4 «переводчика», не знающие русского языка, 9 «экспедиторов» без груза и 11 «водителей» без водительских прав, — до недавнего времени данные категории граждан имели льготы при получении виз. Хотя эксперимент был прекращен по инициативе органов пограничного контроля, данная процедура могла быть применена еще к 441 человеку, что составляет 0,5% от общего числа въехавших за время проведения эксперимента через Забайкальск граждан КНР. Как отмечают сотрудники органов иммиграционного контроля, экстраполяция данной цифры на количество всех китайских граждан, въезжавших на территорию РФ, давала значительное число нарушителей упомянутого Закона (Справка о количестве иностранных граждан..., 2002).

Данные за 2002–2003 гг. свидетельствуют, что практика административных нарушений не изжита. Имеет место приращение нарушений иностранными гражданами режима пребывания в РФ (69,7%), а также нарушений правил привлечения и использования в России иностранной рабочей силы (в 3,2 раза).

Среди мотивов использования работодателями труда незаконных мигрантов и, прежде всего, из Китая — стремление работодателей снизить издержки производства за счет более низкой заработной платы, уйти от налогов и избежать выплат по социальному и медицинскому страхованию. Так, привлечение каждого иностранного работника обходится читинскому работодателю в 4000 рублей. А штраф за нарушение по привлечению не более 1000 руб.

Нелегальные мигранты и сами часто не заинтересованы в регистрации, поскольку она связана с регистрационными проблемами и материальными издержками. Нельзя не отметить и негибкую систему разрешительной регистрации и лицензирования, являющихся препятствием на пути легализации многих мигрантов.

Одно из негативных следствий нелегальной иммиграции из Китая — создание среды для функционирования теневого сектора экономики и теневой сфере занятости. Растут потери для бюджета из-за недополучения платы за использование китайской рабочей силы, уклонения от уплаты налогов и отчислений в социальные фонды, возникает благоприятная среда для создания криминальных групп и доходов.

С целью усиления контроля за пребыванием иностранных граждан на территории РФ на основании ФЗ № 115 от 25 июля 2002 г. и в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 ноября 2002 г. № 1549-Р, введены миграционные карты, которые иностранные граждане заполняют и предъявляют должностному лицу в пункте пропуска через государственную границу РФ. Выдача бланка миграционной карты иностранному гражданину, находящемуся на территории РФ и зарегистрированному по месту пребывания, производится

паспортно-визовыми подразделениями на основании личного заявления иностранного гражданина.

Из приведенных выше данных хорошо видно, что угроза китайской миграции на территорию Читинской области носит воображаемый характер, в то время как совершенно реальный характер имеет проблема сокращения численности российского населения вследствие экономического кризиса. В самом Китае есть огромные незанятые территории, с тяжелыми природными и климатическими условиями, осваиваемые по советскому примеру, по путевкам КПК. Это значит, что территория российского Забайкалья в принципе не может привлекать китайских экономических мигрантов. Читинская область не предлагает переселенцам условий для жизни и хозяйствования, вполне сравнимые с маньчжурскими. Наверное, поэтому сегодня трудно обнаружить признаки замещения сокращающегося российского населения прибывающими китайцами. Более того, привлечение иностранной рабочей силы решает проблемы дефицита рабочих в Забайкалье сегодня и в ближайшем будущем. В связи с планируемым строительством в области ряда крупных предприятий, к примеру, целлюлозного комбината в Могочинском район, потребуется дополнительная рабочая сила. И можно ожидать роста иммиграционных потоков Китая на 20–30% (О состоянии внешней трудовой миграции, 2004).

Использование труда китайских рабочих позволяет снизить издержки производства в отраслях, способствует пополнению местных бюджетов. Достаточно сказать, что из 4000 рублей, взимаемых с предпринимателей за использование иностранных работников, 3000 направляются в местные бюджеты. Эта сумма за 2003 г. составила 18 млн. руб. Использование китайских рабочих является сегодня одним из перспективных направлений в двусторонних отношениях северо-восточных провинций КНР и Читинской области. Определяя перспективы развития этого направления сотрудничества, в марте 2003 года состоялись переговоры между руководством Читинской области в лице Губернатора и Правительством китайской провинции Хэйлунцзян о создании «биржи труда». По мнению губернатора, «биржа труда» под патронатом государств могла бы взять на себя быстрое оформление документов для иностранных рабочих и осуществлять контроль над сторонами по исполнению своих обязательств, снизить нелегальное пребывание китайских трудящихся. Следовательно, речь идет о наращивании возможностей использования труда китайских рабочих, о развитии сотрудничества между Забайкальем и Автономным районом Внутренняя Монголия, о совершенствовании механизма взаимосвязей на базе межстранового перемещения труда.

Таким образом, на создание организованных форм миграционного сотрудничества направлены усилия региональных властей обеих стран. Это соответствует тому вектору, который заложен в программе народонаселения и развития, принятой конференцией ООН в сентябре 1994 года в Каире. Россия также десять лет назад подписала эту программу действий.

Литература

1. Алексеев М. (2000) Угрожает ли России китайская миграция? // МЭиМО, №12.
2. Баринаева Н. (1997) Трудовая миграция на Дальнем Востоке // Экономист, №3.
3. Государственная концепция развития Сибири на долгосрочную перспективу (2000). Исходные материалы к проекту. Новосибирск. СО РАН.
4. Дятлов В.И. (1999) Новая китайская диаспора в Сибири // Восток, №1.
5. Емельяненко В. (2001) Китайское счастье // Известия, 23 июня.
6. О состоянии внешней трудовой миграции на территории Читинской области в 2003 г. (2004) // Управление по делам миграции Читинской области.
7. Справка о количестве иностранных граждан, привлеченных к административной ответственности за нарушение законодательства РФ на территории Читинской области в 1996–2000 гг. Паспортно-визовая служба УВД Читинской области. № 6/91 от 10.01. 2002.
8. Страны мира (2000) / Под общей ред. И.С. Иванова. М.: Республика.
9. Тайвань: модернизация экономики и перспективы отношений с КНР (2003). По материалам конференции в ИМЭМО РАН. // МЭиМО.
10. Читинская область в цифрах (2003). Статистический ежегодник. Чита.: Статуправление.
11. Эксперт, №39, 20–26 октября 2003.

ВЫНУЖДЕННАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ: 10 ЛЕТ ПОСЛЕ КАИРА

Одной из глобальных демографических проблем, рассматривавшихся на Международной конференции по народонаселению в Каире в 1994 г. была вынужденная миграция. Пристальное внимание к этому явлению было обусловлено разжиганием военных действий и ущемлением прав человека во многих регионах мира. Не осталась в стороне и Россия — здесь проблема вынужденной миграции появилась еще до распада Советского Союза, а на протяжении 1990-х гг. только усилилась.

В начале XXI века проблема вынужденной миграции ушла на второй план по сравнению с трудовой и нелегальной миграцией — о ней практически прекратила писать пресса и сообщать телевидение, перестали говорить политики. Действительно, поверхностный взгляд на статистические показатели Федеральной службы государственной статистики свидетельствует вроде бы о снижении остроты проблемы вынужденной миграции. В 2003 г. в России насчитывалось всего 20,5 тыс. вынужденных мигрантов — буквально мизерное количество по сравнению с 1996 г., когда в стране было зарегистрировано 975,4 тыс. вынужденных мигрантов. На первый взгляд получается достаточно оптимистическая картина.

Однако, так ли это на самом деле? Чтобы разобраться детально в данном вопросе, требуется некоторый экскурс в российское законодательство и практику регулирования вынужденной миграции. В России существует несколько статусов вынужденных мигрантов. Основные из них — «лица, ходатайствующим о признании беженцем», «беженцы» и «вынужденные переселенцы». Статусы мигрантов определяются соответствующими законами «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах», которые были приняты в России в 1993 г. (позднее в них были внесены отдельные поправки).

Согласно законодательству лицом, ходатайствующим о признании беженцем, является не гражданин России, который заявляет о желании быть признанным беженцем по обстоятельствам, прописанным в законе. **Беженец** — это лицо, которое не является гражданином России и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений (ФЗ «О беженцах», 1993, Ст. 1).

Вынужденный переселенец — это гражданин России, который покинул место жительства вследствие совершенного в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также по признаку принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений (Закон «О вынужденных переселенцах», 1993, Ст. 1).

Регистрация вынужденных переселенцев в России началась с 1 июля 1992 г., а беженцев с 20 марта 1993 г. Максимальное количество вынужденных мигрантов миграционная служба России регистрировала в первой половине 1990-х гг., когда в России и странах СНГ происходили крупные конфликты и военные действия. Всего за 1992–2003 гг. государство признало в качестве беженцев и вынужденных переселенцев более 1,6 млн. человек из 2,0 млн. подавших ходатайства. Преимущественно это выходцы из стран СНГ и Балтии — 1,4 млн. человек, а остальные — мигранты из российских регионов, главным образом из Чечни. Помимо этого, на учете в УВКБ ООН в 2000 г. состояло на учете 9 тыс. лиц, ищущих убежище в России, из которых 90% — афганцы.

Особенность законодательства России такова, что статус вынужденного переселенца и беженца действует ограниченное время. Статус беженца предоставляется на срок до трех лет (ФЗ «О беженцах», 1993, Ст. 7), статус вынужденного переселенца сроком на пять лет (Закон «О вынужденных переселенцах», 1993, Ст. 5). После истечения срока действия люди снимаются с регистрационного учета. За истекшее время статус утратили около 1,0 млн. человек, или 60% всех зарегистрированных вынужденных мигрантов.

Однако, следует иметь в виду, что проблемы вынужденных мигрантов не исчезли со снятием их с регистрационного учета. По-прежнему, многие люди не имеют жилья, работы и не могут получить постоянную регистрацию по месту жительства. Многие живут в общежитиях, снимают квартиры, стоят в огромной очереди на получение жилья, а многие вообще не имеют никаких перспектив получить квартиру.

Не следует сбрасывать со счетов довольно значительное количество фактически вынужденных мигрантов, которые по разным причинам не обратились в миграционную службу за статусом. Наши исследования по Ставропольскому краю показывают, что только в этом регионе реальное число вынужденных мигрантов было на 60% больше официально зарегистрированной миграционной службой численности. Исследование по Северному Кавказу показало, что численность вынужденных мигрантов на 50% выше официальной численности (Рязанцев, 2003).

С момента распада СССР в России также живут вынужденные мигранты, которые фактически являются таковыми, но юридически не имеют никакого статуса. Например, на территории Краснодарского края расселена община месхетинских турок. Многие из них не имеют регистрации по месту жительства или пребывания, российского гражданства,

никакого правового статуса. Они не могут реализовать свои избирательные права, зарегистрировать в собственность недвижимость, дети не могут получить паспорта.

Фактически все это свидетельствует, что проблема вынужденной миграции в России фактически не решена, она всего лишь выведена за пределы официальной статистики и сферы интересов государства.

Представляется также необходимым проанализировать, что сделано в России в направлении реализации рекомендаций доклада Каирской конференции 1994 г. в сфере вынужденной миграции. Напомним, в итоговом документе демографического саммита относительно вынужденной миграции было принято семь основных направлений деятельности (рекомендаций). Остановимся на них подробнее.

1. Участники конференции обращались с настоятельной просьбой к правительствам вести борьбу с коренными причинами потоков беженцев и перемещенных лиц.

Основные причины вынужденной миграции — это межнациональные конфликты, гражданские войны, ущемление прав этнических и социальных групп населения, проявление национализма и т.п. На протяжении 1990-х гг. практически все перечисленные выше факторы проявились на территории бывшего СССР, спровоцировав колоссальные по масштабам потоки вынужденной миграции, которых страна не знала со времен Великой Отечественной войны.

Первоначально вынужденные переселения были обусловлены межнациональным конфликтом в Нагорном Карабахе (Азербайджан) и землетрясением в Спитаке (Армения). Затем число чрезвычайных и стрессовых факторов, вызывающих вынужденные миграции, увеличивалось и расширялся ареал территорий их исхода.

Регионами исхода вынужденных мигрантов стали государства Закавказья, прежде всего Грузия (Южная Осетия и Абхазия) и Азербайджан, страны Средней Азии — Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, а также территории Северного Кавказа (Северная Осетия, Ингушетия и Чеченская республика).

Хотя большинство открытых вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР в настоящее время прекращены или приостановлены, факторы, вызывающие вынужденную миграцию окончательно не ликвидированы и могут обостриться в любое время. По-прежнему сохраняется высокая вероятность возникновения вынужденной миграции из Грузии, стран Средней Азии и Прибалтики. В некоторых из них фактически проводится политика выдавливания русскоязычного населения. В этой ситуации правительство России могло бы занимать более активную позицию в отношении отстаивания прав соотечественников в странах СНГ и Балтии, таким образом предотвращая потоки вынужденной миграции.

Кроме того, на территории России окончательно не решены проблемы внутри Чечни, где до сих пор не уничтожены лагеря боевиков и продол-

жаются акты насилия в отношении мирного населения, что продолжает периодически вызывать вынужденную миграцию в регионы страны.

2. Участники Каирской конференции обращались к правительствам с призывом о необходимости принимать меры к укреплению региональных и международных механизмов, содействующих справедливому распределению ответственности в отношении защиты беженцев и удовлетворения их потребностей в отношении помощи.

К сожалению, на территории бывшего СССР не предпринималось попыток межгосударственного взаимодействия относительно справедливого распределения ответственности за потоки вынужденных мигрантов. По сути, странами СНГ именно на Россию был возложен весь «груз» проблем вынужденной миграции.

В стране постепенно сложилась инфраструктура и сформировался механизм регулирования вынужденной миграции. Была создана государственная миграционная служба, возникла сеть неправительственных переселенческих организаций, в стране были открыты представительства международных организаций (Управления Верховного Комиссара по делам беженцев ООН, Международной организации по миграции, Датского Совета по беженцам). Сформировался механизм взаимодействия между государственными, неправительственными и международными организациями в отношении регулирования вынужденной миграции.

Были развернуты необходимые вынужденным мигрантам проекты по их трудоустройству, стимулированию самозанятости и предпринимательства, оказанию психологической помощи и прочим направлениям работы. Однако, затем непонятно почему и неожиданно для всех государство решило передать миграционную службу в ведение силовой структуры МВД, началось реформирование только начавшей действовать структуры, что стало шагом назад в направлении реализации данной части миграционной политики страны.

Расходовавшиеся не до конца эффективно государственные средства на управление вынужденной миграцией в рамках миграционной службы, теперь и вовсе затерялись в финансировании крупного ведомства и практически не доходят до конечного потребителя — вынужденного мигранта, который по-прежнему нуждается в помощи.

Неправительственные переселенческие организации, к сожалению, не имеют финансовой поддержки от государства и во многом зависят от международных организаций, которые также имеют ограниченные источники финансирования и по мере прекращения открытых вооруженных конфликтов свертывают в России свои программы. В итоге, многие вынужденные мигранты так и остались за «бортом» этой помощи и полагаются только на себя и свои собственные силы.

3. Рекомендации конференции в Каире призывали правительства обеспечить беженцам доступ к надлежащему жилью, образованию здравоохранению и другим социальным услугам.

В России сложность выполнения данной рекомендации связана с тем, что вынужденные мигранты расселены достаточно неравномерно

по регионам страны. Среди территорий их преимущественного расселения можно выделить Юг России, Поволжье, Центральный регион.

В Южном федеральном округе на начало 2004 г. было зарегистрировано 95,4 тыс. вынужденных переселенцев и 6,7 тыс. беженцев (Госкомстат, 2003). Максимальная численность зарегистрированных вынужденных мигрантов приходится на Ингушетию, Северную Осетию, Ставропольский край и Краснодарский край. Максимальный показатель миграционной нагрузки отмечается в Ингушетии (664 вынужденных мигрантов на 10 тыс. населения), Северной Осетии (616), Карачаево-Черкесии (94), Ставропольский край (91).

Значительный приток вынужденных мигрантов при всех позитивных последствиях (компенсация сокращения численности населения, приток высокообразованных и квалифицированных людей, пополнения школ детьми) также усилил нагрузку на социальную инфраструктуру, осложнил санитарно-эпидемиологическую обстановку, стимулировал рост цен на жилье. В условиях экономического спада возможности трудоустройства вынужденных мигрантов на рынках труда регионов достаточно ограничены. Из-за отсутствия регистрации вынужденные мигранты сталкиваются с проблемой получения доступа к образованию и медицинской помощи.

Министерство образования России под давлением «снизу» даже было вынуждено выпустить специальное письмо, которое отчасти решало проблему приема детей вынужденных мигрантов в первый класс. В данном документе отмечалось, что «лицо, признанное беженцем, и прибывшие с ним члены его семьи имеют право на устройство детей в государственное или муниципальное общеобразовательное учреждение наравне с гражданами России. Прием детей из семей беженцев и вынужденных переселенцев может осуществляться на основании записи детей в паспорте родителей и их письменного заявления с указанием адреса фактического проживания без учета наличия или отсутствия регистрационных документов» (Минобразование, 2003).

Однако главная проблема заключается в том, что закон «О вынужденных переселенцах» дает возможность человеку в течение только одного года обратиться с ходатайством на получение статуса вынужденного переселенца. Столь короткий срок в комплексе с отсутствием открытой и доступной информации не позволил многим фактическим вынужденным переселенцам получить статус. Помощь, которую оказывает государство можно назвать мизерной. Например, ссуда для приобретения и строительства жилья не позволяла построить или купить жилье.

4. Правительствам следует создавать условия, которые позволили бы обеспечить добровольную репатриацию беженцев в условиях безопасности и уважения достоинства.

Соблюсти данную рекомендацию Каирской конференции России, видимо, в принципе не удастся. Достаточно трудно и практически невозможно вернуть вынужденных мигрантов в страны СНГ: потеряв там порой все имущество и здоровье, люди приехали на свою историческую

родину, в Россию. Частично можно репатриировать вынужденных мигрантов только внутри России. Для этого необходимо восстановить экономику и навести порядок в Чеченской республике, создать условия для привлечения инвестиций и рабочих мест. Пока данная проблема довольно далека от своего завершения.

5. К правительствам обращался настоятельный призыв соблюдать нормы международного права применительно к беженцам: государствам предлагалось рассмотреть возможность присоединения к международным документам, касающимся беженцев (к Конвенции 1951 г. и Протоколу 1967 г. о статусе беженцев), а также уважать принцип «non-refoulement» (т.е. отказ от принудительного возвращения лиц в места, где их жизнь и свобода оказались бы в опасности в силу их расы, гражданства, принадлежности к той или иной социальной группе или политических взглядов).

По этому направлению в России произошли определенные позитивные сдвиги. В 1992 г. Россия присоединилась к Конвенции и Протоколу, касающимся статуса беженцев, «досрочно» выполнив данную часть рекомендаций Каирской конференции. И хотя данное присоединение не было просчитано с экономической точки зрения, но Россия в данной части выполнила обязательства перед мировым сообществом. В 1997 г. в новой редакции Закона «О беженцах» Россия пошла дальше, и определение «беженец» изложила в точном соответствии с Конвенцией ООН 1951 г.

6. В случае массовых потоков беженцев и перемещенных лиц, правительствам принимающих стран следует поощрять их оставаться в безопасных районах, вблизи своих стран происхождения. Правительствам следует укреплять механизмы защиты и обеспечивать помощь населению таких районов.

Некоторые категории вынужденных мигрантов (например, выехавшие из Чечни в 1999–2001 гг. и проживающим длительное время на территории Ингушетии в палаточных городках и частном секторе) власти официально не считали их вынужденными переселенцами, а именовали их «гражданами, временно покинувшие территорию Чеченской республики».

Значительная часть вынужденных мигрантов жила в тяжелых условиях, в палаточных городках, в антисанитарных условиях, не имела работы и стабильных источников дохода. Остро стояла проблема обеспечения людей продуктами питания, подготовки лагерей к зимнему периоду, здесь ощущалась нехватка теплой одежды.

Своего пика количество вынужденных мигрантов в Ингушетии достигло к весне 2000 г., когда там насчитывалось 243 тыс. вынужденных мигрантов (с учетом всех волн переселений) с учетом «временно покинувших территорию Чеченкой республики». В то же время, по данным МЧС, вынужденных мигрантов около 140 тыс. человек, по сведениям властей республики, — 160 тыс., по данным Датского Совета по беженцам, — не менее 100 тыс. человек. При этом, согласно официальной ста-

тистике Миграционной службы, в Ингушетии разместились всего 40 тыс. вынужденных переселенцев, включая 17 тыс. вынужденных переселенцев из Пригородного района Северной Осетии и 13 тыс. выехавших из Чеченской республики в 1994–1996 гг. (Ялхароева, 2001, С. 1).

В марте 2000 г. в пяти городках для временных переселенцев на территории Чечни размещено 10,5 тыс. человек. В Грозном за сутки получали питание и горячую пищу 26,2 тыс. человек.

Кроме того, вынужденные мигранты из Чечни расселились в различных регионах России и в ряде стран. Весной 2001 г. в Грузии находились примерно 7,5 тыс. беженцев из Чечни. Согласно данным Э. Шеварднадзе, в середине 2002 г. в Грузии находилось примерно 2,5 тыс. чеченских беженцев, в большинстве своем женщин, стариков и детей (Южный федеральный округ, 2002, С.2).

Несмотря на все усилия федеральных властей по созданию условий для возвращения переселенцев в места прежнего проживания, многие из них не хотят возвращаться в Чеченскую республику из-за нестабильной политической и экономической обстановки. Процесс репатриации переселенцев в Чеченскую республику шел крайне сложно — к началу апреля 2001 г. вернулись только 341 человек, или 0,4% (Саркисова, 2001, С. 1). По данным Б. Гантамирова, 70% вынужденных мигрантов на самом деле проживали в Чечне и появлялись на территории Ингушетии только для получения гуманитарной помощи (Парнев, 2002, С. 3). Хотя для многих жителей Чечни гуманитарная помощь была единственным средством к существованию.

7. Проблемы беженцев и перемещенных лиц, возникающие в результате принудительной миграции, включая право на репатриацию, должны регулироваться согласно соответствующим принципам Устава ООН, Всеобщей декларации прав человека, других международных документов и резолюций ООН.

Согласно Всеобщей декларации прав человека беженцы имеют права не только на безопасное убежище, т.е. на обеспечение физической безопасности, но и на права и виды помощи, которые предоставляются другим иностранным гражданам, проживающим на территории страны. Беженцы имеют основные гражданские права, в том числе на свободу мысли и совести, передвижение и свободу от пыток и унижающего достоинства человека обращения. Наряду с этим беженцы должны пользоваться теми же экономическими и социальными правами, что и другие лица — иметь доступ к медицинскому обслуживанию, образованию, возможность трудиться.

Перечень этих прав можно продолжить правом на репатриацию в места прежнего проживания. В реализации этого права для вынужденных мигрантов в России существуют значительные сложности как объективного порядка. Например, возвращение в Чеченскую республику русского населения практически невозможно, чеченского населения — остается

под большим вопросом. В регионе практически разрушена экономика и социальная сферы, нет рабочих мест и возможности заработков.

Без государственной программы развития экономики и создания рабочих мест, а также активного притока инвестиций из других регионов страны решить проблему возвращения вынужденных мигрантов в Чечне будет практически невозможно.

Необходимо признать, что Россия выполнила лишь небольшую часть из общего списка рекомендаций Международной конференции по народонаселению в Каире в 1994 г. в сфере вынужденной миграции. Проблемы вынужденных мигрантов остаются по-прежнему достаточно острыми и злободневными для страны. Существует огромный «фронт работ» в этом направлении. При этом государство фактически сняло с себя ответственность за решение проблем вынужденной миграции и отпустило вынужденных мигрантов в «свободное плавание», не используя их профессиональный и квалификационный потенциал. Вынужденные переселенцы и беженцы поставлены безучастием государства в сложные условия и действуют по принципу «спасение утопающих – дело рук самих утопающих».

Литература

1. Госкомстат (2004) Численность и миграция населения Российской Федерации в 2003 году. М.: Госкомстат.
2. Закон (1993) О вынужденных мигрантах // Закон РФ от 19 февраля 1993 г. № 4530-1.
3. Минобразование (2003) Рекомендации по организации приема в первый класс. Письмо от 21 марта 2003 г. № 03-51-57ин/13-03.
4. Парнев В. День, прожитый без конституции... (2002) // Южный федеральный округ, №30. 31 июля 2002.
5. Рязанцев С.В. (2003) Демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. Ставрополь.
6. Саркисова Е. (2001) Восстанавливать Чечню должны сами чеченцы, а Россия за ценой не постоит // Ставропольская правда, № 90–91. 27 апреля.
7. ФЗ (1993) О беженцах // Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1.
8. Южный федеральный округ (2002), № 30. 31 июля.
9. Ялхароева М. (2001) Еще раз о правах человека // Аргументы и факты — Северный Кавказ.

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ СТРАН СНГ И НОВЫЕ ПРАКТИКИ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДА

В 2003г. в рамках Специальной программы действий по борьбе с принудительным трудом МОТ было проведено исследование, посвященное вопросам распространения современных форм принудительного труда и трудовой эксплуатации, связанных с нелегальной миграцией и торговлей людьми (МОТ, 2004). Исследование было направлено на изучение разнообразных форм, в которых принудительный труд и трудовая эксплуатация в России проявляют себя в отношении мигрантов из стран СНГ, а также на поиск путей противодействия этим процессам.

Интенсивная иммиграция в Россию из стран СНГ на протяжении последних 10–15 лет при слабом ее регулировании привела к распространению различных практик эксплуатации¹ и манипулирования людьми, ренессансу отношений рабства и принудительного труда. Под влиянием этих процессов в декабре 2003 г. были приняты две новые статьи УК РФ — о наказании за торговлю людьми и за использование рабского труда. Однако одним уголовным наказанием эти серьезные проблемы, имеющие социально-экономическую природу, не могут быть решены.

Данная статья основана на результатах исследования 2003г., включавшего выборочный опрос трудовых мигрантов из стран СНГ в трех регионах России (Омская обл., Ярославская обл., Московская обл.). Общий объем выборки — 442 трудовых мигранта из стран СНГ в России.

Глобальный миграционный режим и эксплуатация мигрантов

Миграция труда — необъемлемая часть современной мировой экономики. К началу XXI века по оценкам МОТ в мире насчитывалось 36–42 млн. трудовых мигрантов; с членами семей их число достигало 80–97 млн. человек (ИЛО, р. 1), а по некоторым оценкам — 120 млн. чел. (Stalker, 2000, р. 1).

Устойчивая трудовая миграция за несколько последних десятилетий привела к заметным структурным сдвигам в экономике индустриально развитых стран. Сегментация рынка труда и выделение видов работ, которыми преимущественно заняты мигранты, превратилось в устойчивое разделение труда, являющееся частью *универсального экономического порядка*. Экономика развитых индустриальных государств сегодня не может существовать без притока труда мигрантов. В большинстве принимающих стран доля иностранных работников в общей численности занятых возрастала с начала 1980-х годов; к 1999 г. она составила в Германии — 9%, в Австрии — 10%, в Швейцарии — 18%, в Люксембурге —

¹ В данной работе термин «эксплуатация» трактуется скорее в контексте прав человека, а не в его классовом (марксистском) понимании.

57% (ИОМ, 2003). В России, по официальным данным, этот показатель пока очень низок — менее 0,5%. Учитывая неофициальные оценки миграции, он может составлять 3–5%, что все равно ниже уровня развитых стран. Мигранты играют существенную роль в экономике многих регионов страны, но сосредоточены они в основном в неформальной и теневой экономике и не учитываются официальной статистикой.

Одновременно с ростом мобильности всех ресурсов современного развития, растут и развиваются техники манипулирования ими. Симптоматично, что последним крупным событием XX века на уровне ООН было принятие в 2000 г. Конвенции против транснациональной организованной преступности, два из трех дополняющих Протоколов которой, непосредственно относятся к проблемам миграции — «Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» и «Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху»². Россия ратифицировала Конвенцию и оба протокола в 2004 г.

Во все времена, будь то эпоха традиционного рабства, колониализма или либерально-демократическое общество, — отношения зависимости и принуждения были основаны на неравенстве и власти. Но вряд ли когда-либо неравенство осознавалось *в глобальном масштабе* так отчетливо, как это происходит сегодня. Доходы богатейших 5% мирового населения в 114 раз превышают доходы беднейших 5% (UNDP, 2004, р. 19). Разница же между развитыми и развивающимися странами по показателю средней оплаты труда еще выше и составляет 130 раз, а между Россией и индустриально развитыми странами 30–50 раз (Stalker, 2000, р. 23). Велика дифференциация и на пространстве бывшего СССР. Средняя месячная заработная плата составила в конце 2003 г. 202 долл. США в России, \$60 — в Грузии и Армении, \$42 — в Киргизии и менее \$17 — в Таджикистане³.

Миграционный вызов развитых наций к бедным странам — постоянный спрос на неквалифицированный и низкооплачиваемый труд мигрантов⁴ — рождает соответствующее предложение в этих странах. Так формируется и воспроизводится миграционный режим, который является одним из модулей современного экономического порядка, поддерживает и обслуживает его. Миграционное пространство СНГ, хотя и явля-

² Конвенция вступила в силу после 40-й ратификации 29 сентября 2003 г.; Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее вступил в силу 26 декабря 2003 г.; Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху вступил в силу 28 января 2004 г.

³ Данные о среднемесячной номинальной начисленной заработной плате за 2000 г., когда начался массовый приток трудовых мигрантов Россию: Россия — \$79, Молдавия — \$33, Украина — \$42, Азербайджан — \$50, Армения — \$42, Грузия — \$37, Киргизия — \$26, Таджикистан — \$9.

⁴ Высококвалифицированная, или так называемая интеллектуальная, миграция также является частью современного миграционного режима, однако она не является предметом рассмотрения в данной работе.

ется относительно либеральным (в основном благодаря безвизовому режиму), однако в принципе развивается по тем же законам, что и остальной мир. Россия как основная принимающая страна в регионе строит свою иммиграционную политику по схемам, схожим с другими принимающими странами. В области трудовой миграции это, например, такие схемы, как квотирование, обеспечение преимущественного права местных работников на занятие данного рабочего места, принцип «инициативы работодателя» и т.п.

Миграция сегодня развивается крайне противоречиво и иррационально, что выражается в огромном размахе нелегальной миграции, которая является имманентной чертой современного миграционного режима. Официальная оценка числа нелегальных мигрантов в России составляет 5 миллионов человек в основном из стран СНГ и Юго-Восточной Азии.

Неэффективность управления миграцией выражается в неспособности государств скоординировать миграционную политику и экономическую потребность в мигрантах, в результате чего *большие группы мигрантов оказываются в положении нелегалов, рабочие места для которых в принимающей стране есть, а легитимных путей занять их – нет.*

Мигрантская занятость характеризуется тем, что она встраивается в самые неформальные и теневые сектора экономики, что делает работников более уязвимыми, снижает возможности их социальной защиты, увеличивает социальную эксклюзию. Результатом этого является распространение сверхэксплуатации, массовая маргинализация трудовых мигрантов. Если в развитых странах мигрантские ниши занятости либо встроены в официальную экономику, либо частично находятся в тени, то в России труд мигрантов прочно срастается с теневой экономикой, дешевая рабочая сила мигрантов используется в массовом порядке, в том числе недобросовестными предпринимателями, теневым и криминальным бизнесом. В России, где масштабы теневой экономики оцениваются в 22,4% ВВП и, по оценкам Госкомстата, в неформальном секторе в 2001г. было занято минимум 10 млн. человек (15% занятых в экономике) (Ненаблюдаемая экономика, 2003, С. 23, 44), как минимум 3/4 мигрантской занятости находится практически полностью в «серой» зоне. Трудовая эксплуатация мигрантов здесь принимает массовый характер и особенно тяжелые формы, вплоть до принудительного труда.

Нелегальность идет рука об руку с криминализацией миграции. Сеть полуофициальных, теневых и открыто криминальных организаций предоставляют широкий спектр теневых услуг для мигрантов. Криминальные дельцы получают громадные прибыли от переправки людей и посредничества при трудоустройстве нелегальных мигрантов. Организация миграции превращается в род современного прибыльного бизнеса, одной из криминальных форм которого является торговля людьми.

Хотя дискурс национальной безопасности, как правило, является основным при формировании миграционной политики, в общественно-

политических дискуссиях миграция все чаще обсуждается с позиции прав человека. Однако неспособность (или неготовность) большинства принимающих государств принять на себя ответственность за соблюдение на своей территории прав мигрантов очевидна. Показательно, что Конвенция ООН 1990 г. «О защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей», за прошедшие 12 лет с трудом набрала необходимые 20 ратификаций (в основном за счет стран-доноров) и вступила в силу только 1 июля 2003 г.⁵ Большинство развитых стран так и не ратифицировало эту Конвенцию, что говорит о неготовности принимающих стран к расширению легитимного пространства трудовой миграции.

Таким образом, *существующий миграционный режим содержит в себе механизмы, порождающие и постоянно воспроизводящие отношения эксплуатации вплоть до принудительного труда и сходных практик, так что последние оказываются практически встроенными в него.*

Экономические беженцы или трудовые мигранты

На начало 2003 г. в России находилось по официальным данным ФМС МВД 219902 иностранных работников, в том числе 124207 из стран СНГ. В течение 2003г. в страну въехало еще 139607 работников из других стран и выбыло 88785. На конец 2003 г. в стране находилось 273249 иностранных работников, в том числе 149891 из стран СНГ. Однако официальная статистика не составляет и 10% от их реального числа, которое по оценкам составляет от 3 до 5 миллионов человек, в том числе, не менее 1 миллиона с Украины, 200–300 тысяч из Молдавии, до 1,5 миллиона из стран Закавказья, и не менее 1 миллиона из стран Центральной Азии (Население России 2002, 2004, С. 169, 170) (укажем, что приведенные оценки не всегда сопоставимы по методологии, часть оценок включала в число трудовых мигрантов челноков, в других случаях эта категория мигрантов исключалась).

Современная иммиграция в Россию, в том числе, из стран СНГ происходит под влиянием сильных выталкивающих факторов экономического характера. Хотя основными факторами являются низкие заработки и отсутствие хорошей работы на родине, однако сочетания притягивающих и выталкивающих факторов, в конечном итоге приводящих к миграции, довольно сложны и разнообразны. Важным выталкивающим фактором является неудовлетворенность бытовыми и жилищными условиями на родине, характерная в среднем для 28% опрошенных мигрантов. Велика роль так называемых интегральных факторов, отражающих комплексный подход к оценке ситуации на родине и на новом месте («отсутствие перспектив на родине», «хочу жить в России, так как здесь лучше» и т.п.).

Большинство опрошенных мигрантов отмечают очень плохое (более ¼) или плохое (около 50%) материальное положение, которое было у них на родине до миграции. Средний месячный доход работающих (!) на родине до миграции составлял 54 долл. США

⁵ Россия, как и многие другие принимающие страны, данную Конвенцию не подписала.

Анализ субъективных оценок мигрантами своего материального положения до миграции и после однозначно говорит о том, что миграция как стратегия выхода из трудного экономического положения для абсолютного большинства мигрантов оправдывает себя (рис. 1). Несмотря на все трудности, связанные с миграцией, более 60–70% опрошенных считают миграцию выгодной и намерены еще приезжать в Россию работать. Практически все они отметили, что посоветовали бы сделать также и своим друзьям.

Рис. 1

Около половины опрошенных (от 53% в Москве до 42% в Ставрополье) посылают часть заработанных денег на родину. Как правило, переводы осуществляются в твердой валюте (в основном — в долларах США). В среднем опрошенные мигранты посылают домой менее 100 долл. в месяц. Больше 100 долл. посылают только 12% мигрантов. Как видно из рисунка, эти деньги оказывают существенную помощь семьям мигрантов на родине. Из тех, кто посылает деньги родным и близким, большинство делают это с оказией, через родственников и друзей; многие пользуются услугами банков.

В миграционных исследованиях денежные переводы мигрантов известны под названием «миградоллары». Подсчитано, что во многих посылающих странах миградоллары составляют значительную часть валового национального продукта или национального дохода. Мы не можем сказать сегодня, насколько чувствительны переводы мигрантов из России для экономики основных посылающих стран СНГ, однако, основываясь на материалах нашего опроса, можно подсчитать, что средний гражданин Молдавии посылает домой в месяц \$110, Азербайджана — \$133, Украины — \$130, Армении — \$130, Узбекистана — \$52, Грузии — \$86, Таджикистана — \$51. А за весь истекший период (только последнего) пребывания в России средний гражданин Азербайджана послал домой всего \$5852, Армении — \$4810, Грузии — \$4042, Молдавии — \$2750, Украины — \$2210, Казахстана — \$1121, Белоруссии — \$2140, Таджикистана — \$765, Киргизии — \$711, Узбекистана — \$676.

Рис. 2

Судя по тому, что средняя продолжительность пребывания в России (в данный приезд) для мигрантов, попавших в выборку, составила почти 25 месяцев, то есть чуть более 2 лет, около 20% мигрантов живут здесь уже почти 5 лет, часть сообщества, которое мы называем трудовыми мигрантами, является скорее экономическими «беженцами», то есть лицами, сбежавшими от нищеты и бедности и рассчитывающими на длительное пребывание в стране. 18% мигрантов прожили в России все 12 мес. в 2000 г., 25% — в 2001 г., 35% — в 2002 г. и почти 70% — все 6 мес. (до момента опроса) в 2003 г. Строго говоря, подобные мигранты, которые приезжают в страну с намерением остаться на постоянное жительство, не должны рассматриваться как трудовые мигранты. В «классической» теории трудовая миграция — это временные перемещения с целью работы или заработка. Однако современная миграция вносит коррективы в классические представления. Миграционное поведение людей становится все более гибким; и критерий разделения потоков по целям перемещений (на время или навсегда) становится менее четким. Подобные цели фиксируются при въезде в страну пограничной статистикой, но в дальнейшем они могут меняться. Эти изменения могут быть зафиксированы только текущей статистикой пребывания мигрантов (регистрации), которая в России пока работает крайне неэффективно.

Более 40% опрошенных хотели бы получить российское гражданство и остаться в стране навсегда. Значительная часть этих мигрантов уже длительное время живут в стране, перевезли сюда свои семьи, в большинстве своем имеют регистрацию по месту жительства и фактически уже рассматривают Россию как страну постоянного проживания. По сути, они уже не являются трудовыми мигрантами, поскольку их цель — не заработать и вернуться, а стать гражданами страны приема. Еще 20% мигрантов настроены на длительное проживание в стране с последующим возвратом. И только около 30% мигрантов предпочитают быстрый заработок и возврат домой.

Данные о намерениях и продолжительности пребывания мигрантов в стране важны для разработки политики интеграции мигрантов. То, что группа мигрантов, долгое время уже проживших в России, представляет значительный демографический, трудовой, и даже интеллектуальный потенциал для нашей страны — бесспорно. Очень важно также, что эта группа состоит из мигрантов, которые, благодаря культурной близости или совместному историческому прошлому готовы интегрироваться в российское общество, и, как показывает исследование, уже в значительной мере интегрированы в него. Учитывая декларируемую Россией линию на привлечение в страну трудящихся мигрантов, такая политика должна быть институционально оформлена как часть социальной и миграционной политики. Отсутствие осмысленной политики интеграции является причиной распространения нелегального положения мигрантов в течение продолжительного времени, и, как следствие, массовой маргинализации и нарушений прав мигрантов, распространения элементов рабства и принудительного труда.

Для части трудовых мигрантов, длительно проживающих в стране, очень важно, какую стратегию примет Россия в отношении предоставления им легального статуса и российского гражданства и как будет осуществляться политика интеграции мигрантов. Сегодня, несмотря на то, что Россия в ряде программных документов декларирует свою заинтересованность в приеме мигрантов, политика предоставления гражданства и статуса постоянного жителя явно противодействует этому. Исходя из вышесказанного, идея проведения миграционной «амнистии» для части трудовых мигрантов, которая широко обсуждается в последнее время среди экспертов, представляется целесообразной и своевременной.

Каналы информации и трудоустройства: господство неофициальных сервисов

Как получение информации о возможностях миграции и работы в России, так и трудоустройство мигрантов почти полностью обеспечивается неофициальными, теневыми и полностью криминальными путями. Распространенность теневых отношений объясняется слабостью официальных структур, обеспечивающих трудовую миграцию — отсутствием надежных, действующих официально государственных или частных информационных служб и других сервисов по оказанию услуг по подбору работы, юридическому сопровождению и т.д. Приведенные ниже таблицы показывают, насколько распространены неформальные и теневые отношения, как в процессе получения информации, так и непосредственно трудоустройства. Для получения информации используются, в первую очередь, дружеские и родственные связи.

Как видим из табл. 1, доля официальных служб организации миграции и трудоустройства составляет в среднем всего 3–5%. Только около 20% опрошенных (при малой вариации по регионам) заранее — еще до выезда — знали, где и кем будут работать в России. При этом *более по-*

ловины мигрантов не получили в России той работы, на которую рассчитывали; даже если вид работы и совпадал с обещаниями, условия труда в 2/3 случаев оказывались не такими, как было обещано.

Это говорит о том, что инфраструктура миграции в России пока еще развита очень слабо. Но она уже начинает развиваться, что в первую очередь заметно в столице. Необходимо целенаправленное формирование такой инфраструктуры. Но это только часть проблемы. Необходимо также, чтобы формирующиеся институты пользовались доверием граждан и мигрантов, чтобы на них был спрос. Пока же теневые и неформальные отношения зачастую работают эффективнее, чем официальные институты трудовой миграции.

Табл. 1. Источники информации о миграции и каналы трудоустройства

	Источники информации	Каналы трудоустройства
Родственники / друзья	40 / 58	64
Самостоятельно	-	26
Частное лицо, посредник	9	12
СМИ, Интернет	8	9
Официальные структуры	3	5

Отсутствие правовой и сервисной инфраструктуры, обеспечивающей легитимность миграции и легализацию статуса мигрантов приводит к массовым нарушениям прав и маргинализации мигрантов.

Криминальное посредничество при организации миграции. На фоне вакуума официальных миграционных сервисов значительное число мигрантов (около 15% в Москве и Ставрополе, где теневая инфраструктура миграции более развита), обращаются за помощью в трудоустройстве к частным посредникам. Так называемое «*черное посредничество*» превратилось в организованный институт теневой экономики, который очень активно действует в сфере миграции. Посредники действуют по отработанным схемам. Для вербовки мигрантов могут использоваться СМИ, например, объявления в газетах (при этом никто не проверяет легальность организации, куда приглашается работник, она часто даже не указывается вовсе), либо посредник лично вербует работника, например на вокзалах.

N – из Таджикистана. Ему 37 лет. Строитель (кровельщик по профессии). Он увидел человека с табличкой «Требуются рабочие на стройку», когда сошел с поезда. Этот человек собрал человек 10 с поезда, разных национальностей и развез по разным стройкам. В первую же зарплату он опять приехал и собрал со всех по 20 долл. за посредничество.

Вербовка может осуществляться прямо на рабочем месте, и тогда работник передается «с рук на руки» от одного работодателя к другому, как правило, за определенную плату.

Иногда объекты расположены через дорогу, и хозяева договариваются и передают рабочих из рук в руки, причем «старый» работодатель иногда не расплачивается с работниками, а обещает, что это сделает новый. Иногда рабочие сами сколачивают бригады и ищут лучшее место, чтобы избежать этого работодателя и отбирают документы (из интервью).

Вербовка может происходить также на так называемых невольничьих рынках, местах, где собираются свободные работники-мигранты, ищущие

работу. В Москве такой «рынок рабов» расположен на Ярославском шоссе — это огромная толпа людей под открытым небом, состоящая из мигрантов и представителей работодателей, ищущих дешевых работников.

Посреднические схемы часто являются частью механизма торговли людьми. Так, специальные агенты-посредники вербуют девушек в деревнях Средней Азии для работы в частных хозяйствах и сексуальной занятости в России. Схема состоит из нескольких шагов: агент выбирает подходящее место для вербовки — например, бедную деревню в Средней Азии; респектабельного вида человек приезжает в деревню и находит нам наиболее уязвимую семью (бедную, многодетную, с родителями-алкоголиками, больными, стариками и т.п.); с помощью продуманных психологических методов убеждает родителей «отдать» ему свою дочь (часто несовершеннолетнюю), которую он обязуется «устроить» в городе (например, в России), помочь с работой или учебой, жильем и т.п. Родителям, как правило, платится небольшая сумма денег (порядка 100–200 долл. США) и обещаются регулярные денежные переводы от дочери в будущем. То есть человек попросту покупается. Улаживаются формальности переезда через границу (если девушка несовершеннолетняя — с помощью, например, доверенности от отца). Девушка перевозится и передается «хозяину». Подобные же схемы используются для вербовки работников подпольных цехов, заводов, строительных рабочих и т.п.

Тщательно разработанные схемы действий превращают криминальные практики вербовки в регулярный теневой институт, практически гарантируют торговцу успех и безопасность сделки.

Ниже приводится отрывок из интервью с так называемым «черным посредником», осуществляющим поставку мигрантов из Узбекистана в российское Ставрополье. Из данного отрывка видно, что организация трудовой миграции превращается в профессию и выгодный бизнес. Причем на этот бизнес есть спрос населения. Из-за отсутствия официальных организаций, которые могли бы обеспечить безопасную миграцию и занятость, мигранты вынуждены прибегать к услугам теневых посредников, ставя себя изначально в условия риска. Такие частные «предприниматели» действуют практически открыто. Это возможно по двум причинам. Первая — пробелы в законодательстве, из-за которых их деятельность организации миграции и трудовой эксплуатации мигрантов практически ненаказуема. (Их можно привлечь к ответственности только за неуплату налогов и тому подобные «смежные» правонарушения). Вторая — всепроникающая коррупция, которой пропитаны все отношения трудовой миграции. Она хорошо встроена в действующие институты миграции и миграционную инфраструктуру (законодательство, институты, реальная практика), ее формы институционализируются, меняются при изменении законодательных и иных механизмов. Альтернативой этому может быть только развитие официальных (государственных или частных) сервисов по организации миграции (органи-

зация информации, транспортировки мигрантов, трудоустройства, юридической помощи при нарушении прав и пр.):

Организатор перевозки мигрантов из Узбекистана в Ставропольский край сообщает:

Организация миграции включает целый комплекс услуг: переправку мигрантов, устройство их работы, жилья, иногда временную регистрацию. Путь из Узбекистана в Ставрополь длится примерно 1 неделю. Переправляются на автобусах (частных или рейсовых). Основная проблема состоит в том, что сотрудники милиции на дорогах собирают «дань». На месте, если есть крупное строительство (это как правило частные стройки — например, развлекательного комплекса и т.п.), то мигранты поселяются «на объекте». Но это бывает не всегда. На собственном дачном участке переправщик поставил 3 строительных вагончика, куда он поселяет мигрантов. Мигранты отдают ему от ¼ до 1/3 заработка и еще он вычитает за те траты, которые он делает для них — выкуп из отделения милиции, плата за рабочее место, оплата временной регистрации, питание, проживание и т.д. Паспорта и документы у мигрантов отбирает.

Хотя только 4% опрошенных пользовались услугами профессиональных юристов при трудоустройстве, это говорит о том, что "ростки" цивилизованных отношений в сфере трудовой миграции уже начинают пробиваться: в обществе начинает формироваться спрос на качественные услуги по организации миграции, обеспечивающие информационную и правовую составляющие миграции. Хотя пока теневые услуги абсолютно доминируют, но в случае появления на рынке более надежного и качественного «миграционного продукта», дающего необходимые правовые гарантии мигрантам, он будет востребован. Возможно именно спрос «снизу» подтолкнет предпринимателей, занимающихся предоставлением миграционных услуг, к более активному давлению на государство с целью обеспечения правового поля трудовой миграции. Этот процесс уже начался. Так, в 2003 г. с была создана Ассоциация организаций-экспортеров рабочей силы, целью которой является противодействие нелегальным агентам на рынке трудовой миграции, сотрудничество с государством в расширении правового поля миграции, содействие в работе фирм, предоставляющих услуги по выезду российских граждан за рубеж на работу. Что касается трудовой миграции в Россию, то она пока практически не организована.

Сферы занятости мигрантов и реструктуризация российского рынка труда

Анализ основных сфер занятости мигрантов в России (табл. 2) свидетельствует о том, что российский рынок мигрантского труда структурируется так же как рынки многих принимающих стран. В России идет процесс формирования характерного для таких стран разделения труда между местными и приезжими работниками. Основой такого разделения труда является процесс национальной сегрегации работников. Довольно четко выражена и гендерная специфика, то есть «мужские» и «женские» сферы занятости. К первым относятся в первую очередь строительство, тяжелый труд в промышленности, на транспорте, в коммунальном и

сельском хозяйстве. Ко вторым — торговля, сфера общественных и домашних услуг, индустрия досуга и развлечений, секс-занятость.

Таблица 2. Структура занятости работников- мигрантов в России

Сферы занятости	процент
Сельское и лесное хозяйство и заготовки	25
Торговля, общественное питание и общая коммерческая деятельность по обеспечению рынка	20
Промышленность	12
Строительство	17
Транспорт	15
Непроизводственное бытовое обслуживание	4
Другое	7
ВСЕГО	100

Источник: ФМС МВД России

Если на западных рынках труда мигрантские сегменты уже сформировались несколько десятилетий назад и сейчас идет их дальнейшее углубление и развитие, то в России такое разделение труда только формируется. Это происходит буквально на глазах, причем по-разному в разных регионах. Эти различия могут быть вызваны сложившейся структурой местной экономики (например, большей долей сельского хозяйства в некоторых регионах), или социальными особенностями региона. Так, в крупных городах, в первую очередь, в столице, идет формирование и институционализация нового сектора рынка труда — сектора домашних услуг — домработниц, нянь, сиделок и т. п. Этот сектор ориентируется на спрос богатых людей, включая верхушку нарождающегося среднего класса, у которого формируются новые модели ведения домашнего хозяйства, воспитания детей, ухода за стариками — с наймом нянь, помощников по дому и т.д. В регионах, где уровень жизни населения ниже, чем в столице, такие модели рыночного поведения пока не сформировались. Если относить к среднему классу население со среднедушевым доходом от 300 до 1000 долл. США, то в Москве его доля оценивается более чем в 1/3 населения, в то время как в большинстве других городов России — не превышает 10% (в Омске, например, — 8%), поэтому там этот сектор пока находится в зачаточном состоянии. Развитие сектора домашних услуг в Москве с самого начала идет «по западному образцу», привлекая большое число женщин-мигрантов из Украины, Белоруссии, Молдавии. Труд в частном домохозяйстве — это так называемый репродуктивный труд (труд по репродукции человека), который традиционно был бесплатным и выполнялся женщинами в доме. Печать второсортности лежит на этом виде труда и сегодня из-за его «приватности», низкого «общественного» статуса, непрестижности, незащищенности, низкой оплаты, поэтому этот сектор быстро превращается в нишу мигрантской занятости.

Устойчивость «мигрантского модуля» в российской экономике можно проиллюстрировать отсутствием конкуренции с местными ра-

ботниками за определенную часть рабочих мест, которые сегодня заняты мигрантами. Вопрос, отнимают ли мигранты рабочие места у местного населения или они занимают места, на которые не претендует местное население, широко обсуждается во всех странах, принимающих мигрантов. В России, как и в большинстве стран, разрешение работодателю на найм иностранных работников дается только с санкции службы занятости, которая и должна подтвердить, что данные рабочие места свободны от притязаний со стороны местных работников. Поэтому в идеале предполагается, что легально нанятые иностранные работники не конкурируют с местным населением. По-другому обстоят дела на неформальном рынке труда, где и занята большая часть мигрантов в России. Данные опроса показали, что от 30 до 50% мигрантов не чувствуют конкуренции с местными работниками за свое рабочее место, заявляя, что они делают работу, на которую местные не претендуют (рис. 3). Наибольший процент таких в Москве (более 50%). Это, очевидно, объясняется как более высоким уровнем жизни местного населения в Москве, так и более сложившимся в результате интенсивной иммиграции на протяжении последних 15 лет разделением труда между местными и мигрантами. Очевидно, московский рынок труда повторяет западный путь, а региональные рынки следуют за ним с некоторым временным лагом.

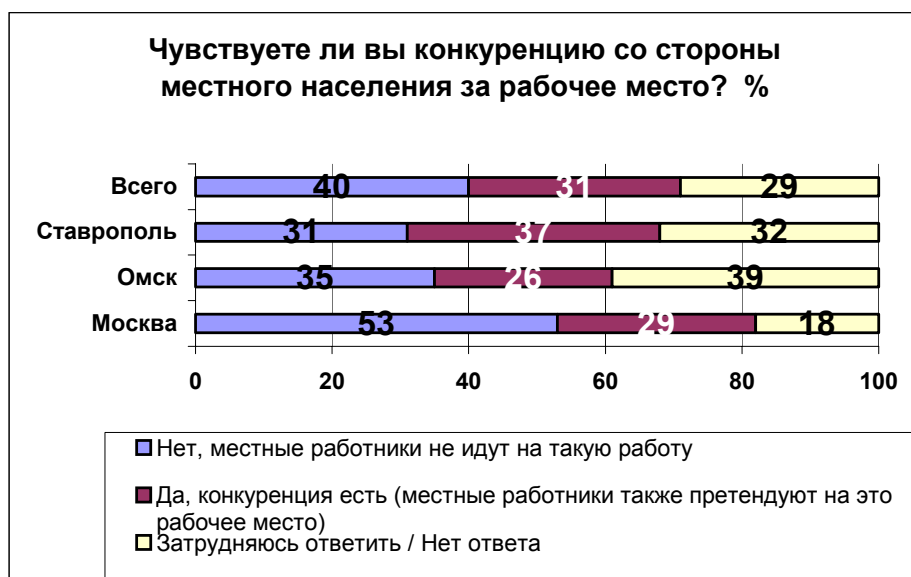

Рис. 3

Таким образом, если руководствоваться наблюдениями самих мигрантов, то можно сделать вывод, что более или менее значительная часть рабочих мест, занятых сегодня мигрантами (от 50% в Москве до 30% в регионах), уже стали чисто мигрантскими, то есть «зарезервированы» за ними на долгие годы. Остальная часть рабочих мест «отвоевывается» мигрантами в конкурентной борьбе с местным населением. Козырями мигрантов при найме на работу, дающими им преимущество перед местными работниками, как правило, являются демпинговые цены на труд; согласие работать дольше и с большей интенсивностью, чем местные работники; отсутствие притязаний на социальные выплаты и

льготы. Также работодатели часто предпочитают нанимать мигрантов за то, что они не пьют, не отвлекаются на семейные проблемы и т.п.

Среди факторов, дающих преимущество мигрантам при найме на работу у российских работодателей, немаловажную, а часто ключевую роль играет согласие на неформальную занятость. Нелегальная миграция и неформальная или нелегальная занятость — это звенья одной цепи, связанные с распространением теневых отношений во всех сферах жизни, как в экономике, так и в обществе. Бороться надо одновременно мерами экономической политики за выход из тени огромных сегментов экономики и мерами миграционной политики за эффективное для государства и для человека участие мигрантов в национальной экономике. Превалирующее в настоящее время использование нелегального труда мигрантов, таким образом, выбивает местных работников из борьбы за эти рабочие места. Если же на них будут работать легальные мигранты, то не будет такой разницы в оплате, и местные работники смогут тоже включиться в конкурентную борьбу за данные рабочие места. К тому же в тех секторах, где заняты преимущественно нелегальные мигранты, консервируется низкий уровень модернизации производства и плохие условия труда. Переход на легальный найм мигрантов мог бы хотя бы до некоторой степени исправить положение.

Хотя в России выделение и оформление мигрантских или этнических ниш занятости только начинается, во многих регионах труд мигрантов уже начинает «впитываться» в жизнь локального социума. То, что данный вид работ из года в год, из десятилетия в десятилетие выполняют мигранты, а не коренное население, является существенным фактором структурирования местных рынков труда и всей экономики регионов, наиболее затронутых миграцией (в основном столичные города и приграничные территории). Использование мигрантов постепенно превращается в систему, то есть имеет место не просто случайный найм случайного работника, а создается и воспроизводится определенный режим, «резервирующий» за мигрантами определенные рабочие места. Уже сегодня в Москве к работам, «зарезервированным» за мигрантами, относятся торговля на уличных и крытых вещевых и продуктовых рынках, строительные работы, работы по ремонту офисов и квартир, уборка дворов, домов, офисов, мойка стекол, дорожные работы, мойка автомобилей, автосервис, придорожный сервис на пригородных шоссе, услуги в сфере развлечений, включая секс-услуги. В некоторых из этих сфер мигранты уже составляют абсолютное большинство работников, в других их доля постоянно увеличивается, и ясно, что эти сектора будут становиться все более и более мигрантскими. К работам, где часто можно встретить мигрантов, относятся также курьерские, рекламные, маркетинговые и услуги и прочие агентские работы, с, как правило, сдельной оплатой, требующие от работника активности и напряжения.

Систематическое использование труда мигрантов вызывает серьезные трансформации не только экономических, но и социальных отно-

шений. Не только работодатель «привыкает» использовать дешевый труд мигрантов, но и общество «привыкает», что определенную работу для него делают мигранты и постоянно воспроизводит потребность в их труде. Это дает возможность локальному социуму и его представителям более эффективно использовать собственные ресурсы. Так, например, в развитых странах использование труда женщин-мигрантов по уходу за детьми, пожилыми и больными в семьях приводит к освобождению женщин среднего класса, возможности повышения их активности в публичной сфере, повышению спроса с их стороны на общественно престижные модели занятости, что провоцирует вызов сложившейся гендерной «расстановке сил» в сфере занятости⁶.

Использование труда мигрантов на низкоквалифицированных и непрестижных работах дает принимающей стране развивать образовательную систему в направлении повышения сроков образования для своих граждан, увеличивая, таким образом, национальный человеческий потенциал. Можно привести и другие примеры возможных социальных эффектов от использования труда мигрантов в низовых секторах рынка труда.

Россия пока слабо умеет использовать экономические и социальные возможности, которые дает миграция, в то время как ее социальные противоречия и отрицательные стороны проявились уже со всей очевидностью, включая формирование двойного стандарта, толерантность общества к эксплуатации «чужих», разыгрывание миграционной карты в политической борьбе и т.д.

Таким образом, *«мигрантский модуль» в экономике России будет приобретать все более отчетливые очертания, встраиваясь в действующие экономические структуры и институты, что позволяет предположить, что через какое-то время российская экономика будет так же зависеть от притока труда мигрантов, как сегодня зависят от него экономики развитых стран.*

Эксплуатация труда нелегальных мигрантов и теневая экономика

Наличие тесной связи между теневой экономикой и нелегальной трудовой миграцией — бесспорно. Однако механизмы их взаимовлияния сложнее, чем может показаться на первый взгляд. С одной стороны, теневая экономика провоцирует нелегальную миграцию, предъявляя спрос именно на неформальный, дешевый и незащищенный труд мигрантов, поощряя тем самым их отказ от легализации своего статуса. С другой стороны, наличие большого числа нелегальных мигрантов в стране, для которых недоступна официальная занятость, стимулирует развитие и процветание теневого сектора, предоставляя работодателям

⁶ Подробнее о концепции репродуктивного труда женщин-мигрантов см. в Малышева М. Глобализация, гендерное неравенство и репродуктивный труд женщин // Гендер и экономика. Мировой опыт и экспертиза российской практики. М., 2002.

постоянно пополняемый резервуар дешевого труда, позволяющий экономить на издержках⁷.

В России масштабы неформальной и теневой экономики огромны. Наиболее консервативная их оценка составляет 22,4% ВВП. Наибольшие масштабы скрытой экономической деятельности присущи торговле и сектору услуг, где 60–70% добавленной стоимости скрыто. Производство сельскохозяйственной продукции и строительство также составляют значительную долю теневой экономики. В середине 2001г. в неформальном секторе было занято 10 млн. человек, из которых 6,5 млн. имели здесь основную и единственную работу. 3,3 млн. были заняты в торговле и общественном питании, 2,7 млн. — в сельском хозяйстве, около 1 млн. — в промышленности и более 0,5 млн. — в строительстве (Ненаблюдаемая экономика, 2003, С. 44). Это все сектора занятости, где велико присутствие мигрантов.

Как минимум $\frac{3}{4}$ мигрантской занятости находится в тени, а то и просто вне закона:

S — азербайджанка, ей 30 лет. Работает в частном подпольном ателье по пошиву одежды. На сшитую одежду нашивают лэйблы известных фирм или «Made in China». Хозяин ателье — азербайджанец. Зарплату получает «черным налом» и тканями, из которых может шить себе или на продажу прямо в этом же ателье после работы. Часто бывает, что эти лэйблы не привозят вовремя и приходится потом работать по ночам, чтобы уже на готовые вещи нашить эти лэйблы.

Менее 20% опрошенных трудовых мигрантов (26% в Омске, 22% в Москве, и только 11% в Ставрополье) имеют письменный контракт с работодателем; остальные указали, что все детали работы оговаривались устно, что, естественно, никакой юридической силы не имеет.

В среднем 74% (от 70% в Омске до 80% в Ставрополе) указали, что получают зарплату так называемым «черным налом», то есть без официальной ведомости, не платят никаких налогов и начислений.

Только в 13% случаев работодатель является соотечественником работника-мигранта. По национальному признаку большинство работодателей в Москве - русские, армяне и азербайджанцы; в Ставрополье — русские и грузины; в Омске национальный состав работодателей более разнообразен — узбеки, киргизы, армяне.

Хотя этническая окраска того или иного вида работ не являлась предметом нашего исследования, можно отметить, что этнический ресурс может использоваться как защитный механизм в условиях «дикого рынка». Этот ресурс основан на этнической солидарности и традиционно сильной вере в неформальные отношения, характерной для постсоветской ментальности. В таком плане работает, например, этнический

⁷ Хотя средний заработок мигрантов составил \$ 180, что примерно соответствовало среднемесячной номинальной начисленной заработной плате в России на момент опроса, рабочая неделя мигрантов в среднем равнялась 66 часам. Абсолютное большинство (более 90%) опрошенных работников-мигрантов не имеют оплачиваемого ежегодного отпуска. Только у 8% (7% в Москве, 13% — в Омске и 4% в Ставрополье) есть возможность взять оплачиваемый отпуск по болезни

ресурс в армянских сообществах, традиционно имеющих сильную диаспору. Благодаря этому армяне реже попадают в маргинальные ситуации, чем, например, таджики, этнический ресурс которых намного слабее. С другой стороны, известны случаи, когда этнический ресурс играет маргинализирующую роль, ограничивая возможности мигрантов и, таким образом, не давая им вырваться из круга эксплуатации. Такие случаи, например, замечены среди молдавских мигрантов.

В современной миграции, традиционный *этнический ресурс*, выступающий в форме *диаспоры* (то есть некоего общественно-административного института), заменяется похожим по смыслу, но несколько иначе организованным и более «гибким» *сетевым ресурсом*. Мигранты все больше используют не помощь диаспоры, то есть части этноса, относительно давно и стабильно проживающей вне метрополии, а *мигрантские сети*, сложившиеся в основном в последние годы благодаря устойчивой миграции и часто не имеющие стабильного характера. Диаспора, как правило, представляет собой хоть и неоднородное социальное образование, но все же она пытается соответствовать стандартам принимающего общества: она институционализируется, дистанцируется от криминала, этнической преступности, мафии, и т.п. Мигрантские сети представляют собой гораздо более подвижное, неформальное и безличное образование. Обращение к этому сетевому ресурсу для мигранта сопряжено со значительно большим риском, чем обращение к помощи диаспоры, например, при трудоустройстве.

Более того, институционализация мигрантских сетей может идти по криминальному образцу; иногда сети срастаются с этнической преступностью. Обращение к сетевому ресурсу в таком случае может не помочь, а навредить мигранту, приведя его прямо в руки преступников и торговцев людьми.

Если, говоря о традиционных диаспорах, мы вспоминаем в первую очередь выходцев из Армении, Азербайджана и некоторых других стран, то наиболее разветвленной и сильной сетью в России обладают, вероятно, выходцы из Украины и Молдовы. Начинает складываться также узбекская сеть. Достоверных оценок степени криминализации этих сетей пока нет, однако известно, что молдавские, узбекские и таджикские рабочие, например, в России, относятся к наиболее жестко эксплуатируемым трудовым мигрантам.

Масштабы теневой экономики и слабость экономического контроля являются важным фактором распространения наихудших форм эксплуатации труда, как в отношении национальных работников, так и мигрантов. Последние особенно уязвимы в случае их нелегального положения. Недобросовестные предприниматели благодаря «мутной воде» российской экономики имеют практически неограниченные возможности манипулирования как самими нелегальными работниками, так и полученными от их использования незаконными сверхприбылями. Используя на протяжении долгого времени такой механизм максимизации прибыли –

с помощью найма нелегальных работников, работодатель уже вряд ли от него откажется. В определенных экономических нишах использование дешевого труда мигрантов превратилось в род наркотической зависимости; при отказе от такого «наркотика» слабый бизнес может просто умереть, поскольку цена продукции повысится настолько, что сегмент потребителей, на который был рассчитан этот бизнес ее «не потянет».

Рост теневой занятости вносит свою немалую лепту в распространение трудовой и криминальной эксплуатации мигрантов. Нарушения трудовых прав и сверхэксплуатация мигрантов настолько распространены в экономической практике российских городов, что многие формы эксплуатации не воспринимаются как нечто маргинальное и незаконное (табл. 3).

Таблица 3. Распространенность различных форм насилия и принуждения во время работы мигрантов в России, %

	Москва	Омск	Ставрополь	Всего
Никаких форм насилия и принуждения не испытывали	-	27	-	9
Принуждение работать сверх положенного времени, без выходных и т.п. (без дополнительной оплаты)	84	6	92	62
Принуждение работать с повышенной интенсивностью («на износ»)	56	1	71	44
Принуждение работать в нечеловеческих условиях	30	1	39	24
Принуждение работать без оплаты	25	1	47	24
Принуждение выполнять работу, на которую Вы не давали своего согласия	53	3	57	38
Ограничение свободы (контроль над перемещениями, изоляция и т.п.)	31	-	26	20
Длительные задержки заработной платы	42	9	65	39
Принуждение к секс-услугам *	30*	11*	15*	22*
Физическое насилие (избиение и т.п.)	13	1	6	7
Психологическое насилие (угрозы, шантаж, обман)	27	1	35	21
Другие формы насилия	1	-	1	1

Примечание: * доля от всех опрошенных женщин

Как видно из табл. 3, ни один человек из опрошенных в Москве и Ставрополе не указал на отсутствие хотя бы некоторых форм эксплуатации и насилия. «Классические» нарушения трудовых прав распространены на уровне 40–60% опрошенной совокупности, а особо тяжелые формы криминальной эксплуатации, которые можно квалифицировать как элементы торговли людьми и принудительного труда — на уровне 10–20%. Причем распространенность некоторых тяжелых видов эксплуатации в столичном регионе значительно выше, чем в других. В Москве больше распространены такие тяжкие формы эксплуатации, как ограничение свободы, то есть контроль над перемещениями, содержание в заперти и т.п. (31%), и физическое насилие (13%). Сексуальная эксплуатация женщин встречается в Москве в два раза выше, чем в Ставрополе и почти в три раза выше, чем в Омске и составляет 30% от опрошенных женщин, занятых во всех сферах, включая рынок, строительство и т.п., не говоря уже о сфере развлечений, где практически 100% опрошенных женщин, заявили о принуждении к секс-услугам.

Для отношений эксплуатации характерен жесткий контроль работодателя над работником. Этот контроль может осуществляться различными способами. Самыми распространенными из них являются изъятие документов и так называемая долговая кабала. По данным нашего опроса, в среднем в 20% случаев (23% в Москве и Ставрополье, 17% в Омске) паспорт мигранта хранится у работодателя. 18% опрошенных в Москве и 15% в Ставрополье заявили о наличии долга, который надо отработать, то есть практически признали состояние долговой кабалы. Причем долг, как правило, значительно превышает месячный заработок. Сформировался целый набор криминальных практик «организации» такого долга: это может быть сфабрикованная недостача у продавца, или перерасход материалов на строительстве, отработка платы, которую работодатель заплатил посреднику за работника и т.п. Только 37% опрошенных отметили, что они могут свободно уйти от работодателя.

Таблица 4. Причины невозможности свободно уйти от работодателя (ответы мигрантов),%

	Всего
Паспорт находится у работодателя	20
Есть долг работодателю / посреднику, который нужно «отработать»	12
Разрешение на работу действительно только для этого работодателя	6
Контракт обязывает отработать положенный срок	23
Мне (или семье) угрожают насилием, мезтью и т.п., если я уйду	8
Мне угрожают арестом, депортацией, если я уйду	11
Нет другой работы, некуда уходить («езде одно и то же»)	40
Другое	3

Такие тяжелые формы эксплуатации человека, как ограничение свободы общения и свободы перемещения, долговая зависимость, сексуальная и трудовая эксплуатация, изъятие документов, угрозы, шантаж и т.п., которые можно рассматривать как элементы рабства, получили довольно массовое распространение (на уровне 10–20%) среди мигрантского населения на абсолютно открытом экономическом и социальном пространстве. Элементы рабства, насилия и принуждения встраиваются в нормальные трудовые отношения и часто воспринимаются как норма, а не как нарушения прав человека. Таким образом, эксплуатация человека превращается из маргинального в некий квази-нормальный феномен; отношения рабства по сути легитимируются, раздвигая тем самым границы социальной нормы до неприемлемых с точки зрения демократических стандартов пределов. Этому способствует несколько факторов: 1) зачастую сам работник соглашается на рабские условия труда под влиянием тех или иных обстоятельств; 2) толерантное отношение общества и властей к эксплуатации человека; 3) низкое правосознание граждан и недоверие к власти, что характерно для всех стран бывшего СССР, и наоборот; 4) недоверие власти и общества к мигрантам, априори виктимное отношение к ним и игнорирование их прав человека, ксенофобия, антимигрантские настроения; 5) коррупция.

«Мягкие» или неявные формы эксплуатации, если они превращаются из маргинальных случаев в норму, не менее опасны, чем отдельные случаи откровенного рабства. Такие практики, содержащие элементы принуждения под прикрытием «нормального» труда, опасны тем, что они, благодаря своей распространенности, постепенно превращают принудительный труд из маргинального явления в массовое, привычное, а следовательно принимаемое как нормальное состояние.

Как противостоять эксплуатации? (Вместо заключения).

Встроенность эксплуататорских практик в существующий экономический и социальный порядок требует глубокого взвешенного и комплексного подхода к противодействию этим негативным явлениям. Превалирующий в настоящее время подход, основанный на постулате национальной безопасности, а по сути сводящийся к борьбе с нелегальной миграцией силовыми методами, должен уступить место более взвешенному и экономически обоснованному подходу, базирующемуся на просчитанной экономической потребности в мигрантах и создании адекватных правовых каналов для легализации как временных, так и постоянных мигрантов. Подход с точки зрения прав человека должен также найти адекватные институциональные формы и реально «работать» на обеспечение мигрантам правового пространства, ограничение коррупции и незаконного произвола властей и работодателей.

1. Формирование законодательных механизмов противодействия эксплуатации мигрантов

- Расширение легитимного поля трудовой миграции путем введения поправок в Закон о правовом положении иностранных граждан и введения специальной главы о работниках-мигрантах в XII раздел ТК РФ.
- Разработка программы поэтапной легализации незаконных мигрантов, присутствующих на территории России.
- Введение специальных норм уголовного и административного права против организаторов нелегальной миграции и их пособников.
- Разработка и внедрение методик по применению новых статей УК, принятых в декабре 2003 г. о торговле людьми и использовании рабского труда.
- Проработка вопроса о ратификации Конвенции ООН 1990 г. о правах всех трудящихся мигрантов и членов их семей, а также Европейской Конвенции.
- Разработка программ защиты жертв и свидетелей в целях более эффективного привлечения пострадавших от незаконных действий властей и работодателей к выявлению и расследованию случаев рабства и торговли людьми.

2. Формирование институциональных механизмов противодействия эксплуатации мигрантов

- Введение специальных функций по *противодействию трудовой эксплуатации* мигрантов в полномочия компетентных органов (Федеральная инспекция труда и др.) - обучение кадров, тренинги.

- Разработка и институционализация *политики интеграции мигрантов* (создание специального подразделения, в компетенцию которого вошли бы эти вопросы).
- Институционализация *взаимодействия политики труда и миграции*, кооперации между соответствующими ведомствами в целях определения экономической потребности в мигрантах и наиболее эффективных путей их занятости, противодействия теневой занятости мигрантов, эксплуатации, торговле людьми, коррупции.
- *Развитие официальной инфраструктуры миграции* и официально действующих миграционных сервисов в целях развития безопасной и информированной миграции.
- *Коррупция* приняла такие чудовищные масштабы в области миграции, ее формы настолько встроены в миграционную инфраструктуру, что нужен «крестовый поход» против коррупции, чтобы справиться с ней. Однако карательные меры и здесь не будут иметь эффекта, если предварительно не будут созданы официальные сервисы, обеспечивающие безопасную и информированную миграцию (информационные, консультационные, правовые, посреднические, помогающие в трудоустройстве, доступе к медицине, рынку доступного жилья и пр.). На месте таких сервисов сегодня вакуум, который заполняется криминальными структурами и питает коррупцию.
- Обеспечение адекватной *статистики* и учета миграции, проведение научных исследований.

Литература

1. Малышева М. (2002) Глобализация, гендерное неравенство и репродуктивный труд женщин // Гендер и экономика. Мировой опыт и экспертиза российской практики. М.: Русская панорама.
2. МОТ (2004) Принудительный труд в современной России. Нерегулируемая миграция и торговля людьми. МОТ, Москва.
3. Население России 2002 (2004). Десятый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.
4. Ненаблюдаемая экономика – попытка количественных измерений (2003) / Под ред. А.Е. Суринова. Москва, Финстатинформ.
5. ILO (2000) Documenting discrimination against migrant workers in the labour market / Ed. by Roger Zegers de Beijl. ILO, Geneva.
6. IOM (2003) Migration Policy issues, № 2, March.
7. Peter Stalker (2000) Workers Without Frontiers. The Impact of Globalization on International Migration. ILO, Lynne Rienner Publishers.
8. UNDP (2002) Human Development Report 2002. New York, UN.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Владимир Ионцев — профессор, заведующий кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия

Андрей Каменский — д.э.н., доцент кафедры народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия

Давид Коулман — профессор Центра исследований в области народонаселения факультета социальной политики Университета Оксфорд, Великобритания

Ирина Прибыткова — ведущий научный сотрудник Института социологии Национальной Академии наук Украины; Председатель исследовательского комитета по проблемам народонаселения и демографического образования Социологической ассоциации Украины, Киев, Украина

Людмила Понкратова — к.г.н., доцент, заведующая кафедрой мировой экономики Амурского Государственного Университета, Благовещенск, Россия

Светлана Грибова — к.э.н., доцент кафедры мировой экономики Читинского института Байкальского Государственного университета экономики и права, Чита, Россия

Сергей Рязанцев — д.э.н., заведующий отделом социальной демографии Института социально-политических исследований РАН

Елена Тюрюканова — к.э.н., ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, Россия

Публикация 12-выпуска серии «Международная миграция населения: Россия и современный мир» — Международная миграция: Каира + 10 —
осуществлена при финансовой поддержке регионального представительства
Фонда ООН по народонаселению (ЮНФПА)

ИНФОРМАЦИЯ О СЕРИИ

Научная серия «**Международная миграция населения: Россия и современный мир**» была основана в 1998 г. на кафедре народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Идея создания серии была связана с резко возросшим масштабом и значением международной миграции в современной России, активизацией теоретических и прикладных исследований российских демографов и экономистов в этой области, в то время как в стране не существовало ни одного периодического издания по международной миграции. Главный редактор серии — В.А. Ионцев, профессор, доктор экономических наук, заведующий кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ. Ответственный секретарь — старший научный сотрудник кафедры народонаселения, к.э.н. И.В. Ивахнюк.

Выпуски серии выходят два раза в год; они представляют собой как сборники статей, так и индивидуальные монографии. Фактически на страницах серии происходит активный обмен мнениями российских и зарубежных ученых по различным теоретическим и прикладным аспектам участия России в международной миграции населения, его причин и последствий.

Первый выпуск (1998 г.) был составлен преимущественно на основе докладов, представленных российскими учеными на Генеральной Конференции IUSSP в Пекине, Китай, в октябре 1997 г. (Подробная информация о Конференции представлена в данном выпуске.) Это статья *В.А. Ионцева и А.Н. Каменского — Россия и международная миграция населения*, раскрывающая проблемы, связанные с участием России в мировых миграционных процессах на новом этапе своего развития. Статья *А. Островского — Миграция рабочей силы из Китая на российский Дальний Восток: возможности иммиграции сегодня и в будущем*, касается превращения трудовой миграции в постоянную иммиграцию в конкретном российском регионе.

Другие статьи первого выпуска посвящены исключительно актуальному для России аспекту международной миграции — «утечке умов»: *И.Г. Ушкалов — Интеллектуальная эмиграция из России: факторы, масштабы, последствия, возможности регулирования*; *И.А. Малаха — «Утечка умов» в странах Центральной и Восточной Европы: состояние, политика регулирования*. Кроме того, первый выпуск серии включает рецензию на знаменитую книгу Джулиана Саймона «Экономические последствия иммиграции». Рецензии на заметные публикации российских и иностранных специалистов по международной миграции являются обязательным разделом каждого из выпусков серии.

Второй выпуск (1999 г.) представлен широким диапазоном тем, связанных с международной миграцией населения в России и в мире: *В.А. Ионцев, А.Г. Магомедова — «Внешняя» миграция между Россией и*

странами ближнего зарубежья (*Исторический обзор*); И.В. Ивахнюк — *Опыт государственного регулирования международной трудовой миграции (на примере Турции)*; А.Н. Каменский — *Экспорт рабочей силы и влияние переводов трудящихся мигрантов на платежные балансы стран выезда*; И.Г. Ушкалов — *Эмиграция и иммиграция: российский феномен*. Помимо статей российских ученых, в сборник включена работа профессора Янеша Малачича (Университет Любляны, Словения) — *Ситуация на рынке труда и в сфере международной миграции в центрально-европейских странах с переходной экономикой*. Начиная с этого выпуска, приглашение зарубежных коллег, работы которых нечасто можно прочесть на русском языке, стало традицией серии: каждый выпуск серии включает, по крайней мере, одну статью иностранного ученого, специализирующегося по проблемам международной миграции.

Третий выпуск (1999 г.) представлен монографией В.А. Ионцева — *Международная миграция населения: теория и история изучения*. В книге рассмотрены современные теоретические направления в объяснении международной миграции населения, дана классификация основных научных подходов в ее изучении. Работа содержит подробный анализ участия России в международных миграционных потоках, начиная с XVIII века до современного этапа развития, а также прогноз развития миграционной ситуации в стране и регионе. Монография дополнена кратким терминологическим словарем по миграции. Заслуживает внимания также обширная библиография, включающая более 1200 названий работ российских и зарубежных авторов по миграционной тематике.

Четвертый выпуск (2000 г.) включает статьи российских и зарубежных ученых, отображающих как современные глобальные тенденции в международной миграции населения, так и специфику миграционных потоков в Россию и из нее. Статья профессора Семы Эрдер (Университет Мармара, Турция) — *Новые тенденции международной миграции и опыт Турции* представляет точку зрения автора на миграционную картину в современной Европе и меняющееся место в ней Турции. Появление нового миграционного пространства в Восточной Европе привело к появлению качественно новых миграционных потоков в регионе. Это стало объектом двух других статей выпуска: И.В. Ивахнюк — *Взаимодействие России и Турции в области международной трудовой миграции*; Е.С. Красинец, Е.В. Тюрюканова — *Миграция Россия — Италия как модель этнонейтральной экономической миграции*. Этнический аспект международной миграции представлен в статье израильского демографа Марка Тольца (Иерусалимский Университет) — *Миграция российских евреев в 90-е гг.*

Среди рецензий, помещенных в четвертом выпуске, одна заслуживает особого внимания. Это последняя книга И.Г. Ушкалова и И.А. Малахи — *«Утечка умов»: масштаб, причины, последствия*. Это не просто хорошая книга, но последняя прижизненная публикация Игоря Георгиевича Ушкалова, безвременно ушедшего из жизни в ноябре 1999 г. Он,

безусловно, был одним из лучших специалистов по международной интеллектуальной миграции.

Пятый выпуск (2000 г.) объединен одной общей темой — влияние международной миграции населения на демографическое развитие. Ситуация в трех бывших республиках СССР — России, Украине и Армении — анализируется в статьях демографов из соответствующих стран: *В.А. Ионцев — Международная миграция населения и демографическое развитие России; А.У. Хомра — Международная миграция и демографическое развитие Украины; Р.С. Еганян — Демографические реалии и перспективы Республики Армения на пороге XXI века.* Показательно сравнение опыта этих трех стран, в которых международная миграция играет прямо противоположную роль на протяжении последнего десятилетия. Статья *М.Б. Денисенко — Замещающая миграция* представляет собой анализ Отчета по Научному проекту ООН по замещающей миграции, участником которого был автор. В статье делается попытка дать ответ на вопрос, может ли замещающая миграция решить проблему старения и сокращения населения в развитых странах. Статья профессора Лувэнского католического университета (Бельгия) *Мишеля Пулэна — Источники данных для измерения международной миграции в странах Центральной Европы* является серьезным вкладом в разработку единой методологии исследований международной миграции населения.

Шестой выпуск (2001 г.) полностью посвящен вынужденной миграции населения и приурочен к 50-летию юбилею деятельности Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) и принятия Конвенции 1951 г., касающейся статуса беженцев. Региональное представительство УВКБ ООН в РФ поддержало издание этого выпуска, и обзорная информация о его деятельности в России за последние пять лет представлена на страницах книги. Естественно, все статьи шестого выпуска посвящены вынужденной миграции населения: *В.И. Мукомель — Вынужденная миграция в контексте миграционных процессов и миграционной политики стран СНГ: этапы развития; Марек Окодьски (Польша) — Миграционное давление на Европу; С.В. Рязанцев — Вынужденная миграция в Европе: современные тенденции и проблемы управления; Филипп Ваннер (Швейцария) — Ищущие убежища в Швейцарии: социально-демографические характеристики; М.Н. Куница — Вынужденная миграция населения в региональном развитии: особенности и проблемы в Брянской области; С.А. Ганнушкина — Право и политика России в области миграции; Я. Нисанов — Тоталитарные традиции и свободное предпринимательство в России: коллизии права, вынуждающие мигрировать.*

Седьмой выпуск (2002 г.) несколько нарушил хронологию серии, поскольку приурочен к юбилею Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, в структуру которого входит кафедра народонаселения. Он представляет собой аннотированную библиографию трудов по миграции сотрудников

Центра за все годы его существования и называется *Миграция населения: 35 лет исследований в Центре по изучению проблем народонаселения (1967–2002 гг.)* (Составитель — *И.В. Ивахнюк*). Библиография дает представление о масштабе и традициях миграционных исследований, создавших хорошую теоретическую основу для формирования современного подхода к изучению нынешнего, качественно нового этапа в миграционной истории России

Восьмой выпуск (2001 г.) посвящен вопросам статистики и учета международной миграции населения, имеющих своеобразные национальные особенности и значительные разночтения, что зачастую затрудняет глубокий сравнительный анализ мировых миграционных потоков. Статья *О.С. Чудиновских* — *Состояние и перспективы текущего учета миграции в России* анализирует недостатки существующей в настоящее время в России системы первичной регистрации мигрантов, которые выступают препятствием для получения достоверных статистических данных по миграции и научного исследования миграционных процессов в стране. Статья *М.Б. Денисенко* — *Эмиграция из России по данным зарубежной статистики* представляет национальную иммиграционную статистику иностранных государств как альтернативный, более точный источник оценки эмиграционных потоков из России. Небольшая статья *Жоржа Таиноса* — *Международная миграция населения как фактор экономического развития* содержит некоторые ценные методологические замечания и ориентиры, весьма актуальные для нынешней миграционной ситуации в России и других государствах бывшего СССР. Статья *А.Е. Слуки* — *Международная миграция населения и демографические проблемы Западной Европы* продолжает важную для нас тему — о роли международной миграции в демографическом развитии, — заявленную в третьем и пятом выпусках.

Девятый выпуск (2002 г.) также имеет единую тему, исключительно актуальную и для России, и для многих других стран мира, — нелегальная, незаконная миграция. Анализ незаконной миграции представлен в широком географическом и тематическом разрезе. В ряде статей рассмотрена ситуация с незаконной миграцией в России: *Г.С. Витковская* — *Незаконная миграция в России: ситуация и политика противодействия*; *Е.С. Красинец* — *Незаконная иммиграция и латентная занятость в приграничных территориях Российской Федерации*; *Т.И. Куценко* — *Нелегальная миграция и незаконная занятость иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ*. Другие статьи посвящены анализу аналогичных проблем в других странах СНГ: *Е.Ю. Садовская* — *Предупреждение незаконной миграции в Республике Казахстан*; *Л.П. Шахотько (Беларусь)* — *Нелегальная миграция: факторы роста и пути решения*. Специфика геополитического положения государств бывшего СССР и относительная «прозрачность» границ между нами привела к формированию особого евро-азиатского миграционного пространства, используемого как транзитный коридор для пере-

правки нелегальных мигрантов из Азии в Европу. Авторы указывают на неразрывность проблем нелегальной миграции и незаконной занятости и на значимость мер государственного контроля за незаконным использованием иностранной рабочей силы в контексте борьбы с незаконной международной миграцией.

Десятый, юбилейный выпуск (2002 г.) составлен из статей признанных специалистов в области международной миграции из разных стран мира. В них представлены как теоретические аспекты изучения миграции населения, так и анализ тенденций развития миграционной ситуации в отдельных странах и регионах. В статье *Дугласа Массея* (США) *Синтетическая теория международной миграции* делается попытка сформулировать универсальную, обобщающую теорию миграции на основе существующих концепций. *Дирк ван де Каа* (Нидерланды) в статье *О международной миграции и концепции второго демографического перехода* убедительно доказывает важность включения миграции населения в анализ демографического развития, делая значительный теоретический шаг в понимании классической теории демографического перехода. По разному, но одинаково интересно предлагают взглянуть на проблемы миграции высококвалифицированных кадров в современном мире *Реджинальд Эпплеярд* (Австралия) — *Миграция квалифицированных кадров в глобализированном мире* и *Ирина Малаха* (Россия) — *К вопросу об «утечке умов» в России во второй половине 1990-х гг.* Новый теоретический подход к пониманию современных тенденций международных миграционных потоков предлагает *Мэри Критц* (США) в статье *Международная миграция: развитые страны как «экспортеры» населения*. Особого интереса заслуживает статья *Марека Окольского* (Польша) — *Наступающие цивилизации, уходящие цивилизации на закате XX века. Взгляд с точки зрения демографии*, где автор показывает роль демографических процессов и, прежде всего, миграции в смене человеческих цивилизаций, в частности, в грядущей смене европейской цивилизации (при условии сохранения современных демографических тенденций в Европе) азиатской цивилизацией, что, по существу, уже происходит в результате китайской иммиграции. Статья *Вили Гельбраса* (Россия) *Китайская миграция и китайские землячества в России* удачно развивает и конкретизирует эту тему. Изменения в миграционных тенденциях в странах восточноевропейского региона и бывшего СССР находятся в центре внимания целого ряда статей: *Янеш Малачич* (Словения) *Тенденции международной миграции в Центральной и Восточной Европе в конце 1990-х гг. и начале XXI века*; *Марк Тольц* (Израиль) — *Статистический анализ алии и эмиграции евреев из России*; *Андрей Каменский* (Россия) — *Современное участие России в международной трудовой миграции*; *Владимир Ионцев, Ирина Ивахнюк* (Россия) — *Россия в мировых миграционных потоках: особенности и тенденции последнего десятилетия (1992–2001 гг.)*.

Одиннадцатый выпуск (2003 г.) озаглавлен «Миграция и национальная безопасность», что отражает активизировавшуюся в российском

обществе, в научных и правительственных кругах, а также в средствах массовой информации полемику относительно именно тех аспектов международной миграции, которые имеют непосредственное отношение к вопросам обеспечения национальной безопасности. Статья *Л. Рыбаковского — Демографическая безопасность: геополитические аспекты и миграция*, — оценивает роль международной миграции и целенаправленной миграционной политики в преодолении демографического кризиса в России, который сам по себе представляет угрозу национальной безопасности и суверенитету России. Этой же теме, но с точки зрения иностранных исследователей, посвящена статья *Грэма Херда и Росарио Пуглиси (Великобритания) — Национальная безопасность и миграционная политика времен В.Путина: взгляд извне*. Анализ роли миграции в противодействии депопуляционным тенденциям актуален как для России (статья *Д. Эдиева — Международная миграция как фактор преодоления депопуляции России*), так и для Украины (статья *А. Хомры — Миграция населения Украины в 1989–2001 гг.: вклад в изменение численности и этнической структуры населения*). Статья *И. Ивахнюк и Р. Даурова — Незаконная миграция и безопасность России: угрозы, вызовы, риски*, — обращает внимание на «многослойность» проблемы, выделяя политический, экономический, криминальный, социальный аспекты. В контексте угроз экономической и этнокультурной безопасности написана статья *С. Соболевой и О. Чудаевой — Иностранцы мигранты на российском рынке труда*, основанная на результатах обследования миграции в восточных регионах России.

Более подробную информацию о научной серии «Международная миграция населения: Россия и современный мир», о тематике планируемых выпусков, об условиях участия в выпусках серии, а также об их приобретении можно узнать по адресу:

Москва, 119992, Ленинские горы, ГСП-2, Экономический факультет МГУ, кафедра народонаселения, к. 442 и 458.

Тел: (7 095) 939 29 28. Факс: (7 095) 939 08 77.

E-mail: iontsev@econ.msu.ru, ivakhniouk@econ.msu.ru.

Учитывая, что выпуски серии «Международная миграция населения: Россия и современный мир» выходят небольшими тиражами и редакция не может удовлетворить спрос всех желающих в их приобретении, выпуски серии размещаются на сайте кафедры народонаселения www.demostudy.ru и доступны для ознакомления.